

Николай Александрович Бердяев

Духовные основы русской революции

Аннотация

Николай Бердяев – один из виднейших представителей русской религиозной философии XX столетия, но прежде всего – первый в нашей стране представитель школы религиозного экзистенциализма, неизменно противопоставляющий свободу духа прокрустову ложу объективной необходимости...

Глава I. Социализм в русской революции

О политической и социальной революции

I

В такое время, как наше, многие слова употребляются не критически и без определенного реального содержания. Словесные лозунги соответствуют известным настроениям и потому приобретают силу, но строгого смысла и содержания они могут быть лишены. Сейчас очень злоупотребляют выражениями «политическая» и «социальная» революция и на этом противополжении ориентируют разные точки зрения на происходящий в России переворот. Одни очень настойчиво утверждают, что в России произошла исключительно политическая революция, другие же требуют, чтобы политическая революция была продолжена в сторону социальной и как можно дальше на этом пути зашла. Для тех, которые стоят на второй точке зрения, революция только начинается, она еще впереди, пройден лишь первый подготовительный этап, за которым должны следовать дальнейшие этапы социально-классовой революционной борьбы. Социал-демократы не в силах выдержать последовательно точки зрения социальной революции и даже у г. Ленина она представлена не в совсем чистом виде. Сами же социал-демократы очень любят говорить, что русская революция – буржуазная, а не пролетарская и не социалистическая, и по поводу происходящего безответственно склоняют слова «буржуазия» и «буржуазность». И они же настаивают, что эту буржуазную революцию сделал рабочий класс и что он должен в ней господствовать. Если под выражением «социальная революция» нужно понимать социалистическую революцию, то остается непонятным, как можно по существу буржуазную революцию превратить в социалистическую какими-либо насильственными, диктаторскими мерами, борьбой за политическую власть рабочего класса, не соответствующую его социальному весу в данный исторический момент. Выражение «буржуазная революция» во всех отношениях очень плохое, по моральным своим мотивам даже безобразное выражение, и нужно просто признать, что буржуазная революция есть прогрессивный этап в историческом развитии народов. Сам Маркс признавал за буржуазией в высшей степени прогрессивную и революционную роль в истории. В сущности, буржуазная революция означает национальную, всенародную революцию, момент в исторической судьбе целого народа, в его освобождении и развитии. «Буржуазная» революция сейчас в России и есть не классовая, а сверхклассовая, всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общегосударственные. А если бы сейчас в России произошла «пролетарская» революция, то она была бы исключительно классовою, антинациональной и антигосударственной и привела бы к насильственной диктатуре, за которой по непреложному закону последовал бы цезаризм.

Когда происходит великий исторический переворот в жизни народа, то всегда есть в нем некоторая объективная линия, соответствующая общенациональным, общегосударственным историческим задачам, линия истинно творческая, в которой целый народ влечется инстинктом развития и тайным голосом своей судьбы. Истинная политика и есть угадывание этой национальной линии. И все, что срывает в сторону, должно быть признано не творческим, разрушительным и реакционным в глубочайшем смысле этого

слова, нереальным, призрачным. Многое, представляющееся очень революционным, реально бывает реакционным. Лассаль признавал реакционными крестьянские войны и крайние течения реформационной эпохи; прогрессивной же признавал лишь Лютеровскую реформацию, которая была на современном языке «буржуазной», но совершила огромное всемирно-историческое дело. С этой точки зрения он признал бы глубоко реакционными русские большевистские и максималистские социалистические течения и лишил бы их всякого исторического значения. В революционном максимализме всегда отсутствует творческий исторический инстинкт, и никогда гений не влечется в эту сторону. И всякий, обладающий творческим историческим инстинктом, постигающий судьбу народов, должен признать реакционным срывом все максималистские социалистические течения в нынешний час исторического существования России. Эта истина блестяще подтверждается тем, что при более глубоком взгляде на происходящее у нас не оказывается никакого социального движения и нет никакой социалистической идеи. Социализм есть во всяком случае идея регуляции социального целого; он все хочет привести в соответствие с социальным организмом, он противится хозяйственной анархии. Но то стихийное массовое движение, которое именуется у нас социальным, не вдохновляется сейчас идеей социального целого, идеей регулирующей и организующей всю нашу народную хозяйственную жизнь; в нем явно преобладают интересы личные и групповые в ущерб целому, в нем нет самоограничения, в нем слишком много корыстного и захватного. Этот антисоциальный характер движения есть наследие старого режима, старого рабства, старого отсутствия навыков к свободной общественности, свободного подчинения личности целому. Временное господство этих течений может кончиться лишь такими призраками, как царство Сиона Иоанна Лейденского или Парижская коммуна. Но принудительное водворение «Царства Божьего на земле» всегда пахнет кровью, всегда есть злоба и взаимное истребление. В таком максимализме есть глубокая религиозная и моральная ложь, не говоря уже о его социальной и исторической невозможности.

II

Политическая революция в России, столь страшно запоздалая, будет, конечно, иметь свою социальную сторону, как это бывает во всяком великом историческом перевороте. Перед Россией стоит задача очень серьезных, смелых социальных реформ, особенно в сфере аграрной. Политическая революция в России совсем не означает торжества старого буржуазного либерализма, который давно уже идейно разложился и не может никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу. Россия вступает на путь политической свободы в поздний час истории, отяжеленная опытом западноевропейской истории, но легкая и свободная от собственного опыта и собственных связывающих традиций. Вступает она на этот путь в исключительной обстановке мировой войны, потрясающей основы современных обществ. И думается, что в России возможны и даже неизбежны смелые опыты социализации, совершенно внеклассовой, государственной, не похожей ни на какой доктринальный социализм. Грядущий день истории сотворит непредвиденное и, вероятно, обманет ожидания и «буржуазные», и «социалистические». Развитие капитализма в России не может уже быть подобно классическому английскому его развитию. Борьба против темных и злых сторон капиталистического развития должна у нас начаться в первоначальных стадиях этого процесса, и организованные рабочие не могут не оказывать воздействия на социальную структуру его. Это ясно должен сознать русский промышленный класс и этим сознанием изготовить себе творческую роль в социальном перерождении России. Идея «социальной революции» по существу не творческая идея, и она предполагает неизбежность социального катаклизма именно потому, что никакого творческого социального процесса, устраняющего зло, не происходило, а происходило лишь фатальное и неотвратимое нарастание социального зла. Классический марксизм и сложился под влиянием английского типа первоначального развития капитализма,

который в чистом виде явил злые стороны этого процесса. Но всякое социальное творчество предотвращает социальную революцию.

У нас необходимо напомнить о той выяснившейся окончательно истине, научной и философской, что социальная революция в строгом смысле слова вообще невозможна, ее никогда не бывало и никогда не будет. В этой области слово «революция» можно употреблять только иносказательно, лишь в очень расширенном смысле. Так, например, мы говорим, что в XIX веке великие технические изобретения были великой революцией, перевернувшей всю человеческую жизнь. Но по существу нужно сказать, что возможна лишь социальная эволюция с более или менее ускоренным темпом, возможны лишь социальные реформы более или менее смелые и радикальные. Изменение социальной ткани обществ есть всегда длительный молекулярный процесс; оно зависит, с одной стороны, от состояния производительных сил, от экономического творчества, промышленного и сельскохозяйственного, с другой – от незримых изменений в человеческой психике. Творческое отношение человека к природе и творческое отношение человека к человеку, то есть творчество экономическое и творчество моральное, изменяет социальную ткань. Заговорами, бунтами, восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной, все это есть лишь накипь. Насильственные эксперименты, производимые явочным порядком, лишь отбрасывают назад в социальном развитии. И для Маркса социалистическая революция, Zusammenbruch капиталистического общества, предполагает длительный процесс развития капиталистической промышленности – к ней ведут не диктаторски-насильственные действия пролетариата, а объективная диалектика капиталистического развития, объективный экономический крах капиталистического хозяйства, концентрация, перепроизводство и кризисы. Марксизм не допускает такого социализма, при котором понизилась бы производительность труда. Социализм может тогда лишь заменить капитализм, когда он может оказаться более производительным. Но марксизм представляет собою крайне некритическое смешение точки зрения объективной эволюции, совершающейся неотвратимо и фатально, с точкой зрения субъективно-классовой, переоценивающей значение революционной активности пролетариата. И критика марксизма шла с двух сторон.

III

Марксистские Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie оказались несостоятельными со всех точек зрения. Эти теории не только научно неверны и совершенно устарели, но с ними связана и ложная моральная настроенность. Развитие капитализма пошло другими, более сложными путями, смягчающими противоречия, ослабляющими зло, увеличивающими значение рабочего класса и его благосостояние внутри самого капиталистического общества. Поэтому социал-демократия подверглась роковому процессу «обуржуазивания». Да и идеалы ее в сущности всегда были буржуазными. Духовная буржуазность социализма, его рабство у социальной материи, его отрицание ценностей, его неспособность подняться над ограниченной целью человеческого благополучия до целей более далеких и высоких, совершенно несомненна и обнаруживается все более и более. И менее всего можно искать противоядия против этой буржуазности в идее социальной революции, которая порождена рабством духа. Марксистская Zusammenbruchstheorie была построена по гегелевской диалектической схеме. Но в этой теории было все-таки больше уважения к факту социальной эволюции, чем у г. Ленина и большей части русских социал-демократов, которые в сущности соединяют старое русское народничество со старым русским бунтарством.

Мировая война поставила в исключительные условия хозяйственную жизнь народов и вызывает неотвратимый процесс государственной регуляции и социализации. Но этот военный социализм, этот социализм бедности, внеклассовой и государственной, не дает никаких жизненных оснований для возрождения идеи социальной революции. На этом горьком пути вырабатываются навыки, которые будут иметь значение для дальнейшего

социального процесса, и вряд ли возможен после войны возврат назад, к совершенно нерегулированной хозяйственной жизни капиталистических обществ. Но это будет лишь новый фазис социальной эволюции, который ни к какому «социализму» в доктринерском смысле не приведет. Социализм, как он конструируется в социалистических доктринах, всегда будет или преждевременным, или слишком запоздалым. Когда наступит время для социализма, то он окажется уже ненужным и устаревшим, так как будет уже новая жизнь, не похожая на ту, которая преподносилась в социалистических мечтах, скованных отрицательными связями с буржуазно-капиталистическим строем. В социалистической идее нет почти ничего творческого.

Многие из нас, русских критических марксистов второй половины 90-х годов, глубоко пережили крушение идеи социалистического *Zusammenbruch*'а, идеи социальной революции. Происходившая с тех пор идейная работа не оставила камня на камне от старых социальных утопий; она не только научно, но и религиозно их преодолела. Проблема социальная разбилась и была поставлена в связь с проблемой космической. Для людей духовного опыта и усложненной мысли стало ясно, что невозможна совершенная организация человеческой общности на поверхности земли, изолированной от мирового целого, от всего божественного миропорядка. Между человеческой общностью и космической жизнью существует таинственный эндосмос и экзосмос. И столь быстрое восстановление у нас и быстрая победа детски незрелой, смутной идеи социальной революции есть лишь показатель отсталости и малокультурности широких масс, не только народных, но и интеллигентских, идейного убожества тех кругов, которые со слишком большой гордостью именуют себя демократическими. Для всякого, дающего себе отчет в словоупотреблении, должно быть ясно, что не только у нас сейчас не происходит социальной революции, но социальной революции вообще никогда не произойдет в пределах этого материального мира. Но легко могут принять за социальную революцию социальную дезорганизацию и социальный хаос, восстание частей против целого. Это антисоциальное движение может показаться его сторонникам и противникам революционным в социалистическом смысле этого слова. И следует всеми силами выяснять, что захватная борьба за власть отдельных личностей, групп и классов не имеет ничего общего с природой социального процесса и социальных задач. В один день может пасть власть и замениться другой, да и то после длительного подготовительного процесса. Но в социальной ткани в один день не может произойти ничего, кроме психических и экономических молекулярных процессов и формулировки социальных реформ, подготовленных в соответствии с этим молекулярным процессом. И классам, настроенным враждебно к социализму, следовало бы освободиться от унижительного страха перед социальной революцией. Страх этот несет отраву в нашу народную жизнь. Классы экономически господствующие должны будут пойти на самоограничение и жертвы во имя социального возрождения русского народа. Но упование на революционный социальный катаклизм, который мыслится как прыжок из царства необходимости в царство свободы, есть лишь смутное и бессознательное переживание эсхатологического предчувствия конца этого материального мира. До тех же таинственных времен и сроков может быть лишь социальная эволюция, лишь социальные реформы, регулирующие целое, но всегда оставляющие иррациональный остаток в социальной жизни, но никогда не преодолевающие до конца зла, коренящегося в жизни космической и в приливающих из ее недр темных энергиях. Перед Россией стоит задача социального устройства, а не социальной революции. Социальная же революция может быть у нас сейчас лишь социальным расстройством, лишь анархизацией народного хозяйства, ухудшающей материальное положение рабочих и крестьян. И перед теми бесконечно трудными и сложными задачами, перед которыми поставила Россию судьба, всякий розовый оптимизм был бы неуместен и даже безнравствен. Силы зла сильнее в этом мире, чем силы добра, и они могут являться под самыми соблазнительными обличьями и самыми возвышенными лозунгами. И русской демократии предстоит прежде

всего пройти суровую школу самоограничения, самокритики и самодисциплины. Нас ждет не социальный рай, а тяжелые жизненные испытания. И нужен закал духа, чтобы эти испытания выдержать. Все социальные задачи – также и духовные задачи. Всякий народ призван нести последствия своей истории и духовно ответствен за свою историю. История же наша была исключительно тяжелая и трудная. И безумны те, которые, вместо того чтобы призывать к сознанию суровой ответственности, разжигают инстинкты своекорыстия и злобы и убаюкивают массы сладкими мечтами о невиданном социальном блаженстве, которое будто бы покажет миру наша несчастная, настрадавшаяся бедная родина.

«Русская свобода», № 4, 29 апреля 1917 г.

О буржуазности и социализме

I

Многие слова, ныне получившие широкое уличное употребление, носят характер магических заклинаний; многие формулы, пущенные ныне в ход, носят сакральный характер и принимаются массой не только без критики, но и без понимания. К таким заклинательно-магическим словам принадлежит слово «буржуазия» и «буржуазность». Слово это ныне царит над массой, масса находится в рабстве у этого слова, смысл которого ей не может быть достаточно понятен. Слово падает в темную среду, не подготовленную к восприятию сложных мыслей, и оно не просветляет ее, но лишь увеличивает тьму. Заклинание пробуждает какие-то инстинкты, соответствует каким-то интересам, но никаких ясных понятий и идей с ним не связывается. Что понимают под «буржуазией» в нынешний день? Под «буржуазией» понимают не просто промышленный класс, не просто капиталистов, не «третье сословие». Ныне у нас категория «буржуазности» употребляется в несоизмеримо более широком смысле. Вся Россия, все человечество делятся на два непримиримых мира, два царства: царство зла, тьмы, дьявола – буржуазное царство и царство божеское, добра, света – царство социалистическое. В этой психологии по-своему переживается старое, вековое религиозное деление и противоположение, но в искаженной форме. Социал-демократы, отравившие рабочую массу истребляющей ненавистью к «буржуазии» и «буржуазности», употребляют эти слова в социально-классовом, материалистическом смысле, но придают своей социально-классовой точке зрения почти религиозный отпечаток. Этот позитивно-материалистический, социально-классовый смысл слова не может быть выдержан до конца. И социалисты, материалисты принуждены признать, что «буржуазность» есть известная психическая настроенность, известная жизненная оценка, не столько состояние социальной материи, сколько отношение к ней человеческого духа. «Буржуазная» настроенность и «буржуазная» оценка могут быть и у человека, не принадлежащего к буржуазному классу, не имеющего никакой собственности, и, наоборот, у буржуа по своему классовому положению может и не быть такой «буржуазности». Совершенно бесспорно, что «буржуазность» есть состояние духа человеческого, а не социально-классовое положение человека, – она определяется отношением духа к материальной жизни, несвободой духа и бессилием духа преодолеть власть материи, а не самой материальной жизнью.

Великими борцами против буржуазного духа в XIX веке были Ницше и Ибсен, которые не были социалистами, не имели никакого отношения к пролетариату и сейчас, наверное, были бы сопричислены к царству «буржуазии», ибо сейчас уличная мудрость причисляет к «буржуа» всех людей духа. Быть может, самым ярким выразителем антибуржуазного духа в русской литературе был реакционер К. Леонтьев – все дело его жизни было борьбой против надвигающегося серого царства мещанства. Дух его был менее «буржуазен», чем дух всех «большевиков» и «меньшевиков», добивающихся серого благополучного земного рая. Во Франции есть замечательный писатель Леон Блуа, своеобразный католик, реакционер-революционер, не имеющий ничего общего с социализмом, и он восстал с небывалым радикализмом против самих первооснов

буржуазности, против царящего в мире буржуазного духа, против буржуазной мудрости. Он, как христианин, вскрыл метафизические, духовные основы буржуазности и постиг мистерию буржуа как противоположность мистерии Голгофы. «Буржуа» видимое всегда предпочитает невидимому, этот мир – миру иному. Ницше сказал бы, что «буржуа» «ближнее» всегда любит больше, чем «дальнее». Дух буржуазности противоположен горному духу Заратустры. Ибсен сказал бы, что духу буржуазному противоположен дух того человека, который стоит на жизненном пути одиноко. Духу буржуазному противоположен глубоко и существенно не дух социалистический и пролетарский, а дух аристократический. Буржуазное царство есть царство количеств. Ему противостоит царство качеств. Дух буржуазный все строит на благе, благополучии и удовлетворении. Дух же полярно ему противоположный все должен строить на ценностях, должен тянуться к великой духовной дали. Поэтому буржуазный дух не любит и боится жертвы, дух же антибуржуазный в основе своей жертвенный, даже когда утверждает силу. Буржуазность не создана социализмом, она создана старым, дряхлеющим миром. Но социализм принимает наследие буржуазности, хочет приумножить и развить его и довести дух этот до универсального торжества. Социализм есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир, целиком им определяющаяся и от него получающая все ценности. В нем нет творческой свободы.

II

Идеал окончательного устройства этого мира и окончательного довольства и благополучия в этом мире, убивающий жажду мира иного, и есть буржуазный идеал, и есть предел буржуазности, всеобъемлющее и справедливое распределение и распространение буржуазности по земле. Буржуазный дух – прежде всего антирелигиозный дух. Буржуазность есть антирелигиозное довольство этим миром, желание утвердить в нем вечное царство и прикрепить к этому царству дух человеческий, предпочтение мира – Богу. И сама идея Царства Божьего на земле, в этом трехмерном, материальном мире есть буржуазное искажение истинного религиозного упования. В старом еврейском хилиазме была буржуазность, которая перешла и в новую его социалистическую трансформацию. Буржуа чувствует себя исключительно гражданином этого замкнутого мира и этой поверхностной земли, ему чуждо гражданство небесное, гражданство иных миров. Для буржуа небо всегда исключительно приспособлено для интересов земли, мир иной – для интересов мира сего. Такова и религиозность буржуа. И поистине антибуржуазен тот, кто ценность ставит выше блага, внутреннее выше внешнего, жертву выше удовлетворения, качество выше количества, дальше выше ближнего, мир иной выше мира этого, личность выше безличной массы, кто Бога любит больше мира и самого себя. Это и есть столкновение двух полярных мировых начал. Буржуа есть истребитель вечности во имя временности, раб времени и материи. Лесть миру, лесть человекам и человеческой толпе и есть основное его свойство. Внутренняя свобода духа, победа над властью временности и материальности и есть преодоление «буржуазности». Христос осудил богатство как рабство духа, как прикованность к этому ограниченному миру. Смысл этого осуждения не социальный, а духовный, обращенный к внутреннему человеку, и он менее всего оправдывает зависть и ненависть к богатым. Эта зависть и ненависть есть буржуазное движение человеческого сердца и обнаруживает все то же рабство человеческого духа.

И нужно решительно сказать, что в социализме нет ничего противоположного духу буржуазности, нет никакого противоядия против окончательного воцарения буржуазности в мире. Рабочий может быть не менее типичным буржуа, чем промышленник или купец, его экономически угнетенное положение не гарантирует ему никаких духовных качеств, оно слишком часто лишает его благородства. Буржуазность не зависит от принадлежности к классу, хотя целые классы в средней массе своей могут быть захвачены духом буржуазности. В сущности всякая классовая психология – буржуазна, и буржуазность побеждается лишь тогда, когда человек возвышается над классовой психологией во имя

высших ценностей, во имя правды. Рабочие и крестьяне в своей чисто классовой психологии, в своих интересах так же духовно буржуазны, как промышленники, купцы или аграрии. И это не меняется от того, что интересы первых более справедливы, чем интересы вторых. Для классового социализма, претендующего на творчество новой культуры, фатально то, что все высшие ценности, ценности духовной культуры, ценности «наук и искусств» созданы буржуазией в социально-классовом смысле. Рабочий класс не создал никаких ценностей, не обнаружил никаких зачатков творчества новой культуры, нового духовного типа человека. Он все заимствует у буржуазии, питается ею духовно и фатально «обуржуазивается» по мере роста своей культурности, своей сознательности, своего приобщения к благам цивилизации. За пятьдесят лет своего наиболее героического существования социалистический пролетариат – этот «класс-мессия» – ничего не сотворил. В сфере религиозной сознательный социалистический пролетариат усвоил себе старый буржуазный атеизм и старую буржуазную материалистическую философию, в сфере моральной – старую буржуазную утилитарную мораль, в сфере жизни художественной он унаследовал буржуазную отчужденность от красоты, буржуазную нелюбовь к символизму и буржуазную любовь к реализму. Уровень пролетарской культуры не подымается выше самого старого, банального и для более культурного слоя давно разложившегося «просветительства». Идеюное убожество социалистического движения поразительно. Так ли вступало в дряхлеющий мир христианство с благой вестью о новой жизни? Где можно найти признаки оригинального пролетарского творчества? Не порыв творчества, а позыв интереса управляет классовой психологией. Сама ценность социализма создана буржуазией, буржуазным культурным слоем, к которому принадлежали и первые социалисты-утописты, и Маркс, и Лассаль, и Энгельс, и русские идеологи социал-демократы, и социалисты-революционеры. Для пролетариата социализм есть истолкование их интересов и непосредственных инстинктов. Лишь для идеологов из культурного буржуазного слоя он был идеей, ценностью. Как интересы и корыстные инстинкты какого-либо класса могут превращаться в идею и ценность для отдельных выходцев из других классов, это и есть самая интересная проблема психологии и идеологии социализма.

III

Социализм и есть идеал окончательной буржуазности, буржуазности справедливой и повсеместно распределенной, идеал вековечного закрепощения этого мира в буржуазном благоденствии. Безумно ждать от социализма победы над современной «буржуазной» культурой – он ее лишь доводит до конца. Буржуазность нужно искать не во внешних формах социализма, а во внутреннем его духе. Дух этот ставит количество выше качества, благо выше ценностей, безличную массу выше личности, удовлетворение выше жертвы, мир выше Бога, – дух этот закрепощен этому миру, он в необходимости, а не в свободе. Социализм не выдвинул до сих пор никаких ценностей, кроме ценностей материального обеспечения, удовлетворения и насыщения. Духовно же он живет ценностями, созданными «буржуазным» миром, его творчеством, его науками и искусствами, его изобретениями. Обещание явить образцы творчества чисто пролетарского, чисто социалистического не были исполнены, и социалистическое движение уходит все дальше и дальше от выполнения этих обещаний. Социалистический дух стоит во враждебном отношении ко всякой творческой личной оригинальности, в которой только и можно искать противоядия против «буржуазности». Социализм духовно нивелирует, приводит всех к среднему серому уровню, покупает некоторый подъем равнин дорогой ценой исчезновения всех вершин. Слушайте речи социал-демократов, читайте их газеты, их брошюры, их книги. Все говорят одно и то же, пишут одним и тем же языком, повторяют те же слова, пережевывают одни и те же серые мысли. Нигде не видно лица, личной мысли, личного творчества. От этого делается почти жутко. Спускается серая мгла и сулит серый рай, рай небытия. Идеал социализма – не творческий, а распределительный, не горный, а равнинный, плоскостной. «Буржуазный» мир – половинчатый и грешный, в

нем нет ценности. Социализм хотел бы утвердить окончательную «буржуазность», святую «буржуазность», справедливую, праведную, цельную «буржуазность». Религия социализма принимает искушение хлебами, отвергнутое Христом в пустыне. Социализм делает из хлеба религию и за хлеб продает духовную свободу человека. Это раскрывает Достоевский в легенде о Великом Инквизиторе. Это раскрывает и Вл. Соловьев в повести об Антихристе. Христос отверг искушение хлебом и научил молиться о хлебе насущном.

Я думаю, что дух материалистического, классового социализма, особенно в социал-демократической форме, глубоко буржуазный дух, глубоко антихристианский дух. Но я говорю это не как враг социализма. Я думаю, что в социализме есть своя большая правда и свой большой вопрос. Думаю я также, что вина за духовную ложь и неправду социализма лежит не на нем, а на тех слоях, которые первые вступили на путь буржуазности, путь порабощения духа материальности и классового самоутверждения. Социализм имеет лишь рефлекторную природу, он лишь продолжает, а не начинает, он не имеет духовной инициативы, а лишь завершает. Правда же социализма может быть осуществлена лишь в ином духе, в иной духовной атмосфере, не в материалистическом сознании, без классовой ненависти, без притязания на принудительное водворение Царства Божьего на земле, путем революционного катаклизма, с сохранением внутренней духовной свободы. Рабствующий собственным страстям, льстящий интересам и инстинктам масс не может созидать царства свободы. Дух классовой ненависти и злобы ведет к отрицанию образа Божьего в человеке, он истребляет идею человечества и находится в непримиримом противоречии с упованиями самого социализма. Социальная корысть есть грех человеческий, но социальная корысть, возведенная в высшую святыню, есть уже дух антихристов. Все двойится в социализме и в демократии – правда перемешивается с ложью, свет с тьмой, Христово с антихристовым. Мировая жизнь вступает в период, когда нет уже ясности и кристальности, нет твердых очертаний, нет легко воспринимаемых границ, отделяющих царство света от царства тьмы. Величайшие соблазны и испытания поставлены перед духом человеческим. Соблазны величайшего зла могут явиться в обличье добра. Дух антихристов должен иметь соблазнительно-христианское обличье. И необходимо бодрствование духа и трезвение духа, чтобы разгадать двойственную природу социализма, который идет в мир с новым обетованным царством. На различие не способны те, кто находится в состоянии стихийного опьянения и духовного рабства.

Сейчас в темные еще массы русского народа брошены семена ненависти к «буржуазии» и «буржуазности». Смысл этих ненавистных слов остается непонятным для масс. И то, как воспринимаются массами эти заклинательные слова о «буржуазии» и «буржуазности», внушает опасение не только за судьбу России, русского государства, русского народного хозяйства, но – в тысячу раз важнее – за судьбу души русского народа, души женственной, податливой и хрупкой, не прошедшей суровой школы самодисциплины и самоуправления. Проповедь ненависти к «буржуазии» и «буржуазности» и делает «буржуазным» русский народ, искажает его христианский облик. Пока у нас еще тихая, благодушная анархия, столь характерная для русского племени. Но может наступить и что-то более жуткое. Тогда ответственность падет не на народ, а на те слои интеллигенции, которые, не ведая глубокого смысла слов, бросают их безответственно, оставаясь на поверхности. Так убивается святыня в русской душе и воцаряется интерес. И самой интеллигенции нужно проповедовать, что основным разделением мира и человечества остается не временное разделение на царство «социалистическое» и царство «буржуазное», а вечное разделение на царство правды и лжи, добра и зла, царство божеское и дьявольское, Христово и антихристово. Навеки «буржуазности» в духовном смысле слова противостоит лишь христианство. В нем внутренний человек побеждает человека внешнего.

«Русская свобода», № 8, с. 3-8, 1917 г.

Религиозные основы большевизма

(Из религиозной психологии русского народа)

I

Такая постановка темы может вызвать недоумение. Какое отношение имеет большевизм к религии? Большевики, как и подавляющее большинство социал-демократов, – материалисты, позитивисты, атеисты, им чужд всякий религиозный интерес, они насмеяются над всякой религиозной постановкой тем. Все скажут, что большевизм есть явление совершенно внерелигиозное и антирелигиозное. Все это так, если оставаться на поверхности и считать окончательными те словесные формулы, в которые люди облачают свое сознание. Но я думаю, что сами большевики, как это часто бывает, не знают о себе последней правды, не ведают, какого они духа. Узнать же о них последнюю правду, узнать, какого они духа, могут лишь люди религиозного сознания, обладающие религиозным критерием различения. И вот, я решаюсь сказать, что русский большевизм – явление религиозного порядка, в нем действуют некие последние религиозные энергии, если под религиозной энергией понимать не только то, что обращено к Богу. Религиозная подмена, обратная религия, лжерелигия – тоже ведь явление религиозного порядка, в этом есть своя абсолютность, своя конечность, своя всецелость, своя ложная, призрачная полнота. Большевизм не есть политика, не есть просто социальная борьба, не есть частная, дифференцированная сфера человеческой деятельности. Большевизм есть состояние духа и явление духа, цельное мироощущение и мирозерцание. Большевизм претендует захватить всего человека, все его силы, он хочет ответить на все запросы человека, на все муки человеческие. Большевизм хочет быть не кое-чем, не частью, не отдельной областью жизни, не социальной политикой, а всем, всей полнотой. Как вероучение фанатическое, он не терпит ничего рядом с собой, ни с чем ничего не хочет разделить, хочет быть всем и во всем. Большевизм и есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности. В этом он родственен французскому революционному синдикализму. По всем своим формальным признакам большевизм претендует быть религией, и нужно определить, какого рода эта религия, какой дух она несет с собой в мир.

Революционная социал-демократия подверглась процессу выцветания, обуржуазивания, дифференциации, она постепенно превратилась в практическую социальную политику эволюционно-реформаторского типа. Пафос революционного социализма незаметно выветрился. Европейские социал-демократы стали культурными людьми, признали такие «буржуазные» ценности, как национальность и государство, и их конечное мирозерцание превратилось в частное дело. Лишь в сознании русских большевиков революционный социализм остается религией, которую они огнем и мечом хотят навязать миру. Это что-то вроде нового ислама, в котором хотят заслужить себе рай избиением неверных. Большевики, как и все религиозные фанатики, делят весь мир и все человечество на два царства – царство Божье, царство социалистического пролетариата, и царство дьявола, царство буржуазное. Я все время буду говорить лишь об искренних, верующих большевиках, ибо в этой среде есть и много темных элементов, провокаторов, шпионов, подкупленных, и нравственных идиотов.

Религиозная основа большевизма пока еще очень неясна и для многих незаметна. Но христианин, верующий во Христа пришедшего и ожидающий Христа грядущего, должен взять на себя смелость сказать, какой дух входит в мир с фанатическим революционным социализмом большевиков. Великие русские писатели – Достоевский в «Легенде о Великом Инквизиторе» и Вл. Соловьев в «Повести об Антихристе» – помогают нам разгадать этот дух. Русская религиозная мысль много сделала для выявления конечных религиозных основ социализма, для выяснения его двоящейся природы, сделала больше, чем мысль западная. В русской религиозной мысли всегда была апокалиптическая настроенность и устремленность. И потому ей удалось выяснить, что дух того, кто явится в конце времен и кто соблазнит своим подобием Христу, будет действовать во имя счастья и блага людей, во имя миллиона счастливых младенцев, не знающих греха. Дух этот

пожелает осчастливить людей, лишив их духовной свободы. За отречение от духовного первородства, от образа Божьего в человеке и божественного его предназначения, от свободы, от личности сулит Великий Инквизитор счастье, блаженство, всемирное соединение и покой. «Он ставит в заслугу себе и своим, что, наконец-то, они поборолли свободу, и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми». «Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны». «И все будут счастливы, все миллионы существ». «Если бы и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они». И герой «Повести об Антихристе» – великий филантроп, он тоже хочет осчастливить людей, он окончательно решает социальный вопрос и водворяет социальный рай, но все тою же страшной ценой.

II

Достоевский и Соловьев гениально, пророчески вскрыли этот двоящийся образ грядущего, прельщающий миллионы младенцев. Когда вдумываешься в то, что сейчас происходит, то вспоминаешь правду слов легенды о Великом Инквизиторе: «ничего и никогда не было для человека и человеческого общества невыносимее свободы». И «Легенда о Великом Инквизиторе», и «Повесть об Антихристе» ставит проблему антихриста в связь с проблемой социализма. И поистине в социализме, как мировом явлении большого масштаба, есть что-то двойственное и двоящееся – в нем правда перемешана с ложью, христово с антихристовым, начало освобождающее с началом поработавшим. Социализм – очень сложное явление, и идейно сложное, и жизненно сложное. И нельзя быть просто другом социализма или врагом его. Антихристов соблазн основан на том, что последнее зло является в обличье добра, что этого последнего зла нельзя различить по внешности, что злая сила действует во имя блага человечества, во имя высоких, справедливых, прекрасных целей, во имя равенства и братства, во имя всеобщего счастья и благополучия. На этом основана вся соблазнительная диалектика антихристового духа, раскрытая Достоевским. Дух этот принимает все эти искушения, отвергнутые Христом в пустыне. Дух этот совершает инквизиторские насилия во имя блага и счастья людей, во имя справедливости и равенства. Социализм, как религия, и есть прежде всего принятие первого искушения, искушения хлебами. «А видишь ли Ты сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлеба, и за Тобой побежит человечество, как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отымешь руку Твою и прекратятся им хлеба Твои». И послушное стадо побежит за теми, которые соблазняют его превращением камней в хлеба. Большеизм идет по стопам Великого Инквизитора. Во имя счастья и равенства дух этот хотел бы истребить все возвышающееся, все качественное, все ценное, всякую свободу, всякую индивидуальность. Дух этот проповедует всемирное равное блаженство в небытии. Дух этот ненавидит бытие как качество, как возвышение, и во имя равенства и блаженного успокоения истребляет его и повергает в небытие. Духу этому ненавистен тот онтологический аристократизм, который лежит в основе всякой подлинной религии и более всего – христианства, аристократизм духовной свободы и духовного первородства, божественного происхождения человека. Этот дух хамизма утверждает низкое происхождение человека. Люди – не сыны Божьи, а сыны мира. Из самых низин материи и материальной тьмы хочет он вызвать бунт и восстание во имя уравнения бытия с небытием, во имя погружения всех качеств бытия в бескачественное небытие. Это – мистический коммунизм.

Дух этот принимает не только первое искушение хлебами, но и два других искушения, и на них хочет он создать царство мира сего. Дух этот соглашается поклониться царству мира сего и броситься в бездну. Всемирный революционный социализм большевиков хочет превратить камни в хлеба, броситься в революционную бездну в надежде на революционное чудо и основать вековечное царство мира сего, подменяющее царство Божье. Эта религия социализма во всем противоположна религии

Христа, которая учит, что не единым хлебом жив будет человек, но и словом Божиим, учит поклоняться единому Господу Богу, а не царству мира сего, и отвергает искушение чудом во имя свободы. Религия социализма хочет истребить все качества бытия, все возвышающееся, и утопить в царстве небытия. Она отвергает свободу, свободу сынов Божьих, и принимает необходимость и принуждение сынов мира сего, детей низшей материи. Соблазн мирового социального катаклизма, «прыжка из царства необходимости в царство свободы» и есть соблазн искушением броситься в бездну, искушением социального чуда. Социальная революция, приобретающая мистическую окраску, и есть третье искушение, отвергнутое Христом во имя духовной свободы человека. Этому искушению должна быть противопоставлена социальная трезвость как требование аскетической религиозной дисциплины. Социализм как проблема социальной политики и социальной этики, как социальный реформизм, как реальное улучшение положения трудящихся, дающее хлеб насущный, религиозно нейтрален и может составить неотъемлемую часть христианского отношения к жизни. В социализме есть своя великая правда. Но этот праведный социализм исходит из свободы человеческого духа и не допускает порабощения человеческого духа хлебом и темным безднам, сулящим чудесное блаженство в земном царстве. Социализм же, мечтающий о создании всемирного царства механическими революционными чудесами, есть антихристов соблазн, он отрицает свободу духа и лишает человека его богосыновства.

III

Русские по женственной природе своей легко поддаются соблазнам двоящихся образов, соблазнам зла, принявшего обличье добра. Самозванство так характерно для русской истории. В ней часто являлись образы двоящиеся, природа которых неопределима, не личности, а личины. В наших мистических народных сектах немало было таких личин, двоящихся образов, лже-христов и лже-богородиц. В русском народе есть очень своеобразная мистическая стихия, стихия хлыстовская, уходящая в глубину языческих корней народной жизни. Русское хлыстовство в конце концов связано с неверным, болезненным взаимоотношением мужественного и женственного начала в русской народной душе и русском народном характере. В мистической глубине русского народа не произошло внутреннего брака, истинного соединения мужественного и женственного начала в народном характере. Душа народа остается женственной, оторванной от начала мужественного, вечно ожидающей жениха и вечно не того принимающей за своего суженого. На этой почве развилась метафизическая истерия в русском народном характере. Ее раскрыл Достоевский. На этой почве расцветает всякого рода одержимость. Одержимость большевизмом есть новая форма исконного русского хлыстовства. Это хлыстовство одинаково может быть и черным, и красным, хлыстовским героем одинаково может быть и Григорий Распутин, и Ленин. И все это будет явлением пассивности, а не активности русской души, ее дурной и болезненной, истерической женственности. Большевики, конечно, находятся в обладании какого-то неведомого им духа, они насковозь пассивны и вводят лишь в заблуждение своей кричащей революционной внешностью. Мужественный, активный дух никогда не будет в обладании таких стихий.

У более мужественных народов Запада, получивших католическое или протестантское религиозное воспитание, более резко очерчены все границы, более отделено добро от зла, Бог от дьявола, чем в русской безбрежности. Мир католический соблазнялся дьяволом, как злом, но этот резко оформленный, кристаллизованный и познавший свои границы мир нелегко соблазняется антихристом – злом, принявшим обличье добра. Сатанизм, дьяволизм был всегда специальностью мира католического, романского; антихрист же есть специальность мира православного, славянского, с его безбрежностью и безгранностью. Дьяволом не соблазнить русскую душу, антихристом же легко можно ее соблазнить. Дьявол предполагает различие, антихрист же основывается на смешении и подмене. Это – очень интересное противоположение религиозной

психологии. Сатанические секты невозможны на русско-православном Востоке, но очень возможны смешения лже-христа с Христом истинным, и в русских мистических сектах это всегда происходит. Чистый культ Девы Марии легко смешивается с астартизмом, Богородица отождествляется с языческой богиней земли.

Запад забронирован, забронирован всей своей религией, своей культурой, всей своей активной, мужественной историей, своим рыцарским прошлым, своим свободным подчинением закону и норме. Это делает Запад малочувствительным к мистическим веяниям антихристового духа. Чувство антихриста есть религиозная специальность России. Оно всегда было в народной религиозной жизни, в наших сектах, в нашем старообрядчестве. Одинаково можно найти это чувство и в низах народной жизни, и на вершинах, в русской литературе, у Достоевского и Соловьева, в современных религиозных исканиях. В русской природе нет резкого разделения добра и зла. Русских пленяет зло как добро, само же зло, не принявшее обличья добра, редко пленяет их. Вот почему для русских страшен не диавол, а антихрист – последнее, грядущее явление зла. И у русских особенную силу приобретает религия революционного социализма, магического социализма, религия большевизма, пленяющая равенством, справедливостью и всемирным торжеством окончательной социальной правды и социального рая. Западный социализм – законнический; русский же социализм – беззаконный. Большевизм есть русское, национальное явление, это – наша национальная болезнь, которая и в прошлой русской истории всегда существовала, но в иных формах. Германия пользуется этой болезнью русского духа, обращая ее в свое послушное орудие. Мужественный германский дух совершает насилие над женственной русской душой, злоупотребляя ее болезненной пассивностью и истеричностью. Германизм предполагает быть женихом невестящейся русской земли. Победить эту русскую болезнь нельзя одними рациональными, государственными, политическими методами лечения. Победить ее можно лишь религиозно, лишь противопоставив ложному подобию Добра подлинную силу Добра-Христа. Антихристово царство в этом мире может быть лишь результатом неудачи дела Христова в мире – оно попытается соединить насилием тот мир, который не соединится в любви и свободе Христовой. Если антихристово начало восторжествует, то вина падет на христианский мир, на христианское человечество, на его духовную буржуазность. Христиане не проявляют и сотой доли той энергии, которую проявляют большевики. Правда, энергия последних – кажущаяся, призрачная, она есть лишь одержимость. Но величайшее дело есть соединение всех сил христианского мира против грядущего зла, ибо борьба с ним должна вестись не только во внешнем, политическом и социальном плане, но и во внутреннем, духовном и религиозном плане.

«Русская свобода», № 16-17, с. 3, 11 июля 1917 г.

Объективные основы общественности

I

Ход русской революции обнаружил, что основной и насущной нашей потребностью является потребность в просвещении, в знании, в более сознательном отношении к общественной жизни. Мы объаты тьмой, и правят нами бессознательные стихийные движения. В тьму эту погружены не только народные массы, но и широкие круги русской интеллигенции. Русская революционная интеллигенция, которая претендует нести свет народу, никогда не была истинно просвещенной, образованной, культурной, она была полупросвещенной, ее сознание было задето лишь поверхностным просветительством. А полупросвещение, поверхностное просветительство хуже той совершенной непросвещенности, в которой живет народ, если народ не потерял еще своей непосредственной органической веры. Поверхностное просветительство легко приводит к нигилистическому отрицанию всех святынь и ценностей. В русской интеллигенции полупросвещение и породило нигилизм, в котором многие видят своеобразное порождение русского духа. Когда этот нигилизм полупросвещения распространяется в народные массы и заменяет в душе народной угасшую веру, то начинает разрушаться вся

национальная, государственная и культурная жизнь. Тогда начинаем сознавать мы, что нуждаемся более всего в настоящем просвещении, которое ничего общего не имеет с рассудочным и отрицательным просветительством. Настоящее просвещение научило бы нас тому, чему не научает полупросвещение, – познанию объективных начал общественности. И тогда не происходило бы тех оргий развращенной социальной мечтательности и субъективного человеческого произвола, которые ныне происходят. Рассудочное просвещение, т. е. полупросвещение, бессильно раскрыть объективный разум в общественной жизни, объективные ее принципы, оно всегда благоприятно человеческому субъективизму, оно воспитывает неуважение к истории и игнорирование природных основ общественной жизни. Русскому интеллигентскому полупросвещению всякая закономерность в природной и общественной жизни представляется довольно-таки «буржуазной» и для революционного, пролетарского мышления необязательной. Столь же «буржуазными» представляются и все нормы общественности, заложенные в общем разуме и общей совести. Всякое сознание обусловленности общественной жизни объективными космическими началами представляется порождением «буржуазного» мышления тем, которые мыслят «пролетарски»,^[1] т. е. без всяких традиций мысли, без всяких связей с глубокими истоками жизни. Такое «пролетарское» мышление не хочет знать отечества, не хочет знать происхождения, т. е. отвергается от глубоких основ всех вещей, от глубоких корней. Это и есть враждебный культуре нигилизм, провозглашающий во всем безграничный произвол сынов, порвавших всякую связь с отцами. Такого рода «пролетарское» и интеллигентски-полупросвещенное мышление и не пытается раскрыть и познать глубочайшие основы общественности, ибо это завело бы в таинственную глубину космической жизни и ограничило бы человеческий произвол.

Полупросвещение, интеллигентское, пролетарское мышление видит в общественной жизни, с одной стороны, исключительно субъективные интересы людей и людских групп, их злую волю, их насилие и эксплуатацию, что и составляет содержание истории, с другой стороны, борьбу против всего этого и безграничную возможность достигнуть совершенного социального строя путем организованной и активной человеческой воли, пролетарской или интеллигентской. Такого рода поверхностное мышление соединяет крайний пессимизм по отношению к прошлому (все сплошное зло) с крайним оптимизмом по отношению к будущему (все сплошное добро). Это состояние сознания порождает много ненависти, злобы и разъединения. Вся душевная энергия направляется против тех злодеев, которые мешают водворению окончательного равенства и социального рая на земле. Эти злодеи в русской революции получили наименование «буржуев», и им приписываются отчаянные козни, заговоры и интриги. Какие-то чудовищные размеры принимает и злодейская роль кучки капиталистов, и благодетельная роль пролетариата, который с этой кучкой расправится. История исключительно определяется злой и доброй субъективной волей людей. В этой концепции полная моральная безответственность своеобразно соединяется с вечным моральным вменением людям за объективный общественный строй. Полупросвещенное, «пролетарское» сознание совершенно убеждено, что если сейчас нельзя ввести в России социалистического строя, то исключительно потому, что этого не хочет и не допускает злая воля буржуазии. И если положить предел этой буржуазной воле путем вооруженных выступлений, насилий и истреблений, то социализм осуществится. Г. Ленин дошел до такого забвения азбуки марксизма, элементов социальных и экономических знаний, что предлагал арестовать 100 капиталистов и от этого бессмысленного действия ждал приближения социализма! Революционная психология, доведенная до максимализма, должна окончательно отрицать объективную науку. Марксизм представляет смесь полупросвещения, т. е. субъективно-пролетарского мышления, с настоящим просвещением, т. е. с элементами социальной объективной науки. Но русские усвоили себе по преимуществу полупросвещение марксизма, т. е. классовую точку зрения, не знающую над собой ничего высшего, никакой высшей инстанции.

II

Нет никакой возможности вбить в голову русских социалистов объективную истину марксизма о развитии производительных сил как экономическом базисе социализма, о зависимости распределения от производства, о закономерности социального развития, о реакционности всех социалистических экспериментов, уменьшающих производительность труда и т. п. Все объективное отскакивает от полупросвещенного интеллигентского и пролетарского сознания, не проникает в него, это сознание не способно заинтересоваться истиной, отдаться хотя бы на короткое время незаинтересованному познанию, оно – элементарно эмоционально. Полупросвещение, классовая философия истории объясняет все злой волей эксплуататоров и не способна познать те объективные начала государственного, общественного и культурного бытия, которые возвышаются над всяким произволом людей. Полупросвещение на службе у классовой озлобленности не может и не хочет понять, что многие неравенства имеют объективные, не в злой воле эксплуататоров лежащие причины и оправданы тем уровнем, на котором находится человеческая культура. Равенство, не соответствующее степени победы человека над стихийными силами природы, привело бы к еще большей бедности и нужде и культурно отбросило бы человечество назад. Социальный вопрос есть прежде всего вопрос производительный, а не распределительный, это – вопрос овладения стихийными силами природы. Замечательный русский мыслитель Н. Ф. Федоров был прав, когда говорил, что вопрос социальный есть в большей степени вопрос естествознания, чем социологии. Требование уравнивания в бедности есть реакционное требование, враждебное творчеству культуры. В болезненном и мучительном вопросе о бедности и нужде народной массы совершенно второстепенное значение имеет то, что сравнительно небольшая кучка людей достигла богатства и благосостояния. Это – вопрос моральный. Нужда вызывается не столько материальным возвышением богатых и эксплуатацией с их стороны, сколько объективной бедностью человечества, низким уровнем культуры, овладевающей стихийными силами природы. Никакой раздел не может разрешить проблемы бедности и нужды, сам по себе он лишь опускает ниже уровень человечества. Вопрос же об установлении внутреннего братства между людьми есть вопрос религиозный и моральный, а не экономический и социальный.

Поистине направление нашего сознания и нашего мышления на объективное, на незаинтересованное выяснение истины есть один из методов лечения наших болезней, есть освобождение от социальной злобы и ненависти, которая делает рабами. Пафос объективности ведет к более благородному пониманию социализма, как регуляции стихийных сил, т. е. прежде всего, как проблемы высшей культуры и материальной, и духовной. Социализм зависти и мести преодолевается. Ярость, злоба, ненависть, жажда крови и насилий прекратится, когда народная масса просветится сознанием того, что в России сейчас невозможен социализм и безграничное увеличение благосостояния рабочих и крестьян, невозможно полное социальное равенство не потому только, что этого не хотят буржуазные, имущие классы, но прежде всего потому, что это невозможно объективно, что это противоречит непреложным законам природы, что этого не допускает бедность России, ее промышленная отсталость, некультурность народа, духовная немощь русского общества и т. п. Если возможен социализм (а он возможен лишь условно, так как он в значительной степени есть абстракция), то он может быть лишь результатом высокого развития производительных сил, интенсификации культуры, лишь порождением народного богатства, той избыточности, которая добывается творческой производительностью во всех сферах жизни. Социализм есть роскошь, которую могут себе позволить лишь богатые, он предполагает непреложные объективные условия. Социалистические эксперименты над отсталой и бедной страной по существу реакционны, они отбрасывают назад и разлагают. И русский революционный социализм, русское революционное народничество – порождение русской отсталости, русского экстенсивного хозяйствования, как материального, так и духовного.

III

Отрицание объективных начал общественности жестоко наказуется. Объективный разум жестоко ударяет по безумствующим. И в этом есть имманентная справедливость. Русский революционный социализм, отворачивающийся от всего объективного, есть в сущности своеобразная форма рассудочного, рационалистического безумия. Он хотел бы без остатка рационализировать общественную жизнь, подчинить ее своей фанатической идее эгалитарной справедливости, не считаясь с таинственными, космическими основами общества, и за это Бог лишает разума. Социализм отрицает все таинственные, мистические силы истории, и безумие его – рассудочное безумие. Полный, окончательный социализм невозможен уже потому, что он хочет выделить данную общественность на ограниченной территории земли из мирового целого, из жизни космической, и этот изолированный круг хочет он подчинить своему закону. Совершенная общественность была бы возможна лишь в совершенном космосе, после того как вырван был бы корень зла из природного порядка. Общественность есть явление космической жизни, она связана со всем космосом тысячами таинственных нитей, космические энергии вечно врываются во всякую общественность, мнящую себя замкнутой системой, и опрокидывают все утопии социального рая. Космическая жизнь есть сложная иерархическая система, вся она складывается из ступеней и градаций, в ней различествует во славе солнце от луны и звезда от звезды, и не случайно в ней это неравенство, оно имеет глубокие основания. Космический лад в общественной жизни также предполагает ступени и градации, и полное их низвержение есть восстание против божественного миропорядка. Бытие государства (независимо от формы правления) имеет объективные, космические, в конце концов божественные основы. И когда вы провозглашаете, что государство есть лишь организация классового господства и служит тем или иным классовым интересам, вы разрушаете объективное бытие государства. На этом пути разрушаете вы и всякую культуру. Когда вы говорите о «буржуазной» и «пролетарской» культуре, вы отвергаете ценности культуры, возвышающиеся над человеческим интересом и произволом, и обнажаете зверя в человеке. Общественность, в которой будет окончательно потеряна всякая связь с мировым целым и не будет никаких объективных основ, будет звериной общественностью, хотя она и будет создаваться во имя гуманизма. Победой большевизма в России и создастся звериная жизнь.

Поскольку возможен и желателен частичный социализм, он должен быть подчинен объективным началам государственного, национального, культурного бытия, он не может быть субъективным произволом класса, детищем разъяренной человеческой воли – уединенной в себе и себя поставившей превыше всего. Источник зла, неправды и страданий жизни лежит не в том, что существуют классы злодеев-эксплуататоров и насильнические правительства, а в том, что весь «мир во зле лежит», что всякая воля человеческая заражена грехом, что существует круговая порука мирового зла и греха. Закон в природе и закон в обществе не есть источник зла, он скорее есть реакция объективного добра на зло, на хаотическую стихию. Закономерность правды и закономерность общества есть царство справедливого закона для грешного мира, в котором невозможно благодатное Царство Божье, невозможно блаженство без искупления, без прохождения через Голгофу. Это и есть правда Ветхого Завета, правда закона, правда Десятилетия. Хаос должен быть подчинен закону. Произвольное раскрытие греховного хаоса не есть освобождение, в нем тонет и погибает человек, образ и подобие Божье в нем. И поскольку революция расковывает греховный хаос и отрицает правду закона, в ней есть безбожное начало, начало темное и злое. Путь к высшей, свободной, благодатной жизни лежит через закон, через подчинение хаоса объективной норме. Окончательное восстание класса на класс, интереса на интерес, окончательная революционная атомизация общества есть частичное возвращение к первоначальному греховному хаосу, выходящему из подчинения закону и не желающему пройти через искупление к новой жизни. Для христианского народа это есть великий

соблазн и испытание его духа. Объективность науки и научного познания есть в сущности подчинение закону, в этой объективности есть ветхозаветное благочестие. И есть точка, в которой совпадает просвещение религиозное с просвещением научно-реалистическим. Русский народ ныне более всего нуждается в освобождающей объективности религиозного и научного просвещения. Это просвещение должно научить существованию объективной истины.

«Народоправство», № 13, с. 7-9, 23 октября 1917 г.

Мир «буржуазный» и мир «социалистический»

Останутся пять ненасытных чувств, и шестое ненасытное чувство – тщеславие, останется вся демоническая природа человека Дикая сама по себе, она будет неистовствовать без узды и закона.

Карлейль. Французская революция.

I

Русский народ явил собой небывалое еще в мире распадение на мир «буржуазный» и мир «социалистический». Единство человеческого рода, как рода Божьего, имеющего общее происхождение, ныне окончательно в России разрушено. Русское человечество распалось на две враждебные расы. Человек «буржуазный» и человек «социалистический» объявлены друг для друга волками. Идея класса убила в России идею человека. Русские люди перестали подходить друг к другу как человек к человеку. Идеологи мира «социалистического», его пророки и апостолы, хотят уверить, что в этом распаде человечества, в этом разрыве всякой преемственности и всякого единства рождается новый человек. Старый мир, старый человек должен погибнуть. В пожаре русской социалистической революции, которая должна превратиться в революцию всемирную, сгорит старый «буржуазный» мир, и на пепелище его создастся новый «социалистический» мир. Русские большевики, насколько можно серьезно о них говорить, и есть та новая раса, которая отрицает всякую связь и всякую преемственность между этими двумя мирами, которая хочет истребить дотла все старое, всякое наследие прошлого. В этом родственны они футуристам. Раса эта, отвергнув всякое благородство и всякую честь как предрассудки старого мира, приступила к огромному эксперименту создания нового «социалистического» мира, в котором не будет уже ничего «буржуазного». В Западной Европе преобладает этот «буржуазный» тип социализма. Но русский революционный социализм, достигший своего самого совершенного выражения в большевизме, презирает и отвергает этот «буржуазный» социализм, он претендует научить «буржуазные» народы Запада истинному социализму, истинной революционности. Новая раса нарождается в России и из России понесет всему миру благую весть о совершенно новом мире. Претензия огромная, поистине «мессианская». Такой русский, славянский «мессианизм» исповедовал Бакунин, для которого зарево мирового пожара должно было начаться из России, который верил в революционный свет с Востока. И г. Ленин оказался своеобразным славянофилом, восточным «мессианистом» – он предал и истребляет Россию во имя ее всемирно-революционной миссии!

Очень интересно и поучительно присмотреться и узнать, что нового несет с собой этот русский «социалистический» мир и что старое в мире «буржуазном» отвергает он? Рождается ли новая душа в социалистической расе, выступающей с такими мировыми притязаниями и пытающейся осуществить их в таких кровавых насилиях? Познающий может стать в стороне от борьбы этих двух миров, и он должен возвыситься над столкновением интересов в этой борьбе, он может допустить, что много злого, безобразного и низкого было в мире «буржуазном» и что в мире «социалистическом» есть своя правда, есть элементы необходимого добра. Последние времена существования старого «буржуазного» мира не отличались благообразием и красотой. Предположим, что тот, кто хочет постигнуть природу и смысл происходящего столкновения двух миров, всей душой желает преображения нашей дурной старой жизни, преодоления рабства, греха и низости и рождения нового человека, новой человеческой души. Воля к новой,

лучшей, преображенной жизни может быть не только «социалистической» волей, она может быть и религиозной, христианской волей. Подлинный, не внешний, глубокий христианин не может быть доволен старой «буржуазной» жизнью, основанной на насилии и ненависти, он хочет «нового неба» и «новой земли», хочет более глубоких и радикальных изменений и улучшений, чем самый революционный социалист. И мир «социалистический» может показаться ему все тем же ветхим миром, старым миром грешного человека, раба своих страстей, своих злобных и корыстных инстинктов, все тем же «буржуазным» миром, но по-новому механически переставленным и изменившим свои внешние оболочки и одеяния. Не наследует ли мир «социалистический» все «буржуазные» грехи и пороки, не хочет ли он «буржуазность» лишь равномерно распределить и довести до предельного развития и совершенства? Революционно-социалистический эксперимент, производимый над несчастной Россией, очень многое раскрывает и многому научает. Обнаруживается, что мир «социалистический» со злобой и ненавистью отвергает все лучшее, что было в мире «буржуазном», все непреходящие святыни и ценности прошлого, отцов и дедов. Но принимает и приумножает все худшее, что было в мире «буржуазном», все грехи, болезни и низости прошлого, всю тьму отцов и дедов. В чувстве злобной мстительности этот мир сохраняет преемственность с прошлым, в чувстве злобной зависти он прикован к прошлому, как раб. Он остался верен самым корыстным традициям прошлого. Осталось «пять ненасытных чувств, и шестое ненасытное чувство – тщеславие».

II

Возникший в России большевистский «социалистический» мир производит впечатление отбросов мира «буржуазного», болезненных и смрадных испарений прошлого, истечения какой-то старой тьмы. Из русского народа выходит нечистый дух. Где же новый человек и новые ценности в нашей чисто солдатской, штыковой «социалистической» революции? «Социалистический» мир не проявляет ни малейших признаков творчества. Творчеством был богат старый мир, и из него выкрадывает мир «социалистический» все творческие ценности. Самый социализм есть продукт творчества «буржуазного» мира, его ценности созданы детьми «буржуазии» – Сен-Симоном, Оуэном, Марксом, Лассалем, а не детьми «пролетариата». Социалистические идеи, как все идеи, – порождение «цензового» мира, ценза образования, таланта, культурности. В возникающем у нас «социалистическом» мире нет необходимого для творчества ценза, не материального, а духовного ценза. Все происходящее в России производит впечатление разрушения старого мира. Но разрушение это производится отрицательными и вырождающимися силами старого мира, пришедшими в состояние хаоса и распада. Души людей, делающих «социалистическую» революцию, стары до ужаса, инстинкты их ветхи, их чувства и мысли инертны, во всем их обличье узнается старая звериная природа человека, действовавшая и в мире «буржуазном» и там совершавшая самые злые деяния этого мира. Но с этой звериной природы окончательно сняты все оковы, она вышла из-под сдерживающего закона цивилизации, закона государства. Много было насилий в старом «буржуазном» мире, много надругательств над человеком. Отверг ли и победил ли это старое зло новоявленный «социалистический» мир? Нет, он совершает в тысячу раз большие насилия и большие надругательства над человеком. Этот «новый» мир не насилие и не оскорбление человека отверг, он в принципе и в идее отверг всякое достоинство человека, всякую честь и благородство как предрассудки. Насильничество этот новый мир взял из старого мира, но проявляет его в ничем не ограниченной и ничем не прикрытой форме. Русский «социалистический» мир взял штыки из мира «буржуазного» и дал им неограниченную власть над жизнью несчастных русских людей. Он взял из старого мира тюрьмы, заимствовал из него шпионство и дал этим старым стихиям неограниченную власть. Старый «буржуазный» мир не очень любил свободу и по духовной немощи своей не умел жить в свободе. Но новый «социалистический» мир

ненавидит свободу и истребляет ее без остатка. Этому новому миру чужда сама идея свободы и человека и священных прав человека.

Много было корысти в старом «буржуазном мире», много безобразного эгоизма. Отверг ли и победил ли это старое зло новый «социалистический» мир? Нет, корыстолюбие и эгоизм в нем еще усилились и правят жизнью еще более беззастенчиво. Разница лишь в том, что в старом мире корыстолюбие и эгоизм у людей, не потерявших различия между добром и злом, не возводились в перл создания, не почитались святынями, а скорее признавались грехом и слабостью, в новом же «социалистическом» мире эти низшие начала признаны священными и высокими, ибо ничего высшего, чем самоутверждение человека, чем его благополучие, удовлетворение и наслаждение, этот мир не признает. «Буржуазный» мир был грешный мир, корыстолюбивый мир. Мир же «социалистический» захотел освятить эту грешность и корыстность, он убивает чувство греха и хочет сделать человека совершенно самодовольным, хочет сделать его наглым. К грехам «буржуазного» мира мир «социалистический» прибавил еще пожирающую и яростную зависть и признал ее за высшую социальную добродетель. Если раньше были привилегированными существами помещик и капиталист, то теперь привилегированными существами стали рабочий и крестьянин. Человек оценивается по внешней, социальной своей оболочке, а не по внутренним, духовным своим качествам. И не творится новой жизни, в которой был бы поднят на высоту человек, человеческий образ, человеческий лик.

III

В последние времена своего существования «буржуазный» мир стал мало духовным, очень материалистическим. Духовнее ли мир «социалистический», менее ли он материалистичен? О нет, он более материалистичен, он окончательно угащает дух, он даже не забывает о духе, а отрицает его и истребляет. Материализм «социалистического» мира, отвращающийся от всех высших духовных реальностей и духовных ценностей, есть материализм, заимствованный из мира «буржуазного», но усиленный и принявший характер всеобъемлющий. «Буржуазный» мир усумнился в духовных реальностях и духовных ценностях, он потерял веру в мир иной, он стал нерелигиозен. «Социалистический» мир созидает царство свое на этом неверии и этой нерелигиозности «буржуазного» мира. Но он атеизм свой возводит в религию и гордится им. Утилитарный «буржуазный» дух мир «социалистический» кладет в основу своего бытия. Старый «буржуазный» мир все-таки еще сомневался в величии и благостности своего неверия, он был раздвоен, и в светлые промежутки он осуждал свое безбожие. Мир «социалистический» в этом отношении более целен, он самодовольно переживает свое безбожие, он гордится своим неверием. Если мир «буржуазный» изобличали в том, что личность человеческую и душу человеческую он делает средством и орудием материальных интересов и материальной социальной среды, то еще более грешит этим мир «социалистический» – он не видит личности человеческой, он не знает души человеческой, он ничего не знает, кроме материальной социальной среды. Этот мир целиком выброшен на поверхность, в нем нет никакой глубины. Все дурное, злое, бездушное в старом «буржуазном» мире самодовольный «социалистический» мир рабски заимствует, выкрадывает и далее развивает. Новый «социалистический» мир и есть укрепление на веки веков и повсеместное распределение самодовольной «буржуазности», не сознающей греха. Он не грехи отверг, а сознание греха и покаяние.

Но в старом «буржуазном» мире, в мире наших отцов и дедов, было не одно дурное и злое – в нем были великие святыни и великие ценности. И вот эти святыни и ценности мир «социалистический» отвергает и истребляет. В старом «буржуазном» мире была святость и гениальность, явленные в ослепительных образах, в том мире были Пушкин и св. Серафим.

В мире «социалистическом» более не будет святых и гениев – они отрицаются всеми основами этого нового мира, они будут насильственно утоплены в серой безличной массе,

в бескачественном коллективе, их возненавидят, как всякое возвышение. Новый мир растворит всякое качество в количестве. Много было хороших, добрых предрассудков в старом мире, которые ныне отвергнуты. К таким «буржуазным» предрассудкам принадлежит признание элементарных различий между добром и злом, обязательных для всякого нравственного существа. «Социалистический» мир большевиков стал по ту сторону добра и зла, он впал не в безнравственность, а в нравственный идиотизм. Этот мир стал по ту сторону закона цивилизации, не выше «закона», где уже царство благодати, а ниже его, где царство звериное. Старый «буржуазный» мир признавал «предрассудок» права, хотя и недостаточно последовательно, хотя и слишком часто изменяя ему. Новый «социалистический» мир окончательно истребляет всякое право, отвергает саму идею права. Старый «буржуазный» мир создал Великую Россию, великое русское государство, он признавал предрассудок патриотизма, национальной чести, долга перед отечеством. Новый «социалистический» мир отменил государство, расчленил Россию, превратил нашу родину в кучу мусора и надругался над патриотическим чувством, над национальной честью и достоинством в формах еще невиданных в истории. «Буржуазный» мир принужден был все-таки считаться не только с материальным цензом (в переоценке его была его слабость и грех), но и с цензом духовным, с качественным началом в человеческой личности, с образованием, с талантом, с культурным развитием. Мир «социалистический» отверг все качественные возвышения и различия, все духовные преимущества, и личность человеческую отдает на растерзание количественной массе, угашает всякий индивидуальный свет в безличной темной массе. Он отверг «предрассудок» о личности, о ее ответственности, о ее достоинстве, о ее первородной свободе. Это был христианский «предрассудок», самим Богом раскрытый нам «предрассудок». «Социалистический» мир отверг старый «предрассудок» о Боге. Вот в чем его тайна. Он совершил предательство вечности. От отверг все вечное и в старом «буржуазном» мире, все непреходящие ценности, и принял все тленное от него, все его корысти, все его духовное рабство.

Духовное оздоровление наступит тогда, когда поймут, что мир не делится на «буржуазный» и «социалистический», что «буржуазность» и «социалистичность» – абстракции, которым соответствует очень сложная и многообразная действительность, как духовная, так и материальная. Остается вечным деление и противоположение мира добра и зла, красоты и уродства, истины и лжи, Бога и дьявола. Это противоположение не есть противоположение человеческих интересов, оно выше и глубже. Облегчение наступит тогда, когда поймут, что идея «социалистического» рая на земле и превращает нашу жизнь на земле в ад. В этом призрачном рае «останется демоническая природа человека. Дикая сама по себе, она будет неистовствовать без узды и закона». Нужно думать не о земном рае и не о блаженстве, а об исполнении сурового долга, об осуществлении Божьей правды.

«Народоправство», № 18-19, с. 6-9, 25 декабря 1917 г.

Класс и человек

I

Борьба классов наполняет собою историю человечества. Она не есть изобретение XIX и XX вв., хотя в эти века она приняла новые обостренные формы. Эта борьба происходила еще в мире античном и там уже имела очень разнообразные проявления. Много поучительного можно прочесть на эту тему в книге Пельмана «История античного коммунизма и социализма». Некоторые страницы напоминают хронику наших дней. Социальное восстание масс всегда и везде было одинаковым по своей психической атмосфере. Слишком многое повторяется в жизни социальной, и трудно придумать в этой области совершенно новые комбинации и перестановки. Много было классовых коммунистических движений в прошлом, и они нередко принимали религиозную окраску. Такие коммунистические движения особенно характерны для эпохи реформации. Стихийный коммунизм низших классов общества есть одно из очень старых начал,

периодически подымающееся и делающее попытку опрокинуть начала индивидуалистические и иерархические. Коммунизм – стар, как мир, он был еще у колыбели человеческой цивилизации. Много раз в истории восставали народные низы, пытались смести все иерархические и качественные различия в обществе и установить механическое равенство и смешение. Это смесительное уравнивание и упрощение общества всегда было в несоответствии с прогрессивными историческими задачами, с уровнем культуры. Периодически в истории совершались приливы хаотической тьмы и стремились опрокинуть общественный космос и его закон развития. Такого рода движения сплошь и рядом бывали совершенно реакционными и отбрасывали народ назад. Социалист Лассаль не считал прогрессивными крестьянские войны реформационной эпохи, он считал их реакционными, т. е. противоречащими основным историческим задачам того времени. И в стихии русской революции действуют такие же старые, реакционные силы, в ней шевелится древний хаос, лежавший под тонкими пластами русской цивилизации.

Классовая борьба, этот первородный грех человеческих обществ, в XIX веке углубилась и изменила свой характер. В этот передовой век человеческое общество очень материализировалось, потеряло свой духовный центр, и звериное корыстолюбие человека под цивилизованным обликом достигло крайнего напряжения и выражения. Моральный характер буржуазно-капиталистического века делает борьбу классов за свои интересы более беззащитной, чем в прежние века. И связано это не с фактом промышленного развития, который сам по себе есть благо, а с духовным состоянием европейского общества. Духовный яд в этом обществе пошел сверху вниз, от классов господствующих к классам угнетенным. Материалистический социализм Маркса и др., сконцентрировавший в себе весь яд буржуазного безбожия, не ограничился более острым познанием факта классовой борьбы – он освятил этот факт и окончательно подчинил человека классу. Средства борьбы окончательно затмили высшие цели жизни. Материалистический социализм, поработанный экономизмом капиталистических обществ, отрицает человека и общечеловеческую природу, он признает лишь классового человека, лишь классовые коллективы. Нарождается совсем особенное чувство жизни, ощущают лишь массы и совсем перестают ощущать индивидуального человека. Класс есть количество. Человек же есть качество. Классовая борьба, возведенная в «идею», закрыла качественный образ человека. В нашу суровую эпоху, срывающую все покровы, невозможен уже и наивно-смешон старомодный идеализм, отворачивающийся от неприглядного факта борьбы классов, от познания классовых антагонизмов и классовых наслоений, искажающих природу человека. Классовым антагонизмам и классовым искажениям человеческого образа принадлежит огромная, хотя и не почетная роль в социальной жизни. Но от этого природного факта не должны стоять в зависимости наши нравственные суждения и наши представления о духовном образе человека. Человеческая природа может быть искажена классовым положением человека, оболочки человека могут определяться классовой корыстью и классовой ограниченностью. Но духовное ядро человека, но индивидуальный человеческий образ никогда не определяется классом, не зависит от социальной среды. И тот, кто это отрицает, тот отрицает человека, тот совершает духовное человекоубийство. Безбожно и безнравственно вместо человека с его хорошими и плохими свойствами видеть коллективную субстанцию буржуазии или пролетариата. Так идея класса убивает идею человека. Это убийство теоретически совершается в марксизме. В стихии русской революции оно совершается практически в размерах еще невиданных в истории. Человек «буржуазный» и человек «социалистический» перестают быть друг для друга людьми, братьями по Единому Отцу человеческого рода. В этой революционной стихии не может быть освобождения человека, ибо человек отрицается в своей первооснове. Освобождение класса как бы связывает и поработывает человека.

II

С тех пор как мир сделался христианским и принял крещение, он в религиозном сознании своем признал, что люди – братья, что у нас Единый Отец Небесный. В мире

христианском господин и раб по социальным своим оболочкам не могут признавать друг друга волками, могут в грехе своем, но не могут в вере своей. В светлые минуты свои, в духовной глубине своей они признавали друг друга братьями во Христе. Мир христианский остался грешным миром, он падал, изменял своему Богу, делал зло, в нем люди ненавидели друг друга, и вместо закона любви исполняли закон ненависти. Но грех ненависти, злобы и насилия всеми христианами сознавался грехом, а не добродетелью, не путем к высшей жизни. Вера в человека как образ и подобие Божье оставалась верой христианского мира. Человек был дурен, вера же его была хороша, хороша была сама духовная первооснова, заложенная Христом и Его Церковью. Но вот в христианском человечестве произошел тяжелый кризис. Душа людей и душа народов заболела. Вера стала плохой, перестали верить в человека как образ и подобие Божье, потому что перестали верить в Бога. Изменились самые духовные основы жизни. Не социализм повинен в этом духовном падении, оно произошло раньше. Социализм лишь рабски воспринял это неверие в человека и в Бога, он доводит его до конца и дает ему всеобщее выражение. Неверие в человека привело к обоготворению человека. Борьба классов перестала быть фактом социально-экономическим, она стала фактом духовным, она распространилась на всю совокупность человеческой природы и человеческой жизни. Не осталось ни одного уголка в человеческой душе, в человеческих переживаниях и в человеческом творчестве, куда бы не вторглась борьба классов со своими непомерными притязаниями. Теории экономического материализма предшествовала и соответствовала новая человеческая действительность – экономизм, разлившийся по всему полю человеческой жизни. На этой почве в человеческом обществе затерялся единый закон добра. Добро «буржуазное» и добро «социалистическое» не хотят иметь между собой ничего общего, и над ними нет никакого высшего, единого добра. И потому нет уже непосредственного отношения человека к человеку, есть лишь отношение класса к классу. Революционный социализм, как он обнаружился сейчас в России, окончательно убивает возможность братства людей в принципе, в самой новой вере, в идее. По этой новой вере нет уже человека, а есть лишь носитель и выразитель безличной классовой субстанции.

Не только «пролетарий» и «буржуа» не братья друг другу, а волки, но и пролетарий и пролетарий не братья, а «товарищи», товарищи по интересам, по несчастью, по общности материальных желаний. В социалистической вере товарищ заменил брата веры христианской. Братья соединялись друг с другом, как дети Единого Отца, по любви, по общности духа. Товарищи соединяются друг с другом по общности интересов, по ненависти к «буржуазии», по одинаковости материальной основы жизни. Товарищ в товарище почитает класс, а не человека. Такое товарищество убивает в корне братство людей, не только высшее единство христианского человечества, но и среднее единство цивилизованного человечества. Французская революция злоупотребила лозунгом «свобода, равенство и братство». Но братства она не осуществила и не пробовала осуществить. Революция социалистическая мнит о себе, что она может и должна осуществить братство. Но она осуществляет лишь товарищество, вносящее небывалый раздор в человечество. Равенство не есть братство. Братство возможно лишь во Христе, лишь для христианского человечества, это – откровение религии любви. Идея братства выкрадена у христианства и вне его невозможна. Пафос равенства есть пафос зависти, а не любви. Движения, порожденные уравнивательной страстью, дышат мстостью, они хотят не жертвовать, а отнимать. Братство – органично, равенство же механично. В братстве утверждается всякая человеческая личность, в равенстве же «товарищей» исчезает всякая личность в количественной массе. В брате торжествует человек, в товарище торжествует класс. Товарищ подменяет человека. Брат – религиозная категория. Гражданин – категория политическая, государственно-правовая. Товарищ – лжерелигиозная категория. «Гражданин» и «брат» имеют оправдание. «Товарищ» не имеет никакого оправдания. Через идею товарища класс убивает человека. Человек человеку не «товарищ», человек человеку гражданин или брат – гражданин в государстве, в мирском общении, брат в

церкви, в общении религиозном. Гражданство связано с правом; братство связано с любовью. Товарищ отрицает право и отрицает любовь, он признает лишь общие или противоположные интересы. В этом сближении или разъединении интересов погибает человек. Человеку нужно или гражданское к нему отношение, признание его прав, или братское к нему отношение, отношение свободной любви.

III

Русские люди должны пройти школу гражданства. В этой школе должно выработаться уважение к человеку и его правам, должно сознаться достоинство человека как существа, живущего в обществе и государстве. Через эту ступень всякий человек и всякий народ должен пройти, через нее нельзя перескочить. Когда восставшие рабы утверждают, что гражданское состояние для них ненужно и недостаточно, что они сразу же могут перейти к высшему состоянию, они обычно впадают в состояние звериное. Школа братства вырабатывает любовь человека к человеку, сознание духовной общности. Это – религиозный план, который не следует смешивать с планом политическим. Нелепо и нечестиво чудеса жизни религиозной переносить на жизнь политическую и социальную, придавая относительному абсолютный характер. Принудительное братство невозможно. Братство – плод свободной любви. Братская любовь – цвет духовной жизни. Гражданином же всякий быть обязан. Всякий может требовать уважения к своим правам, признания в нем человека, если даже нет любви. Социалистическое товарищество по идее своей есть принуждение к добродетели, принуждение к общению большему, чем то, которого добровольно хочет человек. «Товарищ» есть недопустимое смешение «гражданина» и «брата», смешение государственного и церковного общества, подмена одного плана другим, не то и не се. За эти месяцы в России слово «товарищ» приобрело смехотворное и почти постыдное значение. С ним связано у нас истребление гражданства и окончательное отрицание братства любви. Класс в лице «товарища» восстал не только на класс, класс восстал на человека. О человеке забыли в разъярении классово-ненависти.

А ведь человек есть подлинная, непреходящая реальность. Человек наследует вечность, а не класс. Всякий класс есть временное, преходящее явление, его не было и не будет. Человек конкретен. Класс же есть абстракция. В этой абстракции объединяются схожие социальные интересы и схожие социальные психики. Но эти абстрактные объединения никогда не могут образовать подлинной реальности, реальной ценности. «Пролетариат» социалистов есть отвлеченная «идея», а не реальность. Реально существуют лишь разнородные группы рабочих, нередко различающихся и в своих интересах, и в своих душевных укладах. Самых рабочих хотят принудить подчиниться отвлеченной идее пролетариата. И этой бескровной отвлеченности, как идолу, приносят человеческие жертвы.

Класс не обладает также той реальностью, которой обладает нация, государство. Класс – очень относительное образование, он может занимать лишь самое подчиненное положение. Все «классовое» относится к оболочкам жизни, а не к ядру. Попытка положить в основу судьбы общества идею класса и факт класса есть демоническая попытка, она направлена на истребление человека, нации, государства, церкви, всех подлинных реальностей. Класс, которому приписывают верховенство, разлагает все ценности и искажает все жизненные оценки. Рабочий класс, поверивший, что он единственный избранный класс, не оставляет живого места, все сносит и калечит. В России не будет свободного гражданства, пока русские будут жить под властью демонической идеи класса. И эта же темная классовая идея будет истреблять остатки братства в русском народе как народе христианском. Гипноз классово-идеи коверкает и самый социализм и придает ему разрушительный и самоубийственный характер. Если возможен и допустим социализм, то в основу его должен быть положен человек, а не класс. Против классового абсолютизма необходимо проповедовать крестовый поход. В темных русских людях, одержимых лживой идеей, обманутых и изнасилованных, должно пробудить человека, человеческий образ и человеческое достоинство. Самоомнение и

наглость класса не есть достоинство человека, в них погибает человек. В массе рабочих и крестьян не только не пробуждается человек, но окончательно забывается и тонет в стихии темных инстинктов. Большевицкий коллективизм и есть последствие нераскрытости в России человеческого начала, человеческой личности, человеческого образа. Пролетарский классовый коммунизм на русской почве есть переживание дочеловеческого первобытного коммунизма. Революция разнуздала эту коммунистическую тьму, но ничего не сделала для развития в народной массе свободного гражданства. Новая и лучшая жизнь начнется в России, когда светлый дух человека победит темного демона класса.

«Народоправство», № 20, с. 2-4, 8 января 1918 г.

Духовный и материальный труд в русской революции

Памяти Федора Федоровича Кокошкина

Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны... Первым долгом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!.. Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалёвщина... Горы сравнять – хорошая мысль... Не надо образования, довольно науки... Жажда образования есть уже жажда аристократическая.

Достоевский. Бесы

I

В социальных последствиях русской революции есть очень много парадоксального и неожиданного. Совсем не там нужно искать основного конфликта этой революции, где его обычно ищут. И не та социальная группа падает ее жертвой, которой полагается падать по популярной теории революции. Социальной, а глубже и духовной сущности русской революции нужно искать не в столкновении классов трудящихся с классами имущими, не в борьбе пролетариата с буржуазией, а прежде всего в столкновении жизненных интересов и в противоположности жизнеощущений представителей труда материального и труда духовного. Это очень глубокий конфликт труда количественного с трудом качественным, это – трагическое для судьбы России столкновение «народа» с «культурой». Народ восстал против дела Петра и Пушкина. Причины такого характера нашей несчастной революции заложены очень глубоко в прошлом. По сравнению с этой основной противоположностью, обнаружившейся в стихии русской революции, совершенно меркнут все остальные противоположности, которыми так занято привычное мышление. Конечно, в русской революции происходит столкновение и борьба «социалистических» интересов трудящихся масс с «буржуазными» интересами классов имущих; конечно, обнаруживается в ней борьба типа мышления «социалистического» с типом мышления «буржуазного». Но для нашей своеобразной по своей социальной и культурной обстановке революции, во многом отличной от революций европейских, духовно показательны и существенны не эти столкновения и не эта борьба. Своеобразная трагедия русской революции – в развержении зияющей бездны, разделяющей и противопоставляющей мир труда духовного, умственного, творческого, мир создателей ценностей культуры и благ государства и мир труда материального, бескачественного, мир варварски враждебный всякой культуре и всякому государству. В России столкнулось варварство и культура, огромное по объему варварство с очень небольшой по объему культурой. Революция не пробудила в народе жажды света, движения вверх. Наоборот, темная стихия народная тянет верхи культурные вниз, требует понижения их качественного уровня. Труд материальный заявляет исключительное притязание господствовать над трудом духовным. Вся умственная и духовная работа многих поколений, выковывающих все ценности и блага цивилизованного существования, объявляется «буржуазной» и ненужной.

Настоящего рабочего движения, делающего созидательные усилия преодолеть злые стороны буржуазно-капиталистического строя, в России нет и быть не может, так как

Россия страна промышленно отсталая, пролетариат наш сравнительно малочислен, недостаточно организован и недостаточно развит. У нас нет еще ни экономических, ни морально-психологических предпосылок рабочего социализма, направленного на организацию труда, на организацию производства, менее анархическую, чем в индивидуально-капиталистическом хозяйстве. Русский «социализм» есть лишь западноевропейское наименование для русской отсталости и русского бунтарства. В России, стране по преимуществу мужицкой, культурно отсталой и недисциплинированной, в тот исторический час, когда с народной стихии спали все внешние сдержки и оковы и расшатались внутренние духовные скрепы и связи, столкнулись прежде всего мир умственного, образовательного, духовного ценза с миром количественной массы, не обладающей такого рода цензом. Это – столкновение более глубокое, чем столкновение мира цензового и мира трудового в материальном смысле этого слова. Конфликт количественного начала с качественным началом, в котором жертвой падает начало качественное, – вот что оказалось роковым в русской революции. Острые русской революции оказалось убийственно направленным против культуры и ее служителей. Массы жаждут раздела, но не хотят подниматься к более высокой жизни, всегда основанной на творческом труде. Революция оказалась не прогрессивной и не творческой, а реакционной, дающей явное преобладание элементам тьмы над элементами света. Восстание мира «социалистического» против мира «буржуазного» в русской революции совсем не означает борьбу организующего труда против исключительного господства капитала, против власти имущих. Это – момент второстепенный. Солдатская масса, делающая революцию, неспособна к положительной организации труда, она дезорганизует труд и создает царство лени и безделья. Существенно и характерно в русской революции восстание необразованных против образованных, некультурных против культурных, невежественных против знающих, количественного, материального труда против труда же, но качественного, духовного. И характерно, что психология восставших не трудовая, а потребительская психология. Воля восставших масс направлена не на организацию труда, не на регуляцию социального целого, а на захваты и потребление. Это – менее всего психология производителей. Производство не интересует революционные массы. Это только наглядно показывает, насколько подлинный труд имеет духовную основу и предполагает нравственную самодисциплину трудящихся. Материалистическое отношение к труду ведет к разложению труда, и на этой нездоровой почве может расцвести лишь лень и безделье.

II

Материальный труд, оторванный от всякой духовной основы, не может защитить себя. Защитить себя может лишь организованный производительный труд, всегда предполагающий нравственную самодисциплину. Такой силы организованного и самодисциплинированного труда в русской революции не обнаружилось, она не подготовлена всей прошедшей нашей историей. Вот почему трудящиеся массы сейчас разрушают производства, истребляют промышленность и сельское хозяйство, отрицают самый труд. Нужно всегда помнить, что производительная инициатива принадлежит труду духовному, что ему принадлежит руководство в хозяйственной жизни страны. Рушатся экономические основы духовно-культурной жизни в России, потому что разложились духовные основы экономической жизни, нравственная и религиозная дисциплина трудящейся личности. Невозможно отрицать прав материального труда на организованное улучшение своего положения и увеличение своего общественного веса. Труд имеет свои священные права, и он не должен находиться в исключительной и неограниченной власти капитала. Отношения труда и капитала не могут быть регулированы индивидуально, предоставлены исключительной власти личной конкуренции – они подлежат государственной и общественной регуляции. Это можно признать достоянием современного сознания. Но права труда не могут быть поняты, как права количества против качества. Начало качества представляется не капиталом, а

квалифицированным трудом. Капитал же дает возможность квалифицированному труду осуществлять свои производительные и творческие замыслы. Высшее право принадлежит качественному труду, самое же высшее право принадлежит творчеству. В мире человеческого труда есть своя иерархия, свои восходящие и нисходящие ступени. И труд может быть организован лишь иерархически, а не механически. Это превосходно понимали такие люди, как Рёскин, который стоит многими головами выше социалистов, провозглашающих идеологию бескачественного, всеуравнивающего труда. Рёскин верен благородной платоновской традиции. Разделение труда есть закон космической жизни. Свержение иерархии труда, в которой высшее качество получает соответствующее ему место, есть реакционный бунт, отбрасывающий назад, понижающий уровень культуры, истребляющий все ценности. Такой реакционный бунт, разрушающий иерархию труда и иерархию ценностей, и происходит сейчас в России.

Русское революционно-социалистическое движение не организует, а дезорганизует производство, оно в сущности враждебно труду. Русская «революционная демократия» под «буржуазией», которую она хотела бы истребить, понимает не класс капиталистов, не промышленников и торговцев, не обладающих имущественным цензом, а весь образованный, культурный мир, всех обладающих умственным цензом. К «образованным» злобная вражда еще сильнее, чем к «имушам». Это очень характерно. Социалистическая идеология всегда грешила тем, что она являлась идеологией бескачественного материального труда, что она отрицает в труде начало иерархическое, что она не дает соответствующего места качеству, способности, образованию и призванию, что она механически уравнивает трудящихся и исключает возможность подбора лучших и их преобладания в общественной жизни. Материалистический социализм, взятый в чистом и отвлеченном виде роковым образом ведет к подбору худших и к их преобладанию, он должен кончиться охлократией. Если и западный социализм, более культурный, грешит невниманием к значению квалифицированного, духовного труда, то социализм русский, обнаруживший совершенно варварскую природу, готов громить представителей этого высшего труда. Горы сравнять с долинами – вот пафос русского социализма. Это и есть «шигалёвщина», гениально раскрытая Достоевским в «Бесах». Это и есть «махаевщина», которая лет пятнадцать тому назад предугадала результаты русской революции и давала предельное выражение русскому социализму. Этим русским социализмом движет ненависть ко всякому возвышению, ко всякому духовному преобладанию. Третирование умственного труда, связанного с образованием и дарованием, как привилегии, которая должна быть свергнута, есть духовное падение и нравственное безобразие. Можно и должно бороться за повышение умственного, образовательного, культурного уровня рабочих и крестьян, трудящихся классов, и ужасно, что для этого так мало делалось и делается. Но недопустимо и в глубочайшем смысле слова реакционно во имя демократизации и уравнивания понижать духовный уровень культурного слоя, жертвовать качеством во имя количества. Трудящийся народ должен облагораживаться и аристократизироваться – вот единственная желанная и допустимая форма демократизации. Поскольку в социалистическом рабочем государстве предполагается понижение уровня образования и принудительное культурное и духовное уравнивание, оно является совершенно реакционным и мракобесным идеалом, оно будет угашением и порабощением человеческого духа.

III

Русская революция одержима страстью к уравниванию, она движется черной завистью ко всякому возвышению, всякому качественному преобладанию, к более высокому духовному уровню. Потерявший веру и погрузившийся во тьму народ не хочет получать света от более просвещенных, он злобно отвергает всякую попытку просветить его. Ничто у нас не может идти сверху вниз. «Народ» вообразил, что он сам все может, все знает, что отныне все от него самого идет. «Народ» в разливе и торжестве большевизма прежде всего восстал против интеллигенции, и в этом есть справедливое возмездие за тот

нигилистический яд, которым «интеллигенция» отравила народ. Но в этом есть также страшная иллюзия и самообман. В действительности «народ» является орудием в руках кучки демагогов, он остается в состоянии рабском, так как не имеет освобождающего света. Жертвой же народной злобы, раздуваемой демагогами для властвования над «народом», падает прежде всего наиболее культурный слой нашей интеллигенции, наименее повинный в распространении нигилистического яда. Всякий «образованный» вызывает враждебное к себе отношение на улицах, в вагонах, повсюду, где скопляется количественная масса. Простой народ в темноте своей всегда относился подозрительно и враждебно к интеллигенции, к образованным, к людям культуры. Вспомним хотя бы отношение к врачам во время холерных эпидемий. Этот темный погромный инстинкт ныне получил санкцию в русском социалистическом царстве. Народ изгоняет за ненадобностью всю земскую интеллигенцию, весь «третий элемент». В сущности, одна интеллигенция, преимущественно наехавшая из-за границы, наиболее чуждая народу, но самая демагогическая по своим приемам, изгоняет другую интеллигенцию, более деловую, ближе стоявшую к народной жизни и не прибегающую к бессовестной демагогии. Народ, оставшийся в той же тьме, в какой был и раньше, но принявший совершенно внешнюю социалистическую окраску, отвергает труд умственный, труд, связанный с качествами образования, дарования, специального призвания. «Социалистическому» народу оказались совершенно не нужны ученые, писатели, юристы, учителя, инженеры, агрономы и т. п. Слесарь или швейцар уравнивается с образованным специалистом, с человеком опыта, знания и дарования. Вся иерархия умственного труда от высших представителей духовного творчества до самых скромных представителей трудовой интеллигенции, вроде народных учителей, отвергается с злобным чувством. Это кончается преобладанием бывших уголовных или шпионов.

Уже война породила целый ряд экономически парадоксальных последствий. Оплата материального труда очень повысилась, без всякого соответствия с ростом производительности труда. Простой рабочий начал зарабатывать значительно больше, чем представитель квалифицированного интеллигентного труда. Ученый мог попасть в худшее положение, чем чернорабочий. Масса трудовой интеллигенции при непомерной дороговизне жизни обрекалась на полуголодное существование. Благосостояние же крестьян очень возросло, они были более обеспечены хлебом и сделали большие денежные сбережения. Крестьяне стремятся к буржуазному стяжанию и их социализм есть лишь внешнее прикрытие. Революция дала санкцию экономическому парадоксу, в силу которого труд материальный получил такие преимущества перед трудом умственным, духовным. На вершине своего развития, при большевистской власти революция обрекает почти что на голодную смерть и на гибель всю трудовую интеллигенцию, весь неимущий культурный слой наш. Вот социальный результат революции, вот такая социальная группа прежде всего падает жертвой нашей «социалистической» революции. Настоящая цензовая буржуазия хотя и переживает большие потрясения, все же имеет возможность существовать и в конце концов сохранить свои капиталы. Тяжелые удары наносятся русской промышленности, которая является одним из базисов существования всего русского народа и прежде всего самих рабочих, но сами представители промышленного класса могут пережить это время, у них есть средства к жизни. Интеллигенция не может погибнуть в буквальном смысле этого слова. Я говорю не о той интеллигенции, которая бесстыдно эксплуатирует революционную стихию в свою пользу и на этом наживается, я говорю об интеллигенции, которая создает и поддерживает русскую культуру. Происходит подбор худших и извержение лучших людей. Грозит опасность гибели нашего культурного слоя. Уничтожаются все материальные основы для делания и творчества русской культуры. После оргии предстоит тяжелое отрезвление. Всему народу русскому грозит бедственное существование. Лишь одухотворение представителей материального труда может восстановить значение труда духовного. Без духовного оздоровления невозможно и экономическое развитие нации.

Ныне же обездушенная русская революция совершает реакционное и мракобесное злодеяние. Против этой «шигалевищины» должны восстать все духовные силы России.

«Народоправство», № 21-22, с. 3-6, 21 января 1918 г.

Глава II. Характер русской революции

Контрреволюция

I

Словом «контрреволюция» сейчас безобразно злоупотребляют. То, как применяют сейчас это слово в левой социалистической печати, на уличных митингах, в частных спорах, нельзя назвать иначе, как нравственным шантажом. Это – легкий способ заткнуть рот противнику и лишить его слова. Контрреволюционным называется всякое мнение, которое не нравится, не совпадает с той или иной социальной доктриной. Слишком индивидуальная мысль сейчас уж наверное будет признана контрреволюционной. Революционными признают лишь трафаретные мысли, лишь стадные мысли. Контрреволюцией назовут всякое обеспечение свободы и права, всякое закрепление завоеваний революции в новом правопорядке. Эпитетом контрреволюции хотят скомпрометировать несогласное или враждебное мнение и вызвать к нему подозрительное отношение. Это – прямое насилие над человеческой личностью, над ее мыслью и совестью, отрицание элементарного уважения к человеческой личности.

Злоупотребление словом «контрреволюция» отравило Россию недоверием, подозрительностью и враждой. Народные массы, которые легко верят первому встречному демагогу или провокатору, уже повергнуты в болезненную стихию мнительности и злобной подозрительности. От этой массовой болезни нелегко будет излечиться. Нравственный шантаж уже дал свои плоды, он фактически почти упразднил свободу слова, лишил слово его самоценности. Несчастные русские люди и после своего освобождения начинают утаивать свои мысли, чувствуют затруднение свободного высказывания, не могут дышать воздухом свободы. Атмосфера начинает напоминать ту, которая была перед революцией, в дни оргии реакции. И гнет этот создается не теми, которые хотят сделать контрреволюцию, а теми, которые клеймят контрреволюцией всякое свободное и независимое слово. Русская революция вот уже несколько месяцев занята розыском несуществующей контрреволюции и одержима манией шпионажа. Так как контрреволюционного объекта не оказалось, то его постепенно начали изобретать, создавать. Контрреволюционная «буржуазия», несомненно, есть создание болезненного, маниакального воображения.

Злоупотребление эпитетом «контрреволюция» нарастает головокружительным темпом. Сфера «контрреволюции» все расширяется и клеймение «контрреволюционностью» захватывает все новые и новые жертвы. Революция в своей фатальной диалектике пожирает своих отцов и детей. Стихия революции не знает благодарности, она никогда не воздает по заслугам. Эту последнюю миссию берет на себя история и историки. В первые дни русской революции контрреволюционными называли притаившиеся силы старого режима и от них ждали угрозы делу свободы. Но скоро уже контрреволюционными силами были признаны партия народной свободы, все русские либералы, Государственная дума, Земский и Городской союз. Образована была контрреволюционная «буржуазия», в которую вошли и широкие круги интеллигенции. Главой контрреволюции был признан П. Н. Милюков. На этом процесс не остановился. Мы вступаем в период, когда в контрреволюционных замыслах подозреваются социал-демократы меньшевистского крыла и социалисты-революционеры. Из социалистов первой жертвой этого нравственного шантажа пал Г. В. Плеханов. Так выяснилось в течение трех послереволюционных месяцев, что большая часть России контрреволюционна по своим тайным или явным настроениям и вожделениям. Печальный результат. П. Н. Милюков – глава контрреволюционной буржуазии. Г. В. Плеханов продан буржуазии. Министры-социалисты, Керенский и Церетели собираются продаться буржуазии и уже захвачены контрреволюционными веяниями. Что будет с

русской свободой? Единственной светлой, истинно революционной стихией остаются большевики, которые и хотят устроить новую революцию против большей части России, против большинства, настроенного «буржуазно» и «контрреволюционно». Эти светлые и чистые носители духа революционного и социалистического не останавливаются перед заговорами против собственных товарищей социал-демократов, они и у них открывают контрреволюцию. Русская революция и русская свобода раздираются. Сфера чистой революционности все суживается и в конце концов отождествляется с небольшой кучкой, рассчитывающей на демагогическое разжигание страстей в темных массах. Пока еще большевики чувствуют себя цельными выразителями революции, всех подозревающими в буржуазной контрреволюционности, но единственными стоящими вне подозрений. Они бесспорно не подкуплены буржуазией. Правда, некоторых из них подозревают в том, что они подкуплены Германией, но в этом нет ничего контрреволюционного и буржуазного. На этом процесс «развития» революции не остановится.

II

Процесс розыска контрреволюции, расширение ее сферы и сужение сферы революции пойдет дальше. Найдутся и такие, которые откроют контрреволюцию у большевиков. Пока еще большевики находятся в единении с анархистами, но скоро анархисты заметят в большевизме несомненные признаки буржуазной контрреволюционности. Для истинного анархиста всякий социалист – буржуа, и анархист в этом отношении прав. Идеалы социализма – подозрительно буржуазные идеалы. Буржуазная природа всякого социализма не может не сказаться раньше или позже, она сильна в большевизме. Большевики хотят всеобщей, коммунистической буржуазности. По сравнению с ними анархисты должны почувствовать себя отверженцами общества, вечными неудачниками, выразителями душевного склада и интересов пятого сословия. Но последний акт трагикомедии наступит тогда, когда внутри самих анархистов наметится раскол и часть будет отгеснена к контрреволюции, другая же часть останется единой, окончательной и последней носительницей революционности. В среде самих анархистов найдутся такие, которые по настроению своему будут большими максималистами, чем остальные. Часть анархистов несомненно обнаружит признаки контрреволюционности и вызовет подозрительное отношение со стороны другой части. К этому времени часть большевиков будет отправлена на тот свет, а часть, оставшаяся в живых, представит довольно правое течение. Вся Россия превратится в контрреволюционную и буржуазную. И это будет плодом долгих розысков контрреволюции и нравственного шантажа, связанного с этого рода занятием. Перед нами раскрывается плохая бесконечность дробления, отметающего контрреволюцию и совершающего подбор революционности. Революционная стихия пожирает себя, революционная подозрительность делается силой самоистребляющей. Этот закон известен нам из хода французской революции. Революция истребила своего героя Дантона, открыв в нем контрреволюцию, истребила и самого Робеспьера.

Кто же станет левее анархистов против всего остального мира как контрреволюционного? Из кого будет состоять тот последний остаток, в котором сосредоточится и воплотится «революционный» дух? Сомнений быть не может. Эти элементы уже намечаются и уже действуют, это – бывшие или будущие уголовные преступники, каторжники, это отбросы общества, это бывшие черносотенники и погромщики, провокаторы и предатели, элементы уже совершенно свободные от всякой «буржуазности». Диалектика завершается, революция в конечной своей точке переходит в свою противоположность, возвращается к исходному. Так всегда бывает. На самой крайней левой оказываются те же, которые были и на самой крайней правой. Мы возвращаемся к чистейшему черносотенству, к чистейшему мракобесию, к чистейшей реакции. Настоящая контрреволюция и окажется на крайнем левом крыле против всей России, которая будет совсем не контрреволюционной. Крайнее, максималистское крыло русской революции принуждено будет опереться на те же элементы, на которые

опиралось и крайнее максималистское крыло русской реакции. Мы придем к подлинной контрреволюции, против которой представится спасительным и освободительным и самый умеренный либерализм. Русский правый максимализм и русский левый максимализм – одной природы, одной стихии, одинаково отрицает всякую норму и закон, одинаково антикультурен и антигосударствен, одинаково не признает права и свободы, одинаково поглощает всякий лик в безликой бездне. Опасность контрреволюции действительно существует, это и есть опасность, грозящая от большевиков и анархистов, от темных инстинктов масс, к которым обращена большевистская и анархистская демагогия. Большевики не только могут вызвать реакцию как движение, против них направленное, нет, большевики сами по себе реакционеры, мракобесы, люди, вырвавшиеся из хаотических низин мирового прошлого. Реакция же против большевиков и максималистов есть освобождение человека, а не контрреволюция. Большевики, анархисты, максималисты – это остатки самого мрачного, самого рабьего прошлого, это – враги творчества новой, свободной жизни.

III

Чтобы ориентироваться в разгулявшейся стихии революции и произвести оценки, нужна свобода духа, свобода от одержимости этой стихией, нужно черпать свои критерии и оценки из большей глубины, из божественного, а не мирского источника. Преклонение перед земной богиней, именуемой революцией, есть рабство духа и идолопоклонство. Такой богини не существует. Поклоняться и служить можно лишь Единому Господу Богу, Богу живому и сущему. Всякий иной бог есть идол, и поклоняющийся ему – раб мира. Если уж признать революцию существом, персонифицируя ее, то нужно признать ее грешным земным существом, порожденным греховным прошлым человечества. Существо это полно всех слабостей человеческих, всех дурных человеческих страстей. Нельзя из самой стихии революции черпать свои оценки, оценки нужно черпать из высшего божественного источника в себе и налагать их на революцию. И тогда ясно будет, что революция – существо двоящееся, в нем правда перемешана с ложью. На лице существа, именуемого революцией, есть двусмысленная искривленная улыбка, и она с каждым днем делается все более и более двусмысленной. Русская революция – провиденциальна, в ней есть очистительная гроза и очистительный огонь, в ней сгорает старая ложь. Но в этой же стихии образуется новая ложь и многое старое является в новой лишь форме. Свобода – божественная ценность, высшая цель, мечта многих поколений лучших русских людей. Революция же сама по себе не божественна по натуре, по естеству, она – лишь неизбежна. Революция и свобода совсем не тождественны. Революция освобождает скованные силы, но она же слишком часто являет собой и величайшее надругательство над свободой и истребление свободы. Силы освобожденные, но не преображенные, направляются против свободы, не любят свободы, не дают дышать воздухом свободы. Вечно двойится природа революции в отношении к свободе. Почему это так? Происходит это потому, что всякая истинная свобода имеет духовную основу, революция же выбрасывает массу человеческую на поверхность и достигает свободы в отрыве от духовных корней. Эпоха революции сама по себе не есть эпоха углубления, не есть эпоха творчества. Революция дает огромный опыт народу, но опыт этот углубленно и творчески перерабатывается потом, после выздоровления. Ныне русским людям нужна духовная трезвость в отношении к переживаемой буре, нужна душевная аскетика. Нужно преодолеть всякий ужас и страх, порабощающий душу, и также нужно преодолеть всякий розовый оптимизм, всякую социальную мечтательность, всякую лесть народной массе, всякую идеализацию темной стихии и потворство силе сегодняшнего дня. Это – требование благородства. Нужно всеми силами протестовать против шантажирования со словом «контрреволюция». Это шантажирование порабощает мысль и слово, лишает нас свободы. Мы должны бороться за свободу мысли и слова, это есть самое минимальное и самое максимальное требование революции, требование духа, а не плоти. Выкрики о «контрреволюции» должны быть разоблачены в своей истинной природе, в своей нравственной

недоброкачественности. Нельзя допустить того порабощения мысли, которое ныне совершается. Пора раскрыть, где настоящая контрреволюция, в онтологическом смысле этого слова. Она – там, где клеймят контрреволюцией всякую свободную мысль, свободное слово и свободное творчество. Против такой «революции» должна быть сделана «контрреволюция», т. е. истинная революция должна быть сделана против лжереволуции. Мы живем в магической власти слов и жестов, которые порабощают русский народ, делают его одержимым. Истинное освобождение, освобождение духа русского народа и тела его от истерических судорог и конвульсий еще впереди.

«Русская свобода», № 10-11, с. 3-7. 1917 г.

Правда и ложь в общественной жизни

I

Последние годы перед революцией мы задыхались в лжи. Провокация сделалась устоем русской государственности старого режима. Атмосфера была насыщена предательством. Азефовщина, распутинщина, сухомлиновщина – все это отравляло жизнь народа и разлагало русское государство. В последние месяцы перед переворотом мусть сделалась нестерпимой, нельзя было дышать, все стало двусмысленным. Образ старой власти двоился. Старый режим уже долгое время жил ложью. Он продолжал существовать по инерции, его поддерживала народная пассивность. Нравственное разложение достигло небывалых размеров. Среди деятелей старой власти последнего периода ее существования трудно было встретить людей с ясным человеческим образом, такие люди составляли исключение, и они недолго держались. В час кончины русского царизма его окружали Григорий Распутин, Сухомлиновы, Штюмереры, Протопоповы, Воейковы, Манусевичи-Мануйловы и т. п. двоящиеся и двусмысленные образы. Старая русская монархия утонула в мути, во лжи, в предательстве и в провокации. Она не столько была свергнута, сколько сама разложилась и пала. Русская революция не столько была результатом накопления творческих сил, творческих порывов к новой жизни, сколько результатом накопления отрицательных состояний, процессов гниения старой жизни. Это облегчило торжество революции в первые дни и очень отягчило ее в дальнейшем развитии. Силы разрушительные взяли верх над силами творческими. Болезнь оказалась слишком застарелой, последствия ее перешли в новую Россию и действуют, как внутренний яд. Революция в достижениях элементарной политической свободы слишком запоздала, и именно потому в ней господствует социальный максимализм, который всегда есть результат неподготовленности масс, содержащихся во тьме. Гроза разразилась, она была неотвратима и ниспослана Провидением. Но атмосфера не очистилась. Нам не дышится легче после революционной грозы, воздух не стал чистым и прозрачным, осталась мусть, по-прежнему господствуют двусмысленные и двоящиеся образы, хотя и в новых облачениях, ложь по-прежнему царит в нашей общественной жизни, предательство и провокация не перевелись, хотя Сухомлинов и Штюмерер сидят в крепости. Старые люди, изолгавшиеся и потерявшие нравственный центр, являются в новых одеяниях и прикрываются новыми словами. По-прежнему нет любви к правде, нет признания самодовлеющей и абсолютной ценности правды, которой нельзя жертвовать ни для каких утилитарных и корыстных целей, партийных, классовых и личных.

Прежде уста, ненавидевшие и презиравшие Николая II, говорили об «обожаемом монархе», о верности и службе царю. Многие из того, что некогда было священным, превратилось в условную ложь, слова потеряли свое реальное содержание. Весь ужас в том, что давно уже «божье» было воздаваемо не Богу, а «кесарю», и это нарушение основной заповеди, это сотворение себе кумира и всякого подобия на земле, это идолопоклонство отравило нравственно жизнь русского народа. Но вот старый идол самодержавия был низвергнут и втопан в грязь. Как и всегда бывает, толпа, недавно ему поклонявшаяся, теперь топчет его ногами. Но после низвержения старых кумиров освободились ли мы от всякого идолопоклонства, от всякого воздаяния божьего царству кесаря? Нет, не освободились. Возникли новые кумиры, которые поставлены выше

правды Божьей. Идолопоклонство, которое всегда есть измена живому Богу, осталось, оно приняло лишь новые формы. Началось новое идолотворение, появилось много новых идолов и земных божков – «революция», «социализм», «демократия», «интернационализм», «пролетариат» и т. п. Все эти идолы и божки так же принадлежат к царству «кесаря», как и старый идол царского самодержавия, и им воздаются божеские почести. Царство кесаря в христианском, евангельском смысле этого слова не есть непременно самодержавие, монархия, не связано непременно с царем или императором, оно обширнее и многообразнее, к нему может принадлежать и демократическое царство. Вокруг поклонения новым идолам кесарева царства уже успело накопиться много лжи и мути. Новое идолопоклонство, как и старое, заслоняет собой солнце правды. Никогда идолопоклонство не проходит даром для нравственной природы человека и народа, оно нравственно калечит и толкает на путь лжи. Человек, поклонявшийся чему-либо на земле, как Богу, уже перестает отличать правду от лжи, он делается одержимым, он – раб временных, относительных вещей, во имя которых все считает дозволенным.

II

Революция есть лишь момент в жизни народа, временная функция, преходящее состояние, через которое он может перейти к высшей, свободной жизни, но всегда болезненное и тяжелое, вызванное накоплением старого зла. Когда у какого-нибудь человека лопается гнойный нарыв, то странно было бы признать это явление самым светлым и божественным в человеке, подменить самого человека этим моментом развития болезненного в нем процесса. Но у нас именно это и происходит в отношении к революции, которая есть лишь вскрытие гнойного нарыва на теле России. Превращение самой революции в божество и воздаяние ей божеских почестей есть отвратительное идолопоклонство, забвение истинного Бога. Это ничем не лучше, чем идолопоклонствовать перед кесарем, это – одной природы. Прежде Россия подменялась династией, которой она приносилась в жертву; теперь Россия подменяется революцией, которой она также приносится в жертву. Если «обожжаемый монарх» превратился в отвратительную и безобразную ложь, то в такую же ложь может превратиться и «обожжаемая революция», если ее не подчинить высшей правде. Правда же стоит выше всех изменений в царстве кесаря, в ней нет ничего двоящегося, колеблющегося и изменчивого, она самим Богом заложена в человеческом сердце, и раскрытие ее есть самая первая задача и самый верный путь к новой, свободной жизни. Идолопоклонство всегда повергает в царство лжи и порабощает ему. И мы уже находимся в самом страшном рабстве у лжи. Неисчислимым количеством лжи отравлено сознание народа, сердце простых, темных людей, малых сих, и затуманен ум их. Прежде, до революции отравляли народ одной ложью, теперь отравляют его другой ложью. Демагогия есть ложь, возведенная в принцип, в руководящее начало жизни. Демагог считает дозволенной всякую ложь для достижения своих целей, для соблазнения масс. Вся революционно-социалистическая фразеология в наши дни все более и более превращается в условную ложь, подобную лжи той фразеологии, на которой покоился старый режим. Те, которые прикрывались высокими словами о святости отечества, государства и церкви, на деле слишком часто предавали отечество, разлагали государство и отдавали церковь во власть темных сил. Так поступают с божественной ценностью свободы многие из тех, которые прикрываются новой революционной фразеологией. Реальное значение и реальный вес слов теряется, ибо за этими словами стоят негодные человеческие души.

«Темные, безответственные влияния» так же начинают господствовать над революцией, как они господствовали над старой властью. Предательства, провокация и грубая корысть так же прикрываются громкими лозунгами «интернационализма», «революционного социализма» и т. п., как раньше они прикрывались громкими лозунгами «монархизма», «истинно-русского патриотизма» и т. п. Большевизм имеет слишком много общего с распутием и черносотенством. Красные и черные цвета в массе окончательно перемешались. Еще до революции приходилось слышать от честных

социал-демократов, что в среде большевизма трудно отличить революционеров от провокаторов и предателей. Самый нравственный принцип революционного максимализма таков, что он делает затруднительным различие, ибо все объявляется дозволенным для революционных целей и правду не считают существенной. Образуется подпольная атмосфера, страдающая светобоязнью. В этой атмосфере расцвел Азеф. Эта атмосфера всегда соприкасалась с охранными отделениями, с департаментами полиции, с темными, подпольными придворными влияниями. Эта подпольная, двусмысленная атмосфера не исчезла после переворота, она перешла и в новую, свободную Россию, где не должно было бы быть места для подполья. Носителями этой атмосферы сделались по преимуществу большевики. Разоблачения, которые сделаны после 4 июля о германском шпионаже, об измене и предательстве среди тех, которые называли себя интернационалистами и единственными истинными социалистами-большевиками, имеют слишком много общего с тем, что было раскрыто о Мясоедове и Сухомлинове, что сгустилось вокруг имени Штюрмера и придворной немецкой партии. Пахнуло тем же духом. Мы не освободились и не очистились, мы все еще в рабстве у темных сил, все еще томимся в подполье. Революция подверглась нравственному растлению, ее идеалистические элементы оттеснены и попали в рабство к элементам темным и двусмысленным. Нигилизм справа и нигилизм слева – одной природы.

III

Во имя «революции» теперь допускается такая же ложь, какая раньше допускалась во имя «монархии». Престиж идола ставится выше правды, простой и в своей простоте божественной правды. Революция не освободила нас от ложного охранения престижа господствующей силы, она требует охранения своего собственного престижа прежде всего. И это толкает на путь лжи. Новая, свободная жизнь настанет в России лишь тогда, когда во имя правды, поставленной выше всего, согласятся пожертвовать всяким престижем, всякой условной ложью, революционной, как и монархической. Да воцарится престиж самой правды, которая всеми силами должна быть раскрываема в сердце народа, и да сгинет всякая лживая, условная фразеология! Пора уже громко заявить, что ложь с самого начала отравила русскую свободу и повергла нас в рабство. Социалистические партии с максималистскими настроениями с самого начала допустили ложь для охранения своего престижа, престижа революции, ибо поклонились не Богу, а идолу. Много лжей и неправд начало господствовать в русской жизни. Все эти демагогические выкрики о «буржуазии», «буржуазности» и «буржуях», к которым была причислена и вся мыслящая и образованная Россия, все эти розыски «буржуазной контрреволюции» с самого начала были безобразной ложью. В вышедшем из берегов и разлившемся море русского мужицкого царства буржуазия в настоящем, точном смысле слова больше роли у нас не играет. Ей предстоит еще прогрессивное развитие. Реальная опасность, контрреволюция, грозит исключительно со стороны большевиков и анархистов. Это начинают наконец сознавать разумные и честные социалисты, но не хотят громко заявить об этом из боязни нанести урон престижу революционного социализма. Безобразной ложью было утверждение, что война ведется исключительно во имя захватных интересов империалистической буржуазии, руководимой П. Н. Милюковым. И это тогда, когда дело шло об элементарной защите отечества и его чести. Безобразной ложью было прикрытие дезертирства и самого корыстного эгоизма громкими словами об интернационализме и братстве народов. Вся эта ложь разложила армию и уготовила нам неслыханный позор измены и бегства с полей сражения. Безобразная ложь – утверждение, что будто бы человеческая масса может существовать и исполнять свой долг без государственной, церковной и культурной дисциплины. Массы, вернувшиеся в естественное состояние, превращаются в беспорядочные толпы и в конце концов в звериные орды. Безобразная ложь называть социализмом корыстные и захватные интересы стихийных масс, не подчиняющихся никакой общей и высшей правде. Безобразная ложь делать вид, что петроградские события 4 июля не имеют прямой связи с большевиками, и

ответственность за них возлагать на выступление каких-то контрреволюционных элементов и даже на уход министров-кадетов. Безобразная ложь выкрикивать, что партия народной свободы – буржуазная, что она защищает интересы капиталистов, что в ней заложено семя контрреволюции. Правдиво и в соответствии с реальной действительностью эту партию можно было бы обвинять в некотором академизме, в переоценке внешних конституционных форм, в неумении привлечь к себе более широкие массы, затронув в них страстные струны, в недостатке силы и воли. Это – партия правового идеализма, самая бескорыстная из наших партий, чистая от всякой демагогии, но страдающая партийным бюрократизмом. По своему составу кадетская партия есть партия высшей интеллигенции страны, профессоров и земцев, элементы же «буржуазные» в точном смысле слова играют в ней незначительную роль. Безобразная ложь исповедовать принципы демократии, требовать Учредительного собрания и все решать до Учредительного собрания и без него. Революционная социалистическая демократия до Учредительного собрания, т. е. без воли суверенного народа, решает форму правления, аграрный вопрос, областные автономии и т. п. основные вопросы. И правда заключается в том, что революционному социализму совсем не нужны принципы демократии и не нужно Учредительное собрание, оно опасно для всякой чисто классово-партийной партии, ибо подчиняет всякий класс воле нации. Именно кадеты и являются сейчас более последовательными демократами. Ложь провозглашает максимальные социальные лозунги, в реальную и действительную осуществимость которых не верят и которые провозглашают лишь для привлечения масс. Безобразная ложь преклоняться перед массовой стихией революции, в ней самой искать критериев истины и правды и называть контрреволюцией всякую попытку подчинить эту стихию критериям истины и правды, добытым не из произвола человеческой массы. Ложь – провозглашать свободу и на каждом шагу попирать ее. Скопление лжи образует в революционной атмосфере муть. Только правда, не зависящая от быстрой смены дней и часов, от изменчивых инстинктов масс, может освободить нас. Политика отравлена ложью, у одних – для целей низких, у других – для более высоких, она лишена нравственных основ. Все это ведет к сознанию той вечной истины, что возрождение народа не может быть внешним, исключительно материально-социальным, что оно должно быть прежде всего внутренним изменением души народа, победой в ней правды над ложью, Бога над идолами, духовным оздоровлением человеческой личности. Голос правды и элементарного нравственного инстинкта заставляет признать, что в нынешний грозный час дело идет о спасении родины, спасении России, а не революции, и что правительством национального спасения может быть лишь такое правительство, в которое войдут представители всех групп и всех партий, а не одной классово-партийной, которая не может быть облечена доверием нации. Политика правительства национального спасения может быть лишь общенациональной политикой.

«Народоправство», № 4, с. 7-9, 24 июля 1917 г.

Кто виноват?

I

Можно считать уже выяснившимся, что если русская революция и была благом, поскольку она в первые дни свои освободила Россию от кошмара разлагавшейся самодержавной власти, то все дальнейшее «развитие» и «углубление» революции пошло по ложному пути и не принесло никаких добрых плодов России и русскому народу. Были сделаны роковые ошибки, последствия которых многие из нас предвидели и предсказывали. Повторился в больших масштабах 1905 г., и можно ждать реакции большого масштаба. В русской революции очень быстро начался процесс разложения и гниения. Нравственный облик ее делается все более и более отталкивающим. Революция не одухотворена никакими творческими и оригинальными идеями. Господствуют отбросы давно уже разложившихся социалистических идей. Эти охлажденные идеи потеряли всякую этическую окраску и разогреты лишь разнузданием и разъярением корыстных

интересов и страстей. Привели эти идеи Россию к позору и унижению, ввергли ее в хаос. В самих революционно-социалистических кругах началось отрезвление после разгула и сознание ошибок, началось обучение элементарным истинам путем наглядных уроков. Но это наглядное обучение слишком дорого стоит, грядущие поколения призовут нас к ответу за слишком большие расходы по обучению русской революционной интеллигенции в элементарной школе.

Мы оставим потомкам нашим размотанное и разоренное наследство. Мы получили Россию от старой власти в ужасном виде, больную и истерзанную, и привели ее в еще худшее состояние. После переворота произошло не выздоровление, а развитие болезни, прогрессирующее ухудшение положения России. Не новая жизнь раскрывается и расцветает, а старая жизнь, окончательно распустившаяся, гниет. Если сознание долга всегда было слабо в России, то сейчас оно окончательно исчезло. Где же искать виновника? Почему так дурно протекает революция, почему разложение в ней возобладало над созиданием, почему таит она в себе семя неотвратимой, быть может, безобразной реакции? Никогда революции не бывали слишком хороши, всегда было в них отпадение от разума, всегда связаны они с накоплением зла и со старыми грехами, всегда отрицание в них сильнее созидания. Но в русской революции есть много своего особенного, своих русских болезней и соблазнов, есть расплата за свои русские грехи. Причин всех бедствий и всех грехов русской революции нужно искать глубже, чем их обычно ищут. Причины эти не только в ложной тактике, примененной социалистическими партиями, не только в большевиках, не только в экономической отсталости и в страшном давлении на русскую революцию со стороны Германии. Причины эти прежде всего в ложном направлении духа, в ложных идеях, которыми в течение многих десятилетий жила русская революционная интеллигенция и которыми она отравила народные массы. Русская революция оказалась опытом последовательного применения к жизни русского нигилизма, атеизма и материализма, огромным экспериментом, основанным на отрицании всех абсолютных духовных начал в личной и общественной жизни. С философской точки зрения русская революция есть чистый, ничем не ограниченный и ничему не подчиненный психологизм, восстание произвола человеческих масс против всякого онтологизма. В «Вехах» задолго до нынешней революции была указана опасность, грозящая слева, вскрыта была ложь, лежащая в основе нашего революционного движения и интеллигентского революционного мирозерцания. Теперь правда «Вех» проверена жизненным опытом и подтверждена. Эту правду принуждены будут признать и те, которые на «Вехи» жестоко нападали. Русская революционная интеллигенция, которая пожинает плоды своей деятельности в направлении и характере русской революции, которая и сама оказалась выброшенной за борт темными народными массами, слишком долго жила ложной верой, верой в идолов, а не в Бога живого, и душа была искажена этой ложью и этим идолопоклонством, была развращена и потеряла связь с духовными истинами жизни. Центр тяжести жизни был перенесен с внутреннего на внешнее. Интеллигентский яд отравил и народную душу, вытравил из нее живого Бога. Большевики – последние русские нигилисты, в них нигилизм интеллигентский соединился с нигилизмом народным. Источники всех наших несчастий нужно искать в соединении нигилистических идей интеллигенции с народной тьмой. Самый революционный переворот был делом национальным, он совершен русским народом как великим целым, он не был делом одной революционной интеллигенции или рабочего класса, ему не предшествовало усиление революционно-социалистического движения. Но русская национальная революция присвоена была себе революционными интеллигентскими кружками и массами, которые пошли за их демагогическими лозунгами. И это совпало с религиозным кризисом в народе.

II

В русской революции собирается жатва исконного и застарелого русского нигилизма. В ней чувствуется дыхание этого старого, а не нового духа. Революция

вдохновлена нигилистическими идеями, она прежде всего направлена на разрушение иерархии ценностей, иерархии качеств, на которой основан божественный миропорядок. Эта революционно-нигилистическая вражда ко всякому иерархизму имеет прежде всего природу духовную, а не политическую и экономическую, это есть психология масс и нравственная их настроенность. В основе этой психологии лежит чувство зависти ко всему, что выше, что обладает уже установившимися качествами. Но никогда еще творчество не проистекало из этого источника. Нигилистические настроения и идеи в массах дают страшные результаты. Русский революционный социализм по духовным основам своим насильнический, материалистический и атеистический, и этот отрицательный пафос доведен в нем до какой-то лжерелигии. Русский революционный социализм одержим жаждой равенства во что бы то ни стало. Этот соблазн абсолютного равенства ведет к истреблению всех качеств и ценностей, всех возвышений и подъемов, в нем – дух небытия. Бытие зачалось в неравенстве, в возвышении качеств, в индивидуальных различиях. В нем звезда от звезды различествует во славе. «Погашение всех качественных различий» и всех возвышений было бы возвратом к первоначальному небытию, которое есть совершенное равенство, полное смешение. Восстание первоначального хаотического небытия периодически бывает в истории, целые общественные движения могут быть окрашены в его цвет. Было бы ошибочно, конечно, отождествлять всякий социализм и всякое социалистическое движение с духом небытия. Возможен социализм и совершенно другого духа. Но атеистический социализм, мнящий себя новой религией, есть, конечно, религия небытия. В земное всеблаженство, в фабричный земной рай поверили потому, что перестали верить во что бы то ни было высшее. Когда померкли религиозные надежды и ослабела духовная жизнь, остается сорвать земной рай, использовать мгновения этой бессмысленной жизни. Овладевает жажда раздела.

Русский нигилизм, который шире течения конца 60-х годов, носящего это наименование, отвергает не только на словах, не только в мыслях все непререкаемые и абсолютные святыни и ценности, он отвергает их и всей совокупностью своего духа, направлением своей воли, отвергает их на деле, в самой жизни. Нигилизм не только перестал мыслить об ином божественном мире, он перестал быть с ним в общении. Имя Христа не случайно забыто в нашем революционном движении и в нашей революции. Его нет в душах, нет в основном направлении духа, избирающего путь. Слова и имена – не случайные и условные знаки, как думают номиналисты, они – реальные энергии духовной жизни. На этом основано значение молитвы. Менее всего я хочу сказать, что русские революционеры-нигилисты – злодеи и люди дурные; среди них всегда было немало прекрасных людей, искренних, самоотверженных и бескорыстно увлеченных. Но люди эти находятся во власти ложного отрицательного духа, природу которого сами не понимают, люди эти нередко находятся в состоянии одержимости. Они выброшены на поверхность, оторваны от духовного ядра жизни, кружатся во внешних оболочках жизни. В русском нигилизме и русском нигилистическом социализме нет свободы духа, нет духовного здоровья, необходимого для творчества, нет никакой внутренней дисциплины, подчиняющей человека стоящим выше его святыням. Революционное интеллигентское сознание отвергло все объективные духовные начала, все сверхчеловеческие ценности и подчинило жизнь человеческую произволу человеческих страстей, интересов и стремлений к благополучию и наслаждению. Торжествуют лишь утилитарные оценки. Все подчиняется благу отдельных людей и механическому количеству людей. Внутреннее же, духовное ядро человеческой личности отрицается. Добро и зло признаны относительными и расцениваются в зависимости от общественной полезности. Нравственному вырождению русской революционной интеллигенции и самой революции очень способствовало традиционное отождествление нравственного и доброго с «левым» и безнравственного и злого с «правым». Поэтому те, которые чувствовали себя «левыми», признали для себя все дозволенным. Религиозное чувство вины было заменено

социальным чувством обиды, и это придало человеческой душе неблагородный облик. Сознание обязанностей заменено бесконечными притязаниями и претензиями. Материалистическая теория социальной среды окончательно парализовала сознание личной ответственности. Личному закалу воли и дисциплине характера не придавали и не придают никакого значения. Согласно этому мировоззрению и мироощущению, личность выставляет свои требования и притязания, независимо от своих качеств и заслуг. Безответственная притязательность, парализующая сознание обязанностей, есть нравственная язва, разъедающая русскую общественную жизнь. Из революционно-нигилистического типа окончательно были изгнаны благородные и вечные чувства почитания и благоговения. Нигилизм нашего революционного сознания есть порождение старого и долгого рабства. Большая доля вины за него падает на классы руководящие и господствующие, на нравственное вырождение сверху. В этих классах сердце давно уже омертвело к святыням, и они лицемерно пользовались святынями для целей корыстных.

III

И сверху и снизу перестали видеть в государстве и в национальности объективные и духовные начала и подчинили их произвольным и субъективным целям социального благополучия. Одни сделали себе идола из самодержавного государства и царизма и поклонились ему, как Богу, другие – из народа и пролетариата, и ему поклонились. Нигилизм революционный, зависимый от нигилизма реакционного, поклонился количеству вместо качества. Все духовные реальности и духовные ценности подверглись атомизированию и распылению. Церковь, отечество, государство, культура – все давно уже подверглось разложению и за всем стали видеть голый интерес. Марксизм был принят в России, как теоретическое оправдание нигилизма, как циническое отрицание самооценности и самобытности духовной жизни. Русская интеллигенция с нигилистической закваской очень обрадовалась узнать из немецких книжек, что не существует никакой самостоятельной духовной жизни и что все ценности в ней – лишь идеологические прикрытия интересов, лишь рефлекс экономический действительности. Государство представилось организацией классового господства, национальность – созданием интересов буржуазии, добро и правда – отражением экономических отношений. Марксизм рецепировался у нас прежде всего как цинический нигилизм, направленный на разрушение всех онтологических реальностей. Цинический нигилизм давно уже был жизненной практикой справа, у господствующих слоев старого режима, которые дошли до полного нравственного разложения. Давно уже торжествовал и нигилизм слева и нашел себе оправдание в марксизме. Гонения, страдания и мучения нравственно облагораживали русских революционеров и прикрывали духовные последствия нигилизма. Но когда революционный нигилизм начал господствовать и властвовать, выявилось его нравственное неблагообразие, его духовная пустота. Русский нигилизм сочетался с каким-то своеобразным морализмом: все духовные реальности отрицали во имя морали равенства, во имя блага народа. Ряд десятилетий отрицалась в народе ценность отечества, ценность национальности и убивалось всякое национальное чувство как безнравственное. Политика старой власти окончательно добивала здоровый национальный инстинкт. Что же удивляться, если революция оказалась антипатриотической и антинациональной?

Эти нигилистические настроения и мысли расцвели в душной атмосфере подполья, созданного насилиями старой, разлагающейся власти. Нигилизм бюрократический и нигилизм интеллигентский – близнецы. Свободный творческий дух и свободные творческие идеи не имели силы наверху и не имели обаяния внизу, справа и слева не было господства духа, не было живой веры в Бога и в духовный смысл жизни. Россия давно уже тяжело больна духом, ее сводят судороги одержимого, в нее вселились бесы, то реакционные, то революционные, то черные, то красные. Русский максимализм, бросающий нас из одной крайности в другую, есть болезнь духа, метафизическая истерия, внутреннее рабство. В душе русского народа давно уже начался кризис веры, народная

душа в смятении и находится на перепутье. В такие минуты душа делается безоружной против многих соблазнов. Старое с его духовной дисциплиной отмирает в народной душе, новое же оказалось нигилистическим отрицанием. Так вырабатывается в народе тот безобразный душевный уклад, который вчера приводил к погрому евреев и левой интеллигенции, сегодня может привести к погрому «буржуазии» и всего культурного общества, как слишком правого. Над всем царит одна и та же жажда раздела, завистливый взгляд на духовные и материальные богатства соседа. И это сопровождается полным творческим бессилием, неспособностью к созиданию и нелюбовью к нему.

Русскому народу необходимо здоровое и крепкое национальное чувство, но его не было и нет. И нет того национального воодушевления, которое необходимо для спасения родины. Мы расплачиваемся за старые грехи, мы изъедены наследственными болезнями. Нам необходимо внутренне очиститься и духовно переродиться, окончательно поборов в себе всякий нигилизм. Без изменения человеческой ткани, составляющей общество, нельзя рассчитывать на более совершенную общественную жизнь. Из плохих человеческих душ нельзя сделать хорошего общества, это будет лишь внешней перестановкой атомов. С этой точки зрения никакие внешние революции ничего существенного не меняют. Необходим духовный закал личности, ее внутреннее перерождение, повышение ее качеств. Личность человеческая не может всего ждать от нового общества, она прежде всего должна как можно больше ему дать. К сожалению, в русском культурном обществе, либеральном и просвещенном, нет той силы духа и той горячей веры, которые могли бы спасти Россию от беснования. Чисто либеральные идеи – тепло-прохладные идеи, в них нет огня. И нужно правду сказать: если русские революционные круги исповедовали нигилизм, то русские либеральные круги исповедовали довольно поверхностное просветительство и поверхностный позитивизм, которые также разлагают духовную жизнь и подрывают веру в духовные реальности. Бескрылый русский либерализм сделался национально настроенным лишь во время войны, и революция укрепила его в этой настроенности. Но национальная идея не имеет в нем глубоких корней, для русских либералов в массе патриотизм есть вопрос политической тактики. Они патриоты через силу. Духовное национальное движение у нас еще впереди, оно образуется после изжития и осмысления трагического опыта войны и революции. Оно должно привести к оригинальному общественному творчеству. Оно не будет походить на старый национализм. Но не будет походить и на традиционный гуманистический либерализм. Не только старый революционизм, но и старый либерализм должен принять на себя часть вины за происходящее сейчас с Россией. Русская революция есть Божья кара за явный или тайный нигилизм всех слоев, всех классов и всех направлений, от крайних правых до крайних левых. Творческое национальное движение и возрождение предполагает духовный кризис, обращение к глубоким, божественным источникам жизни.

«Русская свобода», № 18, с. 3-9, 1917 г.

Была ли в России революция?

Мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять; ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке.

Чаадаев

I

Захват власти так называемыми «большевиками» многим представляется какой-то страшной катастрофой, чем-то совершенно новым в судьбах русской революции и России. Находятся даже люди, которые из наивности или из лживости утверждают, что наступил последний этап борьбы рабочих и крестьян с капиталистами и помещиками, последнее столкновение народа с имущими классами. Г. Ленин счел возможным заявить, что в конце февраля в России была революция буржуазная, свергнувшая царизм, а в конце октября произошла революция социалистическая, свергнувшая буржуазию, т. е. процесс, который

у западных передовых народов совершается столетия, в отсталой России произошел в несколько месяцев. Так как жизнь наша очень начинает напоминать кошмар, то все представляется нам в преувеличенном виде. Мы совершенно утратили перспективу событий. Я позволяю себе думать, что все происходящее в России – чистейшие призраки и галлюцинации, во всем этом нет ничего существенного и подлинно реального. То, что произошло в самое последнее время, очень мучительно и тяжело в перспективе личной жизни людей. Пролилась кровь, много было и будет невинных жертв, жизнь человеческая стала еще более необеспеченной и невыносимой. Но нужно сознать, что ничто существенно не изменилось, ничего нового не произошло. Перестановка атомов, пребывающих в том же инертном состоянии, ничего не может изменить ни в какую сторону. Вообще в русской революции ничего нового не случается, в ней нет никакого настоящего движения. И то, что именуется у нас революцией, есть сила инерции, есть мертвая бездвижность перед судом высшей духовной жизни. В коловращении хаоса и анархии никогда ведь не бывает настоящего движения и творческой новизны. Хаотическая перестановка и круговращение мертвой материи никуда не движется и никакой новой жизни не творит. В душах людей и в душе народа, в источниках творческой энергии ничто не изменилось, ничего нового не народилось. Действуют все те же старые инстинкты, все те же ветхие чувства. Новый человек не рождается. Ни одной новой души не народилось в стихии революции. Все осталось очень старым на Руси, вся психология отдельных людей и целых групп осталась ветхой. Вся ткань общественная расплывается и раздирается, как гнилая материя. Души людей все те же рабы души. Маскарадное переодевание никого не должно вводить в заблуждение. Под новыми масками слишком видны старые лица. Рабы и насильники, в которых не изменилось ни одно чувство и не появилось никаких проблесков нового, лучшего сознания, расхаживают и разъезжают в костюмах новых, свободных людей. Но звериное хрюканье все время слышится под личинами, которые вводят в обман лишь очень наивных и темных людей.

Смешно и нелепо, что у нас серьезно говорят о «большевиках», опровергают их, спорят о путях развития русской «революции». Все это, как говорят дети, не на самом деле, все это не по-настоящему. Вся русская «революция» есть тяжелый кошмар, приснившийся русскому народу от его бессилия и болезни, есть призрак, созданный расстроенным воображением народа слабого и потерявшего духовный центр. Кошмары и призраки дома умалишенных выпущены на свободу и гуляют по земле русской. Все, что происходит, есть лишь иллюстрация к «Бесам» Достоевского, книге поистине пророческой. Все безысходно, как в кошмаре, все повторяется и возвращается, бесы кружатся, и нельзя вырваться из этого бесовского круга. О бессилии власти гг. Ленина и Троцкого и ненародном характере их власти говорят так же, как говорили о бессилии и ненародном характере власти гг. Штюрмера и Протопопова. С того времени глубоко и существенно ничто не изменилось. Все старое повторяется и действует лишь под новыми личинами. Бурные процессы происходят лишь на поверхности. Процессы эти есть лишь тление ветхих одежд России невозрожденной. Мы изживаем последствия наших старых грехов, страдаем от наших наследственных болезней. В России никакой революции не было. Пора уже сорвать маски и изобличить подлинные реальности. Русская революция есть чистейший призрак. В ней нет существенных признаков революции в западноевропейском смысле этого слова. Старая власть, старая монархия не была у нас свергнута революцией, она сгнила, разложилась и бесславно пала, как падает гнилое яблоко с дерева. Но яд от гниения старой России остался внутри народного организма и продолжает разлагать жизнь русского народа. Вот эти процессы гниения старой России и принимают у нас за «развитие и углубление революции».

Чудовищный нигилизм, торжествующий в этих процессах разложения, есть явление старой России, а не творчество новой России. В России пала власть и не заменилась никакой новой властью. Наступило безвластие, междуцарствие, бесплодная и нетворческая, смутная эпоха, анархия. Катастрофу, происшедшую с Россией, так же

неверно называть революцией, как неверно было бы называть революцией пугачевщину. Катастрофа эта не есть изменение форм государства, не есть создание новой власти организованными силами, она есть упразднение государства, бессилие организовать какую бы то ни было государственную власть. В этом русская революция бесконечно отличается от французской революции, в которой действовал сильный государственный и национальный инстинкт народа. У нас же никакая новая, организующая и созидательная сила не пришла на смену старым, разлагающимся силам. То, что у нас называют «революцией», есть сплошная дезорганизация и разложение, смерть государства, нации, культуры.

II

Ход русской «революции» не есть драма, развивающаяся от одного акта к другому. В ней нет истинного драматизма, нет истинных героев. Ход этой «революции» более напоминает хаотическое крушение. Безысходность и неразрешенность особенно для нее характерны. И слишком быстро наступил у нас революционный маразм. Мы переживаем не столько революционную, сколько смутную эпоху. Все отравлены в эту эпоху, все безрадостны, все несчастны, у всех муть в глубине души. Сами делатели «революции» не чувствуют радости и подъема, в них нет настоящей веры. Русская «революция» страдает собачьей старостью, она не пережила периода молодости, молодого энтузиазма, молодого увлечения освободительными идеями. Все революционные идеи давно уже выветрились, все революционные слова опошлись. Эстетически и нравственно чуткий человек не может уже без краски стыда прибегать к революционной терминологии. Нельзя вынести этой зияющей пустоты всех революционных понятий! Все давно уже остыло и заледенело под революционными фразами, не чувствуется горячего человеческого сердца, горячей человеческой мысли. Старые слова, произносившиеся представителями старого строя, выветривались на протяжении столетий. Революционные слова сразу же оказались стары и выветрились на протяжении нескольких месяцев. В первые дни революции жертвенная энергия не была истрачена на борьбу со старой властью. Старая власть пала без борьбы и сопротивления, победа далась слишком легко. А много злобы накопилось в прошлом, от старого рабства и старого унижения. И начали искать объекта для этой неразрешенной злобы. Объективация злобных чувств создала контрреволюционную «буржуазию». Массы народные отравили нечеловеческой злобной ненавистью к «буржуазии», понятой в очень расширенном смысле, как все культурное общество. Сама же «буржуазия» обнаружила неорганизованность, пассивность и уступчивость, невиданные в истории. С самого начала «революция» русская одержима низким страхом контрреволюции, и в этом постыдном страхе чувствуется страшное бессилие, отсутствие молодой веры, молодого энтузиазма. В розыске контрреволюции есть что-то в высшей степени неблагородное. Делатели «революции» обнаружили шпионские инстинкты, свойственные дряхлеющей и разлагающейся силе. Все это понятно, если признать наконец ту истину, которая пока ясна лишь немногим, – что в России никакой революции и не было, а было и есть лишь продолжающееся разложение и гниение старого, лишь длительное безвластие и безгосударственность, лишь развитие и углубление самовластья.

Мы уже долгое время живем под диктатурой «революционной демократии». И в этом отношении «большевистская революция» ничего нового с собой не принесла. Но что представляет собой эта «революционная демократия», которую хотят выдать за организующую и творческую силу? Это есть прежде всего господство темной и разлагающейся солдатчины, господство штыков в руках темных людей, первобытные инстинкты которых разнуздывались в течение восьми месяцев. Русские социал-демократы, ученики К. Маркса, признали солдатские штыки главным определяющим фактором исторического развития. Некоторые из них, именующиеся «большевиками», даже уверены, что солдатскими штыками можно радикально изменить соотношение экономических сил. Такое милитаристическое перерождение марксизма поистине изумительно, оно возможно лишь на темном Востоке, в совершенно некультурной стране.

В этом есть что-то турецкое. Есть основания думать, что западные люди и смотрят на русскую «революцию», как на китайскую или турецкую. Чудовищная неправда утверждать, что господство солдатчины, основанное на физическом насилии, имеет хоть какое-либо отношение к социализму, к «идее четвертого сословия», как ее понимали Маркс, Лассаль и др. западные социалисты. Безграмотная, темная масса солдат, отвыкших от всякого труда, тех самых солдат, на чьи штыки недавно еще опиралось старое самовластье, ни с какой точки зрения не есть социалистически мыслящий и социалистически чувствующий рабочий класс. «Большевизм» опирается на те же солдатские штыки, на ту же темную и грубую физическую силу, на которую опиралась и старая, разлагающаяся власть. Ничего не изменилось. Масса осталась в той же тьме. Где же та новая психика пролетариата, вырабатываемая коллективным промышленным трудом, которую марксисты всегда признавали необходимой предпосылкой социализма? Есть ли признаки этой новой психики в беспорядочных толпах солдат, лущающих семечки, торгующих папиросами и совершающих насилия над мирными гражданами? Не случайно так трудно отличить в темной массе «большевиков» от черносотенников. А «социалистическую революцию» последних дней очень легко смешать с контрреволюцией. Тот же дух, те же приемы насилия и террора, то же надругательство над свободой и правом, то же глумление над достоинством человека. А ненависть к «буржуазии» есть исконная ненависть темного Востока к культуре.

III

Русский народ продолжает разлагаться от бессилия, от тиранической анархии, от невежества и тьмы, от неорганизованности и недисциплинированности, от отсутствия руководящих созидательных сил. «Большевицкая революция» есть один из моментов разложения старой России, одна из трансформаций старой русской тьмы. Во всем этом нет ничего похожего на революцию, на демократию, на социализм, на сколько-нибудь глубокое изменение в обществе и народе. Все это – жуткий и зловещий маскарад. Начала самовластья и деспотизма продолжают свое торжество и чинят оргию. В старом русском самовластье было слишком много анархического и слишком мало объективных правовых начал. И сейчас анархия и самовластье убивают всякое право, всякую объективную и закономерную правду. В старой России не было достаточно уважения к человеку, к человеческой личности. Но сейчас этого уважения еще меньше. В целых классах общества отрицается человек, не уважается личность, по отношению к классам общества, признанным революцией отверженными, совершается духовное человекоубийство, которое легко переходит в человекоубийство физическое. Единство человеческого рода отрицается в большей степени, чем во времена рабства. И во времена рабства, и во времена крепостного права привилегированные христиане все же видели в рабах и крепостных человека, образ и подобие Божье, т. е. на какой-то глубине преодолевали все сословные и классовые противоположности и преграды. Нынешнее же яростное и злобное деление на мир «буржуазный» и мир «социалистический» есть окончательная измена христианству и окончательное отрицание человечества как единого рода Божьего. В этом можно видеть тяжкую расплату за старые грехи, за старую рознь и неправду, но безумно видеть в этом что-то новое, творческое, преображающее жизнь. Судорожный и уродливый конец ветхого человека нельзя принимать за начало новой, лучшей жизни.

«Большевизм» господствовал с самого начала «революции», и в нынешнем торжестве его нет ничего нового. Все «развитие и углубление революции» шло по указке «большевиков», вдохновлялось их духом, если это можно назвать духом, постепенно принимало провозглашенные ими начала. Другие революционно-социалистические партии, меньшевики и социалисты-революционеры, шли на буксире у «большевиков», они были менее последовательны и тот же яд был у них лишь менее сгущен и сконцентрирован. Никогда меньшевики и социалисты-революционеры не могли решительно и радикально восстать против «большевиков», потому что «большевики» были для них людьми одной веры, быть может грешниками, но не еретиками.

Правоверные не сжигают грешников на кострах, они сжигают лишь еретиков. Но для всякого социал-демократа и социалиста-революционера, как бы он ни отрицал большевистскую тактику, еретики – все не социалисты по вере, все не верующие в социалистическую революцию и социалистическое счастье. И в победе «большевиков» над другими социалистическими группами есть имманентная справедливость, это – естественная кара за их собственные грехи. Болезнь должна развиваться до конца, должна быть изжита в своих крайних последствиях. Почему произошел такой разлив «большевизма» по всей русской земле, почему ему досталась такая легкая победа? Это прежде всего связано с войной. «Большевизм» есть линия наименьшего сопротивления для естественных и элементарных инстинктов всякой темной, непросветленной человеческой природы. «Большевиками» на время сделались все те, которые не хотят воевать, не хотят ничем жертвовать, но хотят как можно больше получить. То, что называется русской «революцией» и что сейчас завершается, имеет один постыдный и горестный для нас смысл: русский народ не выдержал великого испытания войны, в страшный час мировой борьбы он ослабел и начал разлагаться. Он духовно не был готов к мировой борьбе, он потерял всякую идею этой войны. А без великой идеи нельзя идти на жертвы и страдания. Кровавая братоубийственная борьба на улицах Москвы есть лишь эпизод мировой войны. Одолеет германский яд.

Мораль же, которой обучает русская «революция», довольно проста и элементарна, хотя и горька для нас. Необходимо расстаться с многими русскими иллюзиями, славянофильскими, народническими, толстовскими, возвышенно-анархическими, революционно-мессианскими и пр., и пр. Необходимо покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, правду культуры, суровую правду закона и нормы. Народ русский потерял веру, изменил вечной святыне, а цивилизации не имеет, культуре чужд. И нам необходим долгий труд цивилизации, в которой есть своя секуляризованная религиозная правда. Необходимо вновь собирать Россию. Великие испытания подтверждают правду Чаадаева, а не славянофилов. Сейчас мы переживаем период глубокого нравственного и духовного падения. Даже в культурном нашем слое многие так низко пали, что поддались всеобщему гипнозу и поверили тому невежественному вздору, что сейчас происходит последнее столкновение классовых интересов, последняя борьба народа с буржуазией. Когда русские люди очнутся от гипноза и духовно отрезвятся, они поймут, что всякая великая борьба в мире есть духовная борьба, столкновение разных идей. К сожалению, приходится признать, что «буржуазность» сейчас означает элементарную культурность. В низах русской жизни – первозданная тьма, там все элементарно, все еще в первобытном прошлом. На верхах же духовной жизни происходит столкновение разных духов и идей, там диавол с Богом борется. В середине борьба воспринимается как столкновение мира «буржуазного» и мира «социалистического». Но оба эти мира стоят на одной почве и вдохновляются одним духом земным. Горняя, духовная борьба сложно вплетается в эту срединную материальную борьбу, и из этого срединного смешения необходимо выделить высшие и чистые духовные начала и противопоставить торжествующей тьме и торжествующему хамству: но и самая высшая духовная борьба в срединном царстве должна проявить себя, как борьба за творчество культуры в объявшей нас тьме.

«Народоправство», № 15. с. 4-7, 19 ноября 1917 г.

Гибель русских иллюзий

I

Катастрофа, именуемая русской революцией, должна через все унижения, испытания и разочарования привести к новому, лучшему сознанию. Такой опыт в жизни народа не может не обогатить и не обострить нашего познания. Но познанию этому будет предшествовать душевный кризис, готовность покаяться и смириться. Свет рождается после внутреннего очищения и аскезы. Это – закон духовной жизни. И нужно сознаться, что всей мыслящей части русского общества, которая почитала себя носительницей

сознательных идей, есть в чем покаяться и от чего очиститься. Верования и идеи – ответственные, от них идут эманации освобождающей правды или поработавшей лжи. Величайшую ответственность за торжествующее в жизни зло несут те, которые зачали его в идее, те первые, немногие, которые в извращенном духовном опыте поддались обманчивым и лживым призракам. Русская идейная интеллигенция, принадлежащая к разным лагерям, жила иллюзиями, вдохновлялась ложной верой и призрачными идеями. И вот наступил час расплаты. Настало время, когда это нужно сознать под принудительным давлением жизненного опыта. Под свободным влиянием творческой мысли это сознали лишь немногие. Вспомним раздраженное и негодующее отношение к «Вехам» и в тех кругах, которые ныне горьким опытом познают правду «Вех». Но справедливости по отношению к авторам «Вех» ждать трудно.

Русская революция в своем роковом и фатальном развитии означает гибель русских иллюзий – славянофильских, народнических, толстовских, анархических, революционно-утопических и революционно-мессианских. Это – конец русского социализма. Самые противоположные русские идеологии утверждали, что русский народ выше европейской цивилизации, что закон цивилизации для него не указ, что европейская цивилизация слишком «буржуазна» для русских, что русские призваны осуществить царство Божие на земле, царство высшей правды и справедливости. Это утверждали справа славянофилы, сторонники русской религиозной и национальной самобытности, и слева революционеры, социалисты и анархисты, которые были не менее восточными самобытниками, чем славянофилы, и буржуазному Западу противопоставляли революционный свет с Востока. Бакунин исповедовал русский революционный мессианизм. Его исповедуют и те, которые кричат все эти страшные месяцы, что русская революционная демократия научит все народы Западу социализму и братству народов. Этот русский свет, который должен просветить все народы мира, и довел Россию до последнего унижения и позора.

Все идеологии этого типа, владеющие умом и сердцем русской интеллигенции, основаны были на вере в народ, в народную мудрость и народную правду. У народников правых, стоявших на религиозной почве, вера в народ была лучше обоснована и оправдана, чем у народников левых, стоявших на почве материалистической. Славянофильство было единственной серьезной русской идеологией, с которой можно считаться по существу. Религиозное народничество есть иллюзия и самообман, от которого дорогой ценой излечиваемся, но идея эта не лишена глубины. Идея эта настолько глубоко была заложена в народном сознании, что она освятила русское самодержавие и сделала невозможной никакую эволюцию монархии. Так толкало Россию религиозное народничество, видевшее в самодержавии высшую правду, на путь катастрофический. Революционное народничество не имеет глубины, оно основано на тьме и путанице сознания, оно в значительной степени есть порождение отсталости и невежества, плод русского экстенсивного хозяйства. Революционный шовинизм есть самый дурной и низменный род шовинизма. Россия сейчас растерзана оргиями этого революционного шовинизма, кричащего «шапками закидаем» весь мир, покоряющего весь мир революционным пустословием. Время уже сознать, что все формы русского народничества – иллюзии, порождения русской культурной отсталости; они означают рабскую зависимость русского культурного слоя от народной тьмы, потерянность всего качественного русской жизни в количествах. Вера в «народ» всегда была малодушием и бессилием русских мыслящих людей, боязнь возложить на себя ответственность и самим решить, где истина и правда. Малодушные и боязливые думают, что источник истины и правды лежит вне их, в народной стихии, народной массе, в народной вере или народном труде. С вершины мысли и духовной жизни самые замечательные русские люди стремительно падали вниз и в приниженности к низинам народной жизни искали высшей мудрости. Для одних то была мудрость религиозная. И. Киреевский предлагал почитать святость иконы потому, что народ молился перед этой иконой и освятил ее своими поклонами и целованием. Для других то была мудрость социальная, правда трудовой

жизни, правда жизни, близкой к природе. Но все боялись своей высшей культурной жизни как неправды, как отпадения от естественного, благостного миропорядка. Л. Толстой был самым крайним выразителем этого русского народничества. В его лице соединилось народничество религиозное с народничеством социальным.

II

Русская вера в «народ» была идолопоклонством, поклонением человекам и человечеству, сотворением себе кумира из внешней массы. Вера в народ как простонародье, как крестьян и рабочих, была верой в эмпирическое количество. Объект этой веры не обуславливался его качествами, его внутренней ценностью, сколько-нибудь постижимой и близкой для веровавшего. Интеллигент, уверовавший в народ, не знал души народной, он не постигал ее в себе самом, в родной ему глубине, он поклонялся народу как неведомому и чуждому, манящему своей далекостью. Истинная душа народа, душа нации, как мистического организма, неопределимая никакими социологическими признаками, душа, постижимая прежде всего в собственной глубине каждого сына этого народа, была заслонена народническим идолопоклонством и народническими иллюзиями. Само религиозное сознание было замутнено и засорено социально-классовой точкой зрения на народ, зависимостью от эмпирической данности, гипнозом категории количества. Для народнического сознания народ подменил Бога, служение народу, его благу и счастью подменило служение правде и истине. Во имя народа как идола готовы были пожертвовать величайшими ценностями и святынями, истребить всякую культуру, как основанную на неравенстве, всякое бытие, как наследие отцов и дедов. Религия «народа» есть поистине религия небытия, религия темной, всепоглощающей и всепожирающей бездны. Идея народа, определяемого по социально-классовым признакам, есть фальсификация идеи нации, неопределимой ни по каким социально-классовым признакам, объединяющей все классы, все группы и все поколения, прошедшие и будущие.¹²¹ Народническая идеология – чисто интеллигентская, она есть выражение оторванности от «народа» и противоположности «народу». Для самого «народа» народничество невозможно. Лучшие люди из «народа», из низшего трудящегося слоя, стремились к свету, к знанию, к культуре, к выходу из народной тьмы, они никогда не идеализировали «народа» и не поклонялись ему.

«Народ» долго безмолвствовал. Разные самозванцы пытались за него говорить. Но бессильная, народопоклонническая интеллигенция ждала, что «народ» наконец сам заговорит и скажет слово, которое будет светом для всего мира, и что этот свет просветит народы Запада. Грянула революция, пала старая власть, и сломлены были все препятствия для изъявления народной воли. «Народ» получил возможность говорить. Русская революционная интеллигенция, вся изъеденная застарелыми болезнями, отравившая народ злобными нигилистическими чувствами и мыслями, начала кричать, что в «революционной демократии» раскрывается какая-то неслыханная и невиданная на Западе правда, брезжит свет с Востока. Но правда и свет этот ни в чем не выразились, кроме бессмысленных отвлеченных формул вроде «без аннексий и контрибуций», «вся земля трудящемуся народу» и т. п. Все это выкрикивает интеллигенция, заимствуя свои формулы из плохо переваренных и не попад примененных западных учений. Но что раскрыл из себя и обнаружил тот «народ», в который верили русские славянофилы и русские революционеры-народники, верили Киреевский и Герцен, Достоевский и семидесятники, «ходившие в народ», новейшие религиозные искатели и русские социал-демократы, переродившиеся в восточных народников? «Народ» этот обнаружил первобытную дикость, тьму, хулиганство, жадность, инстинкты погромщиков, психологию взбунтовавшихся рабов, показал звериную морду. Собственные слова «народа» нечленораздельны, истинные слова еще не родились в народе. За весь этот ужас, за всю эту тьму народную ответственность лежит прежде всего на классах командующих и интеллигентных. Одни не хотели просвещать народ, держали его в принудительной тьме и рабстве; другие идолопоклонствовали перед народом и несли ему новую тьму вместо

света, тьму полупросвещения и интеллигентского нигилизма. И в самый страшный и ответственный час русской истории за элементарные блага государства и культуры, за национальное достоинство стоит у нас лишь очень тонкий, немногочисленный культурный слой. Слой этот легко раздирается, и под ним обнаруживается зияющая бездна тьмы. Необъятное и темное мужицкое царство поглощает и пожирает все блага и ценности, в нем тонет всякий лик человеческий. Многие прекраснодушные народолюбцы в ужасе оттолкнулись от того, что они увидели и услышали. Совсем недавно еще «народ» был черносотенным и солдатскими штыками поддерживал самовластье и темную реакцию. Теперь в народе победил большевизм, и он теми же солдатскими штыками поддерживает гг. Ленина и Троцкого. Ничто не изменилось. Свет не просветил народную душу. Царит та же тьма, та же жуткая стихия под новыми оболочками, под новыми личинами. Царство Ленина ничем не отличается от царства Распутина.

III

Все одержимые народническими иллюзиями и справа и слева должны наконец понять, что «народу» поклоняться нельзя и нельзя ждать от него правды, неведомой более культурным слоям, – «народ» нужно просвещать, подымать, приобщать к цивилизации. Прославленное русское смирение было в сущности страшной гордостью и самомнением. И настало время, когда нам нужно, наконец, настоящее, более простое и элементарное смирение, смирение не перед мудростью русского народа, а перед законом цивилизации, перед культурой, перед светом знания. Огромное темное мужицкое царство должно пройти долгий путь цивилизации, просвещения и просветления. Это – мировой путь развития и лишь через него может быть выявлена национальная сущность и национальное призвание. Дионисические оргии темного мужицкого царства грозят превратить Россию со всеми ее ценностями и благами в небытие. Разбушевавшаяся темная стихия должна быть введена в нормы, подчинена закону. Без этого нельзя мечтать ни о каком высшем призвании России, так как не будет и самой России. Русский народ не выше закона, это – иллюзия; он не в благодатном царстве, он – ниже закона, он в значительной массе своей в зверином царстве. Это сознание и есть подлинное религиозное смирение, большее смирение, чем полные гордости и самомнения слова о святой Руси или об интернационально-социалистической Руси. Русские смешали свободу с хаосом, смешали самое низшее с самым высшим, верхнюю бесконечность – с нижней бесконечностью. И наше поколение жестоко расплачивается за это смешение. Русскому народу нужна еще элементарная правда, он не прошел еще элементарных наук, а мнит себя преодолевшим все науки высшей мудростью. Трагический опыт русской революции подтверждает элементарную правду западничества. Это – не последняя правда, это – правда предпоследняя. Но и предпоследняя правда бывает до крайности нужна. Пора уже отказаться от той русской иллюзии, что русским нужно исключительно самое конечное и последнее. Пора излечиться от утопий, от зловредной социальной мечтательности, пора религиозно смириться перед реализмом, перед правами относительного и среднего. Из русских мыслителей наиболее прав был Чаадаев. Во многом прав был и Вл. Соловьев, он был свободен от народнических иллюзий. Гоголь видел в России звериные морды и потом каялся в этом. Ныне гоголевские морды торжествуют. Славянофильство же убито во всех своих видах и формах. Вера в «святую Русь» ныне звучит нестерпимой фальшью и ложью. Нужно позаботиться о том, чтобы Русь сохранила сколько-нибудь человеческое обличье, чтобы в русском человеке не окончательно погиб образ и подобие Божие. Многие идеи великих русских писателей потерпели страшное крушение. Достоевский пророчески предвидел бесовство русской революции в «Бесах», приоткрыл демоническую метафизику революции в «Братьях Карамазовых». Многие гениально прозревал он в природе русского человека, в особенности в природе русской революционной интеллигенции. Но все положительные идеи Достоевского о русском народе оказались иллюзией, ныне они звучат ложью. Л. Толстой должен быть признан величайшим русским нигилистом, истребителем всех ценностей и святынь, истребителем культуры. Толстой

восторжествовал, восторжествовал его анархизм, его непротивленство, его отрицание государства и культуры, его моралистическое требование равенства в нищете и небытии и подчинения мужицкому царству и физическому труду. Но это торжество толстовства оказалось менее кротким и прекраснородушным, чем представлялось Толстому. Вряд ли он сам бы порадовался такому своему торжеству. Изобличен безбожный нигилизм толстовства, его страшный яд, разрушающий русскую душу. Для спасения России и русской культуры каленым железом нужно выжечь из русской души толстовскую мораль, низкую и истребляющую. Сам Толстой был бесконечно выше этой морали, но он внес страшную отраву ложной морали, в которой сконцентрировались широко разлитые средние русские чувства, русские моральные иллюзии и русские ошибки морального суждения. Один из величайших русских гениев оказался погромщиком из морального рвения. Он усилил у русских людей всеистребляющую эгалитарную страсть.

Наступил конец всем основным линиям интеллигентской мысли и настроенности, как линии, идущей от Киреевского, так и линии, идущей от Герцена. Славянофильство, народничество, толстовство, русское религиозное самомнение и русское революционное самомнение – кончены, трагически изжиты. Дальше нет движения на этих путях, дальше разверзается бездна небытия. Русские иллюзии кончились безобразной оргией. Но гипноз скоро пройдет. После очищения от грехов, от старой лжи нужно начать новую жизнь на новых путях. Исстрадавшиеся русские люди должны будут обратиться к долговому труду цивилизации. В душах их рождаются иные мысли, иное, лучшее сознание. Душа русского народа закалится в более суровой морали. Россия имеет свою миссию, отличную от миссии Германии, Франции или Англии. Но выполнение этой миссии лежит через культуру, через долг послушания бремени цивилизации. Мы приняли свою отсталость за свое преимущество, за знак нашего высшего призвания и нашего величия. Но тот страшный факт, что личность человеческая тонет у нас в первобытном коллективизме, не есть ни наше преимущество, ни знак нашего величия. Совершенно безразлично, будет ли этот всепоглощающий коллективизм «черносотенным» или «большевистским». Русская земля живет под властью языческой хлыстовской стихии. В стихии этой тонет всякое лицо, она несовместима с личным достоинством и личной ответственностью. Эта бесовская стихия одинаково может из недр своих выдвинуть не лица, а личины Распутина и Ленина. Русская «большевистская революция» есть грозное всемирно-реакционное явление, столь же реакционное по своему духу, как «распутинство», как черносотенное хлыстовство. Русский народ, как и всякий народ, должен пройти через религиозную и культурную дисциплину личности. Для этого необходимо отказаться от русских иллюзий. Гибель этих иллюзий не есть еще гибель мира. Нам не дано знать времен и сроков конца мира. И не есть ли эсхатологическое и апокалиптическое истолкование религиозными народниками всех русских несчастий и русских грехов – одна из русских иллюзий и соблазнов, порожденных русским самомнением?

«Русская мысль», январь-февраль 1918 г.

Глава III. Революция и национальное сознание

Интернационал и единство человечества

I

Давно уже разложившаяся идея интернационала, давно потерявшая всякую силу в жизни, вновь в несколько дней извлечена на свет Божий, вновь владеет сердцами и господствует в массах. Вряд ли длительным может быть это господство, но очень интересно понять, как и почему столь выветрившаяся идея могла стать действенной. Идеология социалистического интернационализма была на скорую руку приспособлена к инстинктам и настроениям сегодняшнего дня. И как это часто бывает, за лозунгом интернационала может скрываться совсем не то, что он реально должен означать. Социалистическое движение на Западе давно уже вошло в национальное русло, и никакого социализма, кроме социализма национального, французского, немецкого или английского, не существует. Идея интернационала родилась в революционной атмосфере

зеленых социалистических надежд, первых детских грез социализма, и соответствовала она детски-незрелому состоянию рабочего движения. Это была утопия, не соответствующая духовному возрасту человечества, но утопия эта вечно способна возрождаться в известной стихийной революционной атмосфере. В человеческой душе есть место для самой разгоряченной социальной мечтательности, и самые безумные мечты вспыхивают в состоянии духовной и социальной незрелости. По мере того как рабочие начинают чувствовать себя гражданами своего отечества и своего государства и рабочее движение делается более зрелым, социализм становится национальным, реформаторским и эволюционным, реализм побеждает в нем утопизм. В. Зомбарт верно назвал революционный социализм доисторическим фазисом социального движения. И нужно сказать, что немецкая социал-демократия сделалась наиболее национальной и эволюционно-реформаторской. Именно она наиболее изменила идею интернационала, и, когда грянула война, немецкие социал-демократы переродились в социал-империалистов. Это – не упрек, а констатирование непреложного факта. И необходимо считаться с этим фактом – мечтательное отрицание его может нам слишком дорого стоить. Давно уже идея интернационала омертвела и продолжала влачить жалкое существование в идеологии социал-демократии лишь за неимением в ее распоряжении каких-либо других конечных идей. Ревизионизм бернштейновского типа фактически победил, победил даже у таких людей, как Г. В. Плеханов, хотя он и не хочет этого признать. Идея интернационала, международного социалистического царства продолжает исполнять роль великой идеи, конечной идеи у тех, которые не вступили на путь духовного углубления и возрождения, которые не порвали с ограниченным позитивизмом. Утопическая мечта о социалистическом царстве Божьем на земле противоположна тому здоровому пессимизму религиозного сознания, для которого торжество высшей и окончательной правды всегда переносится в мир иной.

Русская социал-демократия хотя и сложилась теоретически под влиянием германской и находится у нее в рабстве, но носит на себе специфически русские, совершенно восточные черты. В ней очень сильны элементы восточно-русского утопического народничества и анархического бунтарства. И это особенно ярко отразилось у так называемых «большевиков», которые никак не могут быть названы марксистами и которые в сущности типичные восточники. Русский большевизм и максимализм есть порождение азиатской души, отвращающейся от западных путей культурного развития и культурного творчества. Основная марксистская истина, которую провозглашали первые русские марксисты в своих боях с народниками, та истина, что России предстоит еще пройти через эпоху капиталистического промышленного развития, что буржуазии предстоит еще у нас политически и экономически прогрессивная роль, что не может быть скачка в социалистическое царство из во всех отношениях отсталого старого русского царства, была основательно забыта социал-демократами еще в 1905 году. Ныне же в русской социал-демократии возрождается старый народнический утопизм, буржуазия объявляется классом контрреволюционным, торжество социальной революции считается возможным в стране, прошедшей лишь первые стадии промышленного развития и культурно отсталой, еще не прошедшей элементарной школы свободной гражданственности. Русский революционный социализм легко переходит в извращенный русский мессианизм, основанный на смешении разных планов и разных миров. В русской революционной стихии вечно рождается разгоряченная мечта о царстве Божьем на земле, царстве всечеловеческом, которое раскроется всему миру из пожара, загоревшегося в России. В этом чувствуется исконная хлыстовская русская стихия, и в ней тонет сознание личности. У Бакунина была идея русского революционного мессианизма, революционного света с Востока. Она по-своему конкурировала с консервативным мессианизмом славянофилов. Основана эта идея на преклонении перед народом и народной стихийностью, и переходит она в идолопоклонство перед количественной массой. Эта старая идея вновь вспыхивает в стихии русской революции.

II

«Большевизм» г. Ленина есть крайнее выражение этой идеи, зародившейся в стихийном опьянении. В Григории Распутине нашла себе выражение черная хлыстовская стихия. В г. Ленине и кружащихся вокруг него ярко выражена красная хлыстовская стихия. Крайности сходятся в одинаковой вражде к началам личности и культуры. В ленинском большевизме идея братства человечества и царства правды на земле, которая пойдет в мир от русской революции, утверждается в исступленной ненависти и раздоре, в обречении на гибель большей части человечества, именуемой «буржуазией». Человечеством признается лишь пролетариат. В «мессианизме» большевиков и максималистов соединяется русская мечтательность и жертвенность с кровавой исступленностью, овечий дух – с разъяренной злобой и ненавистью, чувство братства – с жадной разъединения и раздора. Так образуется стихия, в которой зло принимает обличье добра, а добро – обличье зла, в которой все двоится, в которой личность человеческая тонет. За самыми прекрасными и добрыми лозунгами могут скрываться самые злые страсти. Утверждение крайней правды может быть одержимостью.

Что такое идея интернационала, столь сейчас пленяющая и завораживающая? Идея интернационала есть болезненное классовое извращение и искажение великой идеи единства человечества и братства народов. Интернационал не может быть братством народов, он может быть лишь упразднением народов, утверждением бескачественной трудовой человеческой массы, в которой утопает все индивидуальное и конкретное. Братство народов во всяком случае предполагает существование народов, оно может быть лишь братством национальных индивидуальностей. Это так же верно, как и то, что братство людей предполагает существование человеческих индивидуальностей и их любовное обращение друг к другу. Нации – конкретные реальности, некие существа, которые должны быть и должны утверждаться для того, чтобы они могли братски соединяться или приносить жертвы. Если не укреплено национальное бытие, если нет национального лица, то не может быть и речи ни о братстве народов, ни о народных жертвах и самоотречениях. Россия прежде всего должна быть, должна иметь свой лик и быть могущественной. Тогда только можно говорить об ее отношениях к другим народам и к человечеству.

Между национальным единством и единством человечества не может быть никакого принципиального противоположения. Бессмысленно ставить дилемму: нация или человечество, национальное или общечеловеческое сознание. Дилемма эта порождена рационалистическим гуманизмом, который не признает ступеней иерархии конкретных индивидуальностей.

Единство человечества как некая высшая иерархическая ступень осуществляется через единства национальные, через укрепление и развитие национальных индивидуальностей. Начала всечеловеческие раскрываются в национальном бытии, через движение вглубь и ввысь. Национальность должна быть вознесена до всечеловеческого значения. Всякая культура на вершинах своих и национальна, и всечеловечна. Гёте и Достоевский в такой же мере всечеловечны, как и национальны. Это – элементарная аксиома. Всечеловечность ни в каком смысле не есть утрата и упразднение национальности. Одна иерархическая ступень входит в другую иерархическую ступень. Интернационализм же хочет достигнуть единства человечества, всечеловечности через срыв в сторону, через движение вбок, в какую-то пустоту, упразднив целую вечную иерархическую ступень бытия. Вот почему идею пролетариата следует рассматривать как ограбление человечества, отнятие у него качеств и ценности национального бытия, национальных индивидуальностей. Это есть путь в пустую бескачественную отвлеченность. Никакая высшая ступень единства не может отрицать предшествующих ступеней – в ней должны достигать высшего развития и осуществляться все градации индивидуальностей. Во всечеловечество входят целиком все нации, как и все человеческие индивидуальности. Это подобно тому, как в Боге не погибает и не

упраздняется весь космос со всеми своими ступенями, а лишь получает свое полное реальное осуществление. К всечеловечеству, к братству народов нет других путей, как через национальности, через малые национальные единства и большие империалистические единства, это – единственный конкретно-реальный путь. Национальные индивидуальности, образующиеся и изживающие свою судьбу в кровавой трагедии истории, должны быть донесены не только до всечеловечества, но и до божественного всеединства. Основы и задачи как малых национальных тел, так и больших империалистических тел – космические. Интернационализм же и антиисторичен, и антикосмичен.

III

Россия есть некая конкретная реальность в мире, некое индивидуальное существо, имеющее свою судьбу, свой удел, свою задачу. Об этой элементарной истине нужно ныне громко кричать. Россия может послужить всечеловечеству лишь через утверждение своего единства и своей особенности, а не через свое раздробление и обезличивание. И если бы Россия перестала быть Россией, а русские перестали быть русскими, то Россия и русские были бы потеряны для всечеловечества, не сказали бы своего всечеловеческого слова, не сделали бы никакого великого дела в истории. Русский человек лишь через Россию может запечатлеть в мире свой всечеловеческий дух. Без России русские люди превратились бы в бескачественную массу, которая ничем не может обогатить мировую жизнь. Только единая, великая, сильная Россия может сказать миру свою идею, только такая Россия может быть даящей и жертвенной, источающей свой свет. И если Россия начнет свободное существование с самоупражнения, с раздробления, с утраты своего образа среди народов мира, то источник возможного света от нее погаснет, и русские люди превратятся в рассыпающуюся бесцветную массу. Ослабление и падение русского государства будет также ослаблением и падением русской духовной культуры. Русский народ мог бы вступить в период исторического упадка и оказался бы вытесненным на второй план. Никто не ждет уже великих слов и великих дел от испанцев, все их величие в прошлом. Никто не ждет уже ничего от персов. Национальное и государственное падение влечет за собою также и падение творческой личности. Для многих русских людей, для русских интеллигентов и русских рабочих не велика жертва отречься от отечества, отдать Россию; они с легкостью готовы это сделать, интернациональная настроенность является для них естественным состоянием и движением в направлении наименьшего сопротивления. Но всякая жертва ценна лишь тогда, когда она является движением в направлении наибольшего сопротивления. Источником жертвенности бывает лишь сила. Для немцев, французов, англичан преодоление национализма происходит в атмосфере силы, оно трудно и потому жертвенно. Русское же отсутствие патриотизма и русская интернационалистическая настроенность может быть лишь слабостью. Либкнехт и Ленин психологически противоположны. Нужно сначала быть и быть в силе, тогда лишь возможно самоотречение и жертва. Это верно и относительно целого народа и относительно отдельного человека. В России прежде всего необходим закал личного характера и закал народного характера.

Идея интернационала, идея отвлеченно-пустая, расслабляет русскую душу и подрывает силу России. В русском народе есть великие духовные качества, неведомые западным народам, есть подлинная всечеловечность. Но нужно прямо сказать, что легкость, с которой принимается у нас интернационализм и отвергается национальность, есть проявление слабости характера. В слабоволии, в отсутствии сурового закала личного характера скрыты величайшие опасности для России. У русских есть добродетели, которые опаснее пороков, есть какой-то расслабляющий морализм, есть что-то овечьё. Слабость характера и овечьи добродетели – благоприятная почва для всякой демагогии. Нам не хватает более суровых добродетелей. Это связано у нас с недостаточной выраженностью личного человеческого начала, с погруженностью в коллектив. Всегда приходится вспоминать, что в России не было рыцарского начала. И это факт роковой для

нашего морального и общественного развития. Мы слишком легко переходим от старого коллективизма, от старой стихийности к новому коллективизму, к новой стихийности. И минуем дисциплину личности, культуру личности, развитие личности. Но новый свободный коллектив может выковаться лишь через выковывание личности. Идея личности XX века не может быть абстрактной, как в XVIII веке, она может быть лишь конкретной. И нужно признать, что конкретная личность выковывается лишь через национальную дисциплину и в нации. Личность, нация, человечество – реальности. Интернационал же есть отвлеченная и пустая фантазия. Столь же пустой фантазией является и международный пролетариат.

Даже пролетариат внутри каждой страны есть некая абстракция; конкретно существуют лишь разнохарактерные группы рабочих, отличные по своим интересам и по своей психологии. Идея пролетариата есть лжерелигиозная фикция класса-богоносца. В известные мгновения могут быть одержимые этой фиктивной идеей; но в ней нет ничего подлинно реального. Политика реальная, в эмпирическом и метафизическом смысле этого слова, может быть основана лишь на идеях личности и нации, с которыми должны быть согласованы и которым должны быть подчинены все групповые и классовые интересы. Нация есть некая идея, идущая вдаль, класс же есть интерес, по существу непревратимый в идею. Но идея интернационала и есть попытка превратить класс в универсальную идею, всепоглощающую и всепожирающую. Это противоестественная, лжерелигиозная и антирелигиозная попытка разлагает всю иерархию реальностей, реальность и нации, и человечества, и личности. Все тонет в стихийном опьянении идеей интернационального пролетариата, реальное и призрачное перемешивается. И ныне перед ответственным сознанием и мыслью стоит задача отделить реальности от призраков и фикций. Нельзя допустить смешения чистого экстаза и горения духа с одержимостью и стихийно-пьяным разгулом. Наряду с политическим и социальным строительством должны все время идти у нас духовная и культурная работа и творчество. Мы должны духовно бороться за личность, за нацию, за человечество с разлагающими, стихийно-хаотическими веяниями. И это будет истинным освобождением от рабства.

«Русская свобода», 22 апреля 1917 г.

Народническое и национальное сознание

I

Очень своевременно теперь вдуматься в то исконное русское направление и настроение, которое носит наименование «народничества». В нынешний час русской истории происходит острое столкновение сознания «народнического» с сознанием «национальным» и явно преобладает первый тип сознания. В народничестве есть что-то очень русское, очень национальное даже в самом своем отрицании национальности, и оно принимало самые разнообразные формы, от самых религиозных и мистических до самых материалистических, от самых правых до самых левых. Крайности у нас всегда сходятся, наша черная и красная стихия – одна и та же стихия. Преобладание эмоциональной стороны человеческой природы, жизни чувства над стороной волевой и мыслящей, отрицание закона и нормы – одинаково характерно и для нашего правого, и для нашего левого народничества. Народниками были славянофилы и социалисты-революционеры, толстовцы и интеллигенты-революционеры, которые в 70-х годах шли в народ, народником был Достоевский и народником был Михайловский. И русские социал-демократы, которые начали свое существование с борьбы против народничества, в сущности психологически и морально остались народниками и сейчас, во время революции, находятся во власти всех народнических иллюзий. «Большевизм» есть, конечно, революционное, анархически-бунтарское народничество. Народничество всегда имело особенное обаяние для души русского интеллигента, и от него не могли освободиться даже величайшие русские гении, как Толстой и Достоевский. Редкое исключение представлял Вл. Соловьев, который не был народником. В русской общественной мысли за последние десятилетия наиболее решительным противником

народничества был всегда П. Б. Струве, и, быть может, в этом нужно искать причины враждебного к нему отношения в некоторых интеллигентских кругах. Многие считают народничество тем оригинальным словом, которое Россия скажет миру. Для одних это слово – славянофильское, для других – толстовское, для третьих – революционно-социалистическое в особенном, русском смысле, для четвертых в русском, идеалистическом смысле анархическое слово. В русском народничестве всегда чувствовалась стихия Востока, глубоко противоположная западной идее культуры, западным нормам общественности. Русские революционеры, русские социалисты и анархисты, как бы фанатически они ни исповедовали западные учения, всегда были по природе своей восточниками, а не западниками. Русское народничество – анархично и женственно, в нем нет мужественного владения стихией, как начала оформляющего.

Причин возникновения русского народничества и его долгого господства в интеллигентском сознании обычно ищут в глубоком и длительном разрыве между высшим культурным слоем и низинами народной жизни. В наиболее совестливой части культурного слоя проснулось желание послужить слою народному и получить от него правду непосредственности, цельности, жизни, согласной с ритмом природы. Это преломилось в своеобразном моральном складе русской души, в ее сострадательности, в ее боли о всеобщем спасении. В русской природе есть вечная склонность к покаянию, работа совести всегда преобладает в ней над работой чести, над чувством достоинства, по преимуществу западным, рыцарским по своему происхождению. Внешне, исторически русское народническое сознание определилось прежде всего тем, что Россия – страна мужицкая, крестьянская, что она слишком долго была страной натурального хозяйства, что в ней все еще оставалась в силе первоначальная, патриархальная демократия, с которой началось развитие народа, что в ней все еще была первобытная скрепленность духа с органической материей. Демократизм в России слишком часто может быть отнесен на счет остатков старого, а не нарождения нового. Личное начало никогда не было у нас сильно выражено, личность чувствовала себя пребывающей в первоначальном коллективизме. Классы были мало развиты в России и мало активны, у них не образовалось настоящих культурных традиций. Россия представляла собой темное мужицкое царство с самодержавным царем во главе. Сама идеология самодержавия была у нас народнической. Сильна у нас была вера в то, что Россия навеки должна остаться естественным, органическим мужицким царством, которое раскроет из себя высшую правду. Культурный же слой был у нас очень тонок, чувствовал себя потеряннным в таинственной необъятности мужицкого царства и из чувства самосохранения искал опоры в этом царстве, идеализировал народную стихийность, пытался подслушать ее понимание правды. Народнические чувства и народническое сознание угашали творческие порывы, нравственно отравляли сами источники творчества духовной культуры, так как в творчестве видели уклонение от исполнения долга перед народом или измену народной правде.

II

Народничество нашего интеллигентского, культурного слоя определялось не только русской сострадательностью к униженным и оскорбленным, не только совестливостью, но и недостатком духовного мужества и духовной свободы, слабым развитием личного достоинства и самостоятельности, потребностью найти опору вовне, сложить с себя ответственность, на других переложить активность духа в отыскании и определении правды. Народничество всегда было в России какой-то лжеаскетичностью, лжецерковностью. Сама христианская церковь, по природе своей вселенская, получила в России резко народнический отпечаток. Церковь определилась как русская мужицкая церковь по преимуществу, в ней женственная народная стихия возобладала над мужественным Логосом. Она попала под власть государства, потому что внутри самой народной церкви русские анархические начала были сильнее начал организующих, начал истинного самоуправления. Высшая духовная иерархия деспотически правила церковью,

как чиновничество, поставленная государственной властью бюрократия, но никогда не была самоуправлением церкви, никогда не играла руководящей духовной роли. Русское народничество, если взять его глубже, было обратной стороной порабощенности народа, отсутствия самоуправления в народной жизни, вечной зависимости от чуждой власти. Порабощенность духа сказалась в народническом сознании. Для этого сознания источником правды и истины является не Логос, не разум и совесть, не Божественное внутри человека и внутри церкви, а эмпирический народ, понимаемый как простонародье, как трудящийся физически, близкий к земле и природе. Не в качестве нужно искать источников правды, а в количестве, в народном большинстве. Одни религиозно, другие материалистически искали правды в народной мудрости, в серой массе уповали открыть истину. Потребность погружения в стихийный коллектив – характерно русская потребность. По слабости сознания, она переживается как потребность религиозной соборности. Народничество переходило у нас в народопоклонство, в поклонение эмпирической данности. Народ брался у нас как эмпирическая данность, т. е. как количество, а не как качество. Этим грешили не только народники-материалисты, но и народники-мистики. У народников второго типа был соблазн увидеть в народе, как данности, истинную церковь. На этом пути церковь теряла в своей универсальной качественности и подпала под власть количественной эмпирической данности.

Именно с церковной, религиозной точки зрения народничество должно быть признано наибольшей ложью и подменой: оно посягает на универсальную качественность церкви, подменяет ее ограниченной, эмпирической народной данностью. В этом опасность крайней национализации церкви, переходящей в отождествление ее с народом. Но необходимо окончательно и бесповоротно установить, что народный коллективизм не есть церковная соборность и отличается от нее, как земля от неба. Религиозное народничество возвращает нас от христианства к язычеству, к языческой стихийности и языческому натурализму. И нельзя не видеть большой правды католичества в том, в чем оно радикально противоположно такого рода народничеству и несовместимо с ним. Народничество противоположно духовной свободе, раскрывшейся в христианстве, и высшему самосознанию личности. Самосознание личности совместимо с универсальной качественностью церкви, но несовместимо с обоготворением ограниченной количественности эмпирического народа. В восточном православии всегда была большая незащищенность от притязаний религиозного народничества. Восточное православие не могло устоять от опасности поглощения его народной стихией, как не могло устоять и от опасности поглощения его государственностью. И этот роковой факт нашей церковной истории может быть объяснен лишь тем, что восточное православие не было вселенской церковью, что в нем был некоторый уклон от вселенского христианства в сторону партикуляризма и провинциализма. Народничество всегда есть провинциализм, оно глубоко противоположно универсализму.

III

Истина для народнического сознания всегда в чувствах, никогда не в разуме. Культура лишь закрывает истину, таящуюся в народе. Культура основана на неправде и зле неравенства и порабощения народа. Тот качественный слой, который творит духовную культуру, всегда виновен перед народом. Духовный труд для народнического сознания не равноценен труду физическому, он оказывается ниже, в нем нужно каяться. Истина всегда – в простом, а не в сложном. Истина – в цельном, и потеря цельности, характерная для культурного слоя, всегда есть ложь. Мужик знает больше, чем философ. Для одних в простом народе есть правда, связанная с природной, органической, целостной мистикой; для других – правда, связанная с материальными условиями его жизни, с тем, что он не пользуется чужим физическим трудом. Народничество отрицает разделение труда, оно хочет перенести разделение труда внутрь каждой человеческой личности и совершенно уничтожить его в обществе, сделать все личности равными и сходными, общество же однородным и простым, лишенным всяких дифференциаций, серым. В этом отношении

особенно характерными народниками являются Л. Толстой и Н. Михайловский, которые, несмотря на их кажущийся индивидуализм, должны быть признаны врагами всякого индивидуального возвышения. Для народничества проблема распределения всегда заслоняет собой проблему производства как в области духовной, так и в области материальной. Высший, творческий культурный слой, созидаящий духовные ценности, для народнического сознания всегда отщепенский, утерявший источники правды в себе. У простого трудящегося народа есть много страданий, на облегчение которых нужно направить все свои силы, и есть правда, которой нужно у него учиться. От истории и исторических задач народничество всегда отворачивается.

Для народнического сознания народ не есть великое целое, в которое входят все классы, все группы, все человеческие личности, не есть соборная личность, существо, живущее тысячелетие своей самобытной жизнью, в котором прошлое и будущее органически связаны и которое не подлежит никаким социологическим определениям; для этого сознания народ есть часть, социальный класс физически трудящихся, крестьяне и рабочие, более всего и прежде всего крестьяне, все же остальные выпадают из народа, отщепенцы народной жизни. От этого социально-классового понимания народа не свободны и те народники, которые стоят на религиозной почве. Религиозное народничество славянофилов всегда под словом народ понимало простонародье, верное старым русским устоям и заветам, и очень связывало себя с материальными условиями жизни, с крестьянской общиной, с натуральным хозяйством, с патриархальной демократией. И это есть материализм, прикованность духа к органической материи, это есть натурализм, обращенный назад, к остаткам первобытной жизни. Но в славянофильстве было заложено и другое понимание народа, свободное от социально-классовых определений, от скованности материальными условиями жизни. Русский народ есть прежде всего некое метафизическое единство, некий мистический организм, субъект тысячелетней русской истории, неопределимый никакой социально-классовой структурой, не связанный в своей глубине с материальными условиями. И самое совершенное свое выражение русский народ как мистическое целое находит в русском гении, в Пушкине, Достоевском или Толстом, которые принадлежали к культурному слою, а не к простонародью. Так было у всех народов. Народность не зависит от принадлежности к классу, от материальных условий жизни, народность есть чисто духовная категория. Каждый русский человек должен сказать себе: я сам народ, моя собственная глубина и есть глубина народной жизни, народность раскрывается внутри, а не вовне, я чувствую себя народом и народным, когда я не на поверхности, а в глубине, где совлекаются все сословные и классовые социальные оболочки, и из этой глубины звучит голос народа. И те, которые находятся в самой большой глубине и преодолевают поверхностные оболочки, те и являются истинными выразителями народа, народной души. Между мужиком и баринном, простым работником и человеком высшей культуры на этой глубине исчезает всякая противоположность, они общаются в духе, в духе народном. Я знаю это по собственному опыту общения с сектантами. Народническое сознание лишь увеличивает пропасть между «народом» и «интеллигенцией», «народом» и «культурой», ему не открывается духовная глубина народной жизни, в которой исчезают все различия, связанные с социальными оболочками.

IV

Народническое понимание народа давно уже подверглось социологическому разложению. Народа в социологическом смысле просто не существует, он распадается на классы, подклассы, группы с разнообразными интересами, с разнообразной психикой. И крестьянство не представляет в чисто социальном отношении единства, оно уже значительно дифференцировано. Марксизм нанес непоправимые удары старому народническому сознанию с его верой в органическую цельность народа, с его цеплянием за остатки первоначальной, патриархальной демократии в России. Народ материалистически не может быть воспринят. Подлинно существует лишь народ в

метафизическом смысле слова, и только этот народ глубже всех социальных оболочек. Народ есть мистический организм, который был уже тысячу лет тому назад, и пребудет в вечности. В современном французском народе с его буржуазной культурой мы узнаем черты средневекового французского народа с его старинной доблестью, так ярко вспыхнувшей во время войны, с его старой рыцарской культурой. И в современном русском народе мы узнаем черты народа смутной эпохи и даже удельного периода, – народа, в котором доброта и смирение перемешаны со склонностями к анархии и раздорам. Существует единый в своей неповторимости индивидуальный народный лик, который может быть искажен, но не может быть уничтожен. Этот народ, не поддающийся никакому социологическому определению и разложению, есть нация, и опознается он в национальном, а не народническом сознании. Выразительницей и носительницей национального сознания должна быть высшая интеллигенция страны, духовная аристократия, состоящая из личностей более высокого качественного уровня. Национальное сознание есть сознание качественное, а не количественное. Народническое же сознание было в конце концов преклонением перед количеством, перед простой массой; оно покоится на вере в имманентную правду массового коллектива, правду бессознательной простоты. Народничество есть отказ от всяких сложных мировых задач, выходящих за пределы видимого горизонта, оно стремится к облегчению через упрощение. Высшее национальное сознание должно хранить сотворенные ценности и творить новые ценности народа как великого исторического целого; оно связывает далекое прошлое с далеким будущим. Ценность великого русского государства, завоеванная русским народом в долгой и мучительной истории, понятна лишь для национального сознания и непонятна для сознания народнического, которое всегда имело анархический уклон. Народническое сознание считает вполне возможным отвергнуть смысл всей русской истории и вернуться к ее истокам, чтобы проделать всю историю сызнова, без неправды государства и неправды культуры. На дне народнического сознания всегда лежит чувство, отвергающее государство и культуру, как купленные слишком дорогой ценой. Но если верить в бессознательную правду народа, то неизбежно признать, что народ в своей подсознательной стихии согласился купить дорогой ценой государство и культуру и не остановился перед тысячелетними жертвами.

Лишь крайний рационализм может признать в этом насилие над народом, эксплуатацию народа. Национальное сознание постигает место России в мире и ее великое призвание, для него существует прежде всего целое, а не части, для него не безразлично величие и сила России. Народническое сознание – прежде всего провинциальное и частное и в этих чертах своих сознание мещанское.

Старый, реакционный русский национализм кончился. Необходимо новое, творческое национальное сознание, которое освободило бы от отравляющих воспоминаний и ассоциаций прошлого. Перед национальным сознанием стоит прежде всего великое творческое задание, долженствование, а не данность, которой мы довольны и перед которой идолопоклонствуем. Национальное сознание должно быть свободно от всякого шовинизма, от всякого самохвальства и самодовольства. Народничество в более глубоком смысле не менее реакционно, чем старый национализм; оно приковано к прошлому, оно мешает раскрепощению духа. Сейчас это старое, но по-новому переживаемое народничество раздирает единство русской революции, истребляет самую идею единой нации и мешает переходу к творчеству новой жизни. Народничество дает санкцию той вражде к культуре, к образованным, к людям духа, которая в нынешний день может превратиться в великое национальное бедствие, не меньшее, чем голод, мор и нашествие иноплеменников. Оно враждебно всякой производительности и жаждет раздела. Новое творческое национальное сознание родится у нас в муках и испытаниях, через раздор и разделение. Лишь меньшинство сознает сейчас единство России, единство русского народа, лишь меньшинство обращено к ценностям великого целого.

Но меньшинство может быть правее большинства и может духовно победить. Лишь духовное, религиозное перерождение русской демократии приведет ее к сознанию великих, сверхклассовых, всенародных ценностей, обратит ее от интересов к правде и истине.

«Русская мысль», с. 90-97, июль-август 1917 г.

Германские влияния и славянство

I

Борьба партий и классов, политические и социальные страсти многих заставляют забывать, что русская революция протекает в атмосфере страшной войны и что все партийные группировки с их громкими лозунгами создаются под давлением войны. Партии с их программами и тактиками не могут сейчас предстать в чистом виде, все они не таковы, какими были бы в мирное время, в спокойных условиях политической деятельности и социального реформирования общества. В нынешний трагический момент русской истории все партии определяются прежде всего своим отношением к войне и к международной политике. Реально в России сейчас существуют только две партии – партия патриотов, желающих спасти родину, не потерявших здорового национального и государственного чувства, сознающих ответственность за все будущее России, и непатриотов, отрицающих самостоятельную ценность национальности, равнодушных к родине, к ее чести и достоинству, предающих ее или из фанатической приверженности отвлеченным утопиям и ложным интернационалистическим идеям, или из низкой корысти и продажности. Деление на партии «буржуазные» и «социалистические» сейчас имеет лишь словесное значение, это – условная фразеология. Плехановская социалистическая группа «единства» признана «буржуазной» исключительно за ее патриотическую деятельность. А элементы черносотенные, скрывающиеся под маской большевизма, готовы признать «социалистическими» за их антипатриотическую деятельность. Дело тут совсем не в социализме, взятом по существу. Серьезный разговор о социализме исторически несвоевременен и неуместен. Не до социализма теперь русскому народу и русскому государству, не до жиру, быть бы живу. Можно признавать некую правду социализма, но в данный исторический час я буду за всякую партию и за всякий класс, которые будут настроены патриотически и национально, будут спасать родину от гибели. Только такие партии и такие классы могут быть признаны истинно прогрессивными. Антипатриотический, антинациональный, антигосударственный социализм глубоко реакционен, для него не будет места в будущей свободной России. Русский революционный социализм у нас нравственно провалился и опозорился, потому что он оказался не патриотическим, не национальным и не государственным в момент величайшей опасности для родины, и на него легла зловещая тень германского влияния. Русский интернационализм есть изнанка германского империализма. Это – объективно так, независимо от субъективного сознания отдельных интернационалистов, которые могут быть искренно увлечены этой идеей. Патриотическая деятельность Керенского за последнее время не характерна для нашего революционного социализма. Много характернее г. Чернов или меньшевик-интернационалист Мартов, не говоря уже о большевиках. Все время следует помнить, что партии у нас в значительной степени представляют фикции, партийные ярлыки – условные знаки. За этими знаками скрывается реальная борьба, совсем не то означающая, что выражено в словах.

Интернационализм на русской почве есть германизм, русский пацифизм есть германское расслабление русской национальной воли. К чему привели интернационалистические и пацифистские идеи на русской почве? Они поколебали единство русского государства, убили в народе нашем чувство национального сцепления, деморализовали и распылили русскую армию, подорвали всякое доверие к нам союзников, довели Россию до унижения и позора. Плоды интернационализма горьки для России, но очень сладки для Германии. Германские влияния не следует непременно понимать как подкуп, шпионаж и предательство русских. Немало у нас оказалось

предателей, продававших свое отечество и провозглашавших германские лозунги, были они и при старом строе, и при новом. Но не это существенно. Самое важное то, что слишком многие русские находятся под духовным влиянием германизма, внутренне отравлены его ядом, одержимы бесами, выпущенными германцами против России, потеряли свое национальное обличье. Русский народ не только материально ослаблен в своей борьбе с Германией, но он прежде всего духовно ослаблен, он не сознает своей идеи в мировой борьбе, не собрал своих духовных сил для несения тех жертв и испытаний, которыми эта борьба сопровождается. В страшную минуту, решающую судьбу народа, когда соединилась война с революцией, у русского народа нет своего слова, он говорит на чужом языке, произносит чужие слова – «интернационализм», «социализм» и т. д., искажая европейский смысл этих слов, выговаривая их на ломаном языке. У русского народа могло бы быть и должно было бы быть свое слово в тот исторический час, когда разыгралась страшная борьба мира славянского и мира германского. Но пассивность и женственность русского народа, его подверженность чужим влияниям мешает ему сознать свою идею и выговорить свое слово. Германии необходимо было, чтобы в час борьбы страсть классовая победила в русском народе страсть национальную, а эти две страсти – основные в жизни народов.

II

Германский дух, мужественный и насильнический, поработил русскую душу раньше, чем начал поработать тело России. И действовал он разными путями. Соблазн интернациональной социал-демократии был одним из путей онемечения и порабощения души России, обезличения русской интеллигенции. Но для самой Германии эта интернациональная социал-демократия оставалась национальной и была одним из выражений германской идеи. Всем тем, которым такое утверждение может показаться неоправданным, советую перечесть хотя бы замечательную книгу К. Маркса «Революция и контрреволюция в Германии». Книгу эту мало знают и помнят. Какой сильный и острый ум, какой блестящий публицистический талант! Как мог этот оригинальный и острый ум породить всех этих серых марксистов, которых нельзя отличить друг от друга? Впрочем, породил же Толстой толстовцев! Маркс говорит сильным и властным языком германского империализма, в нем нет и следов гуманитарного интернационализма и пацифизма. Он прекрасно сознает расовое призвание германцев цивилизовать славянский восток, в германизации славян он видит прогрессивный революционный процесс и даже почти классические формулы германского империализма. Германская раса – высшая; славянская раса – низшая. Высшая раса имеет право завоевывать, колонизовать и цивилизовать низшую расу. Самоопределение низших национальностей есть реакционная попытка. Как далек Маркс от декламации его учеников на тему «без аннексий и контрибуций» и «свободное самоопределение народностей». Маркс исходит из того, что «со времени Карла Великого немцы постоянно направляли упорные усилия на завоевание, колонизацию или, по крайней мере, цивилизование европейского востока» («Революция и контрреволюция в Германии», стр. 79). Об освободительных попытках поляков он говорит: «Однако было еще спорно, следует ли целые области, населенные преимущественно немцами, и большие совершенно немецкие города уступить народу, ничем не доказавшему своей способности выйти из феодального состояния» (стр. 80). О чешских освободительных стремлениях он говорит: «Богемия впредь может существовать лишь в качестве составной части Германии, хотя бы часть ее населения продолжала в течение еще нескольких веков говорить не на немецком языке» (стр. 82). Вот как характеризует Маркс стремление к объединению и освобождению славян: «Зародилось в рабочих кабинетах некоторых славянских дилетантов исторической науки то смехотворное антиисторическое движение, которое замышляло не что иное, как подчинение цивилизованного Запада варварскому Востоку; подчинение города деревне; торговли, промышленности, науки – примитивной агрикультуре славянских крепостных. Но за этой смехотворной теорией стояла страшная действительность – стояла Российская

империя, в каждом движении которой проглядывает притязание считать Европу вотчиной славянской расы, и в особенности единственной сильной составной части этой расы – русских; та империя, которая со своими двумя столицами – Петербургом и Москвой – все еще не нашла своего центра тяжести, пока Царьград, в котором каждый русский крестьянин видит истинную настоящую метрополию своей религии и своей нации, не сделался действительной резиденцией русского императора» (стр. 83-84). Как видите, Маркс не связывал русского тяготения к Царьграду с интересами капиталистической буржуазии, голова его не была забита трафаретами с общими местами, он видел тут прежде всего тяготение русского крестьянства с его религиозным и национальным мирозерцанием. У Маркса была серьезная ненависть к славянству и к России, он был туркофил, он был немец до мозга костей в вопросах международной политики. Таков же был и старый Либкнехт, ненавистник России, всегда предпочитавший турок славянам. По поводу войны с Данией из-за Шлезвига и Гольштейна Маркс говорит: «Эти области, несомненно немецкие по национальности, языку и склонностям, необходимы для Германии также и для охранения и развития ее морских сообщений и торговли» (стр. 86). Все это очень выдержано в духе германского империализма. А вот самое характерное место: «Так кончились попытки германских славян завоевать себе самостоятельное национальное существование. Раздробленные остатки многочисленных наций, национальность и политическая жизнеспособность которых давно зачахли и которые поэтому уже в течение тысячи лет вынуждены были следовать за одолевшей их более сильной нацией... Все эти отживающие национальности – богемы, кроаты, далматы и т. д. пытались воспользоваться всеобщей смутой 1848 года для восстановления политического status quo, существовавшего до 800 года после Рождества Христова. История истекшего тысячелетия должна была им показать, что такой шаг назад невозможен; что если вся область к востоку от Эльбы и Заале, некогда заселенная целой семьей родственных между собой славянских народов, сделалась немецкой, то этот факт указывает только историческую тенденцию и вместе с тем физическую и интеллектуальную способность немецкой нации подчинять себе своих старых восточных соседей, поглощать и ассимилировать их; что эта ассимилирующая тенденция немцев всегда служила и еще служит одним из могущественнейших средств распространения западноевропейской цивилизации на восток европейского континента» (курсив мой – Н. Б.) (стр. 116-117). «Могли ли они (панслависты) ожидать, что история шагнет на тысячу лет назад ради нескольких чахлах общин, которые на каждой пяди обитаемой ими земли окружены со всех сторон немцами» (стр. 117).

III

Кто бы подумал, что эти сильные слова написаны отцом социал-демократии, а не германским империалистом, пророком интернационализма, а не германской национальной идеи? Современные немецкие социал-демократы, переродившиеся в социал-империалистов, как их иронически называют, идут за своим учителем – Марксом. Маркс был достаточно умен, талантлив и оригинален, чтобы в лучшие свои минуты понимать значение расы, чтобы сознавать свою связь с мировым империализмом того государства и народа, на культуре которого он вырос и воспитался. Сам Маркс никогда не был таким доктринером, как его ученики и последователи. Хотя и еврей по крови, но он в достаточной степени чувствовал себя немцем и немецкими глазами смотрел на мировые отношения. И это делает ему честь. А мы-то, дураки, думаем, что Маркс был интернационалистом на гуманной подкладке, что он хотел братства народов, заповедал не делать «аннексий» и предоставляет всем народам свободно самоопределяться. Очень наивные люди, все эти русские мальчики, мечтающие о братстве народов, о свободном самоопределении народностей, об интернационализме и черпающие свое идейное обоснование у немецких социал-демократов! Право же, об этих русских глупостях не думает серьезно ни один немец, хотя бы и социал-демократ. Маркс одобрял все «аннексии», совершаемые избранной германской расой, и не допускал свободного

самоопределения народностей из низшей славянской расы. Маркс одобрил бы и «аннексирование» всей России, как расширение германской цивилизации на варварский Восток. Маркс знал, что история есть суровая борьба сил, а не гуманистические сентиментальности. У немца может быть идея интернационализма, но это будет интернационализм после выполнения германской расой своей цивилизаторской миссии, после германизации славянского Востока и подчинения Германии всего Ближнего Востока. Для достижения этой всемирной и общечеловеческой цели немец никогда не позволит себе размякнуть и распуститься от всяких сентиментальностей, от всяких отвлеченных прекраснотушних идей. Это он предоставляет русским. Интернациональная социал-демократия – вполне немецкая по своему духу. Она и является одним из германских влияний, мешающих русскому народу сознать, что в мире происходит великая, всемирно-историческая борьба славянства и германства, двух враждебных сил истории, что славянская раса или выйдет из этой борьбы победительницей, отразит притязания германизма и выполнит свою миссию в истории, или будет унижена и оттеснена. В стихии революции сейчас погасло русское и славянское сознание. И в угашении этого сознания, за которым стоит здоровый расовый инстинкт, немалую роль сыграла пропаганда немецких социал-демократических идей. Социализм может быть национальным, но в России социализм сделался орудием сил, враждебных нашей расе, он отклоняет Россию от исполнения ее славянского призвания.

Русское и славянское чувство и сознание всеми силами должно быть пробуждено. Нам необходима мобилизация национального духа. И напоминание о германском самосознании Маркса очень полезно в этом деле. Германскому сознанию Маркса о мировом цивилизаторском призвании германской расы на Востоке мы должны противопоставить свое русское сознание о миссии славянства, которое еще не сказало своего слова миру. Мы верим, что сильная Россия даст большую свободу миру и всем народам мира, чем сильная Германия, что в духе славянском есть большая всемирность, чем в насильническом германском духе. Как ни велико значение русской революции в русской истории, но мировая борьба народов есть событие еще большее по своему значению, чем революция. Революция вызвана войной, и она может быть осмыслена лишь в связи с войной. У немцев в мировой борьбе своя идея. Есть ли идея у нас? Русские проявили такую слабость, что отдали себя во власть немецкой идеи. Но последнее наше слово еще не сказано.

«Народоправство», № 6, с. 2-4, 9 августа 1917 г.

Патриотизм и политика

I

Мы, русские, слишком привыкли говорить, что родина наша на краю гибели. Мы так долго говорим об этом, и слова наши так мало действенны, и так незначительны их практические последствия, что скоро никто уже не будет верить искренности и серьезности наших слов. Все слова потеряли свой удельный вес и перестали быть действенными. Происходит лишь быстрая смена министров, которые судорожно пытаются образовать сильное национальное правительство, но эта перестановка атомов производит впечатление болезненного бессилия, и ничто существенное от нее не меняется. Это явление, вполне аналогичное «министерской чехарде», происходившей в последний период существования старого режима. Основное направление общественной воли остается тем же. Для выхода же из трагического бессилия необходим внутренний психический сдвиг, необходима иная духовная атмосфера власти, более свободная, более правдолюбивая, воодушевленная не корыстными, классовыми и слишком человеческими идеями, а объективными национальными и государственными идеями, не зависящими от человеческого произвола. Многие признают, что в эту страшную и трагическую минуту русской истории Россию может спасти лишь патриотический подъем, лишь исключительное напряжение национального духа. Но порыва этого у нас нет, есть лишь призывы к нему и слова о нем. Все патриотические и государственные слова

правительства, произнесенные на московском государственном совещании, так и остались словами, не перешли в действие. Вся эта новая для русской революционной интеллигенции терминология означает лишь, что государственные младенцы наши проходят первоначальную школу и учатся по складам произносить слова: отечество, нация, государство. Естественнее, казалось бы, чтобы власть в эту трудную минуту принадлежала тем, которые давно уже научились этим словам и чья психология более подходит для спасения государства и для его устройства.

И в это исключительное время хотят спасти Россию политическими комбинациями, ничего существенного не меняя, ни от чего не отказываясь, ничем не жертвуя и не рискуя. За эти несколько месяцев уже успела образоваться такая инерция революционной власти, какая в старой власти образовывалась на протяжении столетий. Психология правительства революционной демократии слишком во многом напоминает психологию правительства Николая II. Уступки делаются исключительно под влиянием страха и опасности, а не по внутреннему сознанию национального долга. Наша революционная политика заражена ложью, она быстро гниет и вырождается. Ложь была допущена в самой первооснове власти революционной демократии – никакая высшая, объективная и для всего народа обязательная правда не была положена в этой основе. Все оправдывалось интересами социальных классов, отдельных групп и отдельных личностей. Но всякая власть, которая будет направляться исключительно интересами, неизбежно должна разлагаться. В основе сильной национальной власти всегда лежит что-то, стоящее выше всех интересов. Власть по природе своей не может быть ни буржуазной, ни пролетарской, ею руководят не интересы классов, не интересы людей, а интересы государства и нации как великого целого. Нет ничего легче, как сбиться в политике на путь лжи. Средства политической борьбы незаметно подменяют цели жизни. И в разъярении политических страстей трудно сохранить душу живую. Душа эта убивается господством интересов и корыстной борьбой за власть. Те, которые дорожат душевным здоровьем народа, должны признать, что в патриотизме есть что-то более первичное и более связанное с духовными основами жизни, чем в политике. В чувстве национальном есть что-то более интимное и более глубокое, чем в государственном сознании. И мотивы политические естественно должны были бы быть подчинены мотивам патриотическим. Тот, кто борется за родину, борется не за свои интересы и не за чужие интересы, а за ценность, стоящую выше всякого блага людского. Всякая великая борьба может быть оправдана лишь как борьба за свою правду и за Бога. И политика, в которой не будет этого духовного ядра, всегда будет ложной и разлагающей. Теперь более чем когда-либо можно сказать, что не время для политики, оторванной от духовных основ жизни и предоставленной самой себе и своим зыбким и двусмысленным стихиям. Дело идет о судьбе великого народа, и не только о внешней, политической и социальной его судьбе, но и о судьбе внутренней, о душе народа, которая может быть загублена во имя призрачных благ.

II

Большое значение московского частного совещания общественных деятелей, собравшихся 8-10 августа, нужно видеть в том, что оно было собрано исключительно по патриотическому порыву и преследовало цели национального единения. Это не было достаточно оценено нашей печатью, не только «социалистической», которая мертва к национальным мотивам, но и «буржуазной». Московское частное совещание не представляло собой никакой политической комбинации, оно не было классовым объединением, оно стремилось создать национальный блок, в который могут войти представители всех классов и социальных групп, поскольку они настроены патриотически и государственно. Нет никаких оснований отрицать, что в такое единение может войти и разумно настроенное и сознательное крестьянство, что народный базис его может быть очень расширен. Такой национальный блок, или патриотический союз, объединяющий различные партии и группы, должен быть устойчивым и длительным образованием. В нем должна найти себе поддержку истинно национальная власть. И нужно сказать, что то

течение русской общественности, которое объединилось на московском частном совещании, было настроено патриотически и национально, на нем высказывались думы о спасении родины, а не того двусмысленного существа, которое у нас именуется «революцией» и которое все более и более погружается в ложь и нравственное растрепание. И если можно в чем-либо упрекнуть московское совещание, то в том, что его национальный характер был недостаточно сильно выражен, что слишком много было, по современной терминологии, «общенационального», а не национально-русского. Есть три основные страсти, которые могут быть пробуждены в народе и могут стать двигателями его исторической судьбы, это – страсть национально-классовая, страсть национальная и страсть религиозная. Бессовестные демагоги уже использовали самую низменную из этих страстей – социально-классовую. Она отравила Россию, убила чувство правды в массе русских людей, образовала в душах нигилистическую опустошенность. И лишь пробуждение страсти национальной и религиозной может спасти русский народ от полного разложения и растрепания. О страсти религиозной сейчас не место говорить, это слишком великий вопрос, страсть же национальная не может быть «общенациональной» политической тактикой, она есть пробуждение огненной народной стихии.

В России сейчас образовалось три течения: одно хочет безусловно, без торга и без расчета спасти родину, в которой видит вечную ценность, и требует дисциплины в армии в целях патриотических и национальных; другое хочет спасти родину условно, и расчетливо договаривается о том, чтобы родина была подчинена «революции» и «демократии», требует исключительно «революционной» дисциплины; третье безусловно предает родину и требует истребления ее во имя всемирной революции. Характеристика этих трех течений как «буржуазного», «умеренно-социалистического» и «крайне-социалистического» есть условная ложь и вздор. Пора перестать придавать значение терминологии черни, хотя бы она и мнила себя интеллигентной. Только люди, одержимые ложной идеей или совершенно темные и ограниченные, могут видеть что-то «буржуазное» в безусловной защите родины и в национальной настроенности, а социализмом называть условную защиту родины или безусловное ее предание. То, что у нас в течение полугода называют «социалистическим» движением, представляет нестерпимую ложь и обман и является ширмой для самых низменных массовых инстинктов и для бесстыдного демагогического им потворства. О социализме сейчас в России нельзя серьезно разговаривать, его совсем нет, есть лишь втоптывание в грязь социалистической идеи. Русский революционный социализм есть явление совершенно реакционное, он есть лишь наследие процессов разложения старой России. Нет у нас и никакого здорового, творческого демократического движения. Демократия понимается у нас столь извращенно, что напоминает какой-то пасквиль и карикатуру. Демоническая одержимость идеей равенства не есть демократия, ибо истинная демократия есть лишь искание путей подбора лучших, установление истинного неравенства. И можно подумать, что миссия русской революции – изобличение лжи, лежащей в основе демократического принципа, не желающего подчинить себя высшей правде. Изолгавшаяся демократия и изолгавшийся социализм есть явление нравственно безобразное. И мы более всего нуждаемся в нравственном оздоровлении нации, в духовном ее возрождении, в пробуждении веры в Бога правды. Русский народ не может достойно воевать, потому что он потерял веру в святых, превышающие всякие блага земные. Война во имя собственных интересов, во имя «земли и воли» не может быть оправдана. Ужас войны не может быть принят во имя рассудочных и утилитарных соображений. Этот трагический ужас может быть принят лишь теми, которые верят в цели жизни и святых, лежащие выше данной эмпирической жизни с ее ограниченными интересами. Но вера в божественный смысл жизни ослабела в русском народе, и он потерял силу в самую страшную минуту борьбы.

III

Трагические события, связанные с именем генерала Корнилова, говорят о том, что мы продолжаем жить в атмосфере двусмысленности и мути. В том, как разыгрались последние события, чувствуется демоническое сцепление лжи и путаницы. Приходится думать, что темные силы действуют против России и не позволяют ей найти выход из трагического положения. Ныне господствующие в русском государстве силы так же не терпят правды и света, как не терпели их силы, господствовавшие в старом строе. Старая власть исключительно жила страхом революции: новая власть столь же исключительно живет страхом контрреволюции. И то и другое состояние одинаково не творческое, одинаково унижающее, одинаково обрекающее на ложь и светобоязнь. Это – путь болезненной мнительности, незаметно переходящей в злобную мстительность, и увенчивается он провокацией. Это – мрачное царство подполья, из которого никак не может выйти наша несчастная родина. Мы и после переворота, который должен был освободить нас, продолжаем задыхаться в мутной лжи. Свобода мысли, свобода слова у нас задавлены. Слишком ясно для честных людей, что в обвинениях против генерала Корнилова накопилась чудовищная ложь, обман и путаница. И вся Россия должна прежде всего потребовать выяснения истины и правды, которыми нельзя пожертвовать ни во имя чего на свете. Нельзя потерпеть, чтобы печать принудительного молчания была вновь наложена на наши уста. И если возмутительная ложь владеет нашей жизнью, то она должна быть изобличена и о ней нужно кричать на всех перекрестках. Революционная власть так же не может освободиться от большевизма, как власть дореволюционная не могла освободиться от черносотенства, и потому она не может быть национальной и патриотической. То, что у нас революционная пошлость называет «развитием и углублением революции», питалось ядом большевизма, который лишь в более разреженном виде присутствует и у социал-демократов меньшевиков, и у социалистов-революционеров. Большевистская бацилла имеет превосходную культуру в крови русской революционной интеллигенции, это – лишь новая форма ее исконного социального максимализма, который есть лишь обратная сторона ее исконного религиозного нигилизма. Радикальное освобождение от большевизма предполагает духовный переворот. До этого желанного духовного переворота власть в руках русской интеллигенции никогда не будет патриотической и национальной.

Можно разное оценивать для данного момента роковое столкновение между генералом Корниловым и Временным правительством, но отрицать героический патриотизм ген. Корнилова и его беззаветную преданность родине может лишь злая воля или корыстный расчет. Это должно быть признано по инстинкту правдивости, независимо от принадлежности к той или иной партии. Политика с ее страстями и расчетами, с ее борьбой интересов и борьбой за власть, не должна закрывать непосредственной жизненной правды. Всякая ложь должна быть низвергнута, и для этого должны объединиться все честные и правдивые, все совестливые и любящие свет. Мятеж против лжи есть священное право и священная обязанность человека. Все политики и все социальные интересы и социальные устройства – ничто по сравнению с вечным светом правды, с духовной жизнью человека. В непосредственном патриотическом порыве есть непосредственная жизненная правда, которой может и не быть в политике. В России должно начаться организованное патриотическое движение и требовать правды в политике. Атеистическая политика не может не быть ложью, она жертвует истиной и правдой во имя фиктивного блага людей, превращая это благо в идол. Но выше корыстного блага людского должна быть поставлена правда духовной жизни, без которой нет человека, нет в нем образа Божьего, нет народа с великой исторической судьбой.

«Народоправство», № 10, с. 2-4, 25 сентября 1917 г.

Россия и Великороссия

I

Ядро России – подверглось в процессе революции наибольшему разложению, оно стало очагом большевизма. Многие даже видят в большевизме характерно великорусское

явление. В великорусском племени есть метафизическая истеричность и склонность к болезненной одержимости. Это чувствовалось всегда в великорусских сектах, в самосожигателях, в хлыстах, это гениально отразилось в творчестве Достоевского, это обнаруживается в неспособности признать права относительного, в исключительной склонности к крайнему и предельному. Малороссы более рассудительны, в них сильнее инстинкт самосохранения. В Малороссии не было того духовного напряжения, которое вызвано было татарским игом, и там всегда сильнее были западные влияния. Нет национальности великорусской, как нет национальности малорусской, есть лишь русская национальность. Но существуют племенные особенности, которых отрицать невозможно. И великорусские особенности оказались роковыми в ходе революции. Сила, собиравшая Великую Россию, уничтожила свое собственное тысячелетнее создание. Русская революция существенно отличается от всех бывших в мире революций и более всего от революции французской – она разложила Россию, единую и великую, и тяжело ранила русское национальное чувство. Россия – величайшее в мире государство – рассыпалась в несколько месяцев, превратилась в кучу мусора. Дело всей русской истории, дело собирания России с Ивана Калиты, дело Петра Великого, дело всей русской культуры – Пушкина и Достоевского – отменяется, истребляется, объявляется ненужным, злым делом. В русской революции обнаружилась темная реакционная стихия, враждебная историческому прогрессу, враждебная всякой культуре большого стиля. Такого отречения от собственной истории, такой измены великим историческим заветам не было еще никогда и нигде. Это – самоубийство народа, отказ его от великого прошлого и великого будущего во имя корысти данного мгновения, из нигилизма, объявшего душу народную. Ныне живущее поколение русского народа не выдержало исторического испытания, оно не пожелало нести жертвы, которых требуют великие задачи, оно размотало полученное от предков наследство, принадлежащее не ему одному, но всем потомкам. Россия великая и единая, великое и единое русское государство, великая и единая русская культура созданы не нашим поколением, за ними стоят подвиги, жертвы и усилия многих поколений, всего русского народа на протяжении тысячелетнего существования. Русский народ имеет свою единую, неделимую судьбу, свой удел в мире, свою идею, которую он призван осуществлять, но которой может изменить, которую может предать в силу присущей ему человеческой свободы. Распадение связи времен, полный разрыв между прошлым и будущим, надругательство над великими могилами и памятниками прошлого, жажда истребления всего бывшего и отошедшего, а не воскресения его для вечности, есть измена идее народа как великого целого, есть предательство ценностей, непреходящих по своему значению. Русский народ в самый ответственный час своей истории отрекается от великого во имя малого, от далекого во имя близкого, от ценностей во имя благополучия призрачного и преходящего. На место Петра возносятся Ленин и Троцкий, на место Пушкина и Достоевского – Горький и безымянные люди. Пушкин предвидел эту возможность и гениально раскрыл ее в «Медном Всаднике». Произошло восстание Евгения, героя «Медного Всадника», против Петра, маленьких людей с их маленькими и частными интересами против великой судьбы народа, против государства и культуры. И нарушен был завет Пушкина:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия.
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут,
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Само явление Пушкина возможно было потому, что Петр «вздернул Россию на дыбы», приобщил к мировой культуре и уготовил русскому народу удел великого народа.

Но маленький Евгений не хотел принять великой судьбы народа, он в ужасе отступил перед жертвами, которых требует эта судьба.

Добро, строитель чудотворный!

Шепнул он, злобно задрожав,

Ужо тебе...

Он не мог примириться с гибелью своих личных, частных надежд, не вынес столкновения великого дела Петра со своими маленькими делами, со своей маленькой судьбой. Не мирилась с этим и большая часть русской интеллигенции, а ныне не вынес этого взбунтовавшийся народ русский. В русской революции и в предельном ее выражении – большевизме – произошло восстание против Петра и Пушкина, истребление их творческого дела. Долгий идейный путь русской интеллигенции с Белинского вел к этому восстанию и истреблению. Традиционное русское народничество всегда было враждебно великому государству и великой культуре, всегда требовало свержения ценностей во имя народного блага и народных интересов, истребления качеств во имя количества.

II

Многие наивные и непоследовательные люди думают, что можно отвергнуть Петра и сохранить Пушкина, что можно совершить разрыв в единой и целостной судьбе народа и его культуры. Но Пушкин неразрывно связан с Петром, и он сознавал эту органическую связь. Он был поэтом императорской, великодержавной России. Связан с делом Петра и со всем петербургским периодом русской истории и Достоевский. Своеобразное славянофильство Достоевского не мешало ему иначе оценивать Петра, чем оценивали его старые славянофилы. Все герои Достоевского – герои петербургского, императорского периода русской истории. В душе их отразилась вся сложность судьбы Великой России. Великая русская литература связана с великим русским государством. Русская литература поведала всему миру о существовании единой нераздельной России, духовно объединенной единым, царственным русским языком. Эманации великого русского языка покоряли все народности, населяющие Россию, духовной мощью своей заставляли признавать русскую литературу своей литературой, вызывали сознание принадлежности к единой, великой культуре Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого. Ныне посягнули на это царственное значение русского языка. Первыми посягнули украинцы, которые совершают отступничество от народа Пушкина и Достоевского, свергают царственный русский язык во имя малорусского наречия и разделяют Россию. Побеждают духи партикуляризма, провинциализма, сепаратизма. Эти духи, эти мелкие бесы так же разрушают Великую Россию и русскую культуру, как и большой бес интернационализма. Отрицается с разных концов существование России, русского народа, русской идеи. Русское подменяется частными, партикуляристическими определениями, в том числе и великорусским. Великий русский народ не хочет более существовать, он уступает место каким-то новым, частным, малым образованиям, он раздавлен сверху отвлеченным чудовищем интернационала, снизу мелко-эгоистическими национальными самоутверждениями.

Вот почему нужно прямо и решительно заявить – никакой великорусской культуры нет, как нет и культуры малорусской, есть только единая русская культура, объединенная великим русским языком, который не есть язык великорусский. Нет великорусской истории, есть лишь русская история. Образование северного великорусского государства и великорусской культуры было бы завершением распада России, возведением болезни, переживаемой Россией, в идею. Провинциально-областных особенностей Великороссии и великорусского племени, равно как Малороссии и малорусского племени, никто не отрицает. Но национальность есть лишь русская, а не великорусская и малорусская, культура русская, государство русское, объемлющее многие провинциальные особенности. Великороссия есть лишь центральное ядро России, вокруг которого образовалось русское государство и русская культура, но весь смысл

существования этого ядра в том, что оно являлось носителем русской великодержавности и русской культурной идеи.

III

Россия не только географическое понятие, она измеряется не только материальными пространствами. Россия прежде всего духовное понятие, она имеет внутреннее измерение, не прикрепленное ни к каким губерниям и областям... Духовно существует Россия, русский народ и русская культура. Она задумана в мысли Божьей, и бытие ее превышает наше ограниченное эмпирическое существование. Разрушить замысел Божий не в силах злой человеческий произвол. Духовного бытия России не могут убить никакие материальные катастрофы. Если от России останется лишь одна из великорусских губерний и в ней лишь небольшая кучка людей останется верной духовному бытию России и идее России, то и на этом небольшом пространстве, в этой небольшой кучке будет продолжать существовать Россия, и она перейдет в вечность. И загнанные в катакомбы, мы будем продолжать себя чувствовать сынами России и будем верны великой русской культуре Пушкина и Достоевского, подобно тому, как мы будем продолжать себя чувствовать христианами и сынами церкви и после того, как гонения на Церковь Христову загонят нас в катакомбы и там придется нам творить свои молитвы. Никакая внешняя, материальная судьба не может нас заставить изменить русской идее. Верность до конца возможна и тогда, когда не осталось уже никаких земных надежд. А нам рано еще терять всякие надежды. Россия может еще воскреснуть. Быть может, она должна была умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни. В этом великая тайна христианского искупления, существующая не только для отдельных людей, но и для целых народов. В русскую идею входит страдание, как необходимый внутренний момент. Пусть лучше существует страдающая, больная и неустроенная Россия, чем благоустроенные и самодовольные штаты Великороссии, Малороссии, Белороссии и других областей, возомнивших себя самостоятельными целыми.

Распадение России, отделение от нее окраин поставило центр великорусский в трагическое положение. Необходимо оздоровить и организовать великорусский центр России. Это вполне оправданное и здоровое движение. Но оно не должно поддаваться заразной болезни распада и провинциального партикуляризма. Колонизация окраин, которая совершалась на протяжении всей русской истории, не была злым недоразумением, это был внутренне оправданный и необходимый процесс для осуществления русской идеи в мире. Так называемая Великороссия сама по себе не могла и не может существовать, она обречена на бедственное и нищенское существование. Нельзя мыслить Великую Россию без юга, без его богатств. И нельзя не видеть страшной измены и страшного преступления в разрушении всего дела русской истории, осуществлявшего идею России.

Русский народ должен был пройти через неслыханные унижения и падения, чтобы в нем пробудилось сознательное национальное чувство и сознательная национальная активность. Огромное значение в оздоровлении русского народа и в освобождении его от злого наваждения будет иметь начавшееся гонение на церковь. Революция посягнула на святое святых народной души, она обнаружила свою антихристианскую природу, как раньше обнаружила антinationальную природу. И если жив еще русский народ, если он не окончательно духовно погиб, в нем должно пробудиться острое религиозно-национальное чувство. Великий народ может достойно существовать, если он останется в глубине своей верен вечным духовным основам своего существования. Франция и после всех падений и измен остается в духовной своей основе Францией средневековой, католической, рыцарской, в ней не окончательно умер тот дух, который предков нынешних французов подвинул на крестовые походы. Это почувствовалось во время войны. Православная церковь не только святыня для всякого верующего, но и великая ценность, великое духовное сокровище русской культуры, духовная основа жизни русского народа. С церковью связана и русская идея, призвание русского народа в мире.

Если русский народ окончательно перестанет быть христианским народом, то он потеряет свое значение в мире. Должна быть осознана русская идея, национальная и религиозная, выводящая нас в мировую ширь, преодолевающая всякий замкнутый национальный провинциализм. История идет к соединению, а не к разъединению, т. е. христианство должно побеждать в ней языческий партикуляризм. Русская идея, вдохновленная вселенским христианством, победит и страшного беса интернационализма – это отвратительное искажение идеи вселенского единства и братства человечества.

«Накануне», № 3, с. 4-5, апрель 1918 г.

Глава IV. Революция и народовластие

Демократия и иерархия

I

Нравственное и эстетическое безобразие русской революции не должно мешать нам увидеть ее огромное значение. Ее духовные последствия во всяком случае будут велики. Русская революция – огромный опыт, который изменит у интеллигентных русских людей чувства жизни и заставит их по-новому мыслить. Традиционная история русской интеллигенции кончена, ее основные идеи проверены на жизненном опыте и ложь их изобличена. Теперь уже на веки веков русская революционная интеллигенция не вправе будет говорить, что рай на земле водворится, когда она будет у власти: она побывала у власти, и на земле водворился ад. Поистине, русская революция имеет какую-то большую миссию, но миссию не творческую, отрицательную, – она должна изобличить ложь и пустоту какой-то идеи, которой была одержима русская интеллигенция и которой она отравила русский народ. Идея эта заимствована из западных учений, но она своеобразно преломилась в восточной русской стихии и доведена до небывалой крайности. Русская революция есть изобличение лжи демократии как верховного принципа жизни, опытная проверка того, к чему приводит тираническое торжество эгалитарной страсти. Русские одержимы эгалитарной страстью, жадной механического и материалистического уравнивания. Эта эгалитарная страсть переживается в России с религиозным пафосом и носит характер демонической одержимости, направленной на истребление всех качеств бытия, всех различий, всех возвышений. В русской революции нарушен иерархический принцип в такой степени, как ни в одной из революций мира. Требование равенства будет в ней скоро распространено не только на низшие ступени человеческого мира, но и на низшие ступени мира природного, на животных, растения и минералы, на атомы материи. Весь космос распадется на атомы и каждый атом потребует себе равного положения со всеми другими, каждый признает себя суверенным. Ведь выделение человека из природы, его возвышение над низшей природой есть уже аристократизм, есть уже иерархизм, которого не должна терпеть все сметающая со своего пути эгалитарная страсть.

Французская революция была кровавой и страшной, но и в ней не было полного разрушения того иерархического начала, на котором покоится всякий строй государства и общества, всякая цивилизация. Западная Европа и после всех революционных переворотов осталась иерархической, в ней сохранились традиции всякого цивилизованного общественного бытия. Народы Запада признают градации, различия, ступени, признают возвышения, подбор лучших, подбор качеств. Русские революционеры эти западные свойства воспринимали как «буржуазность». Поистине на Западе много «буржуазности», но дурная «буржуазность» всегда есть разрушение иерархизма, всегда есть восстание и возобладание недостойных, неблагородных, худших. И русское восстание против всякого иерархизма ведет к господству худших, недостойных, неблагородных, русское отрицание «буржуазности» легко превращается в самую худшую, самую хамскую «буржуазность», самое безобразное мещанство. В сущности русский революционный демократизм враждебен иерархическим основам всякого цивилизованного культурного бытия, всякого государственного и общественного бытия. Это есть варварский индивидуализм, своеволие каждого индивида, который с себя хочет начинать историю мира, ничего не почитая выше себя. И это совсем не есть вопрос той

или иной политики, это вопрос особой революционной морали, особого чувства жизни, особого направления религиозности. В основе русской революции лежит не столько ложная политика, сколько ложная мораль. Русские нередко делают нигилистами из моральных побуждений, переживая свой нигилизм как моральную и даже религиозную правду. Они отрицают божественные ценности и духовные реальности, Бога, отечество, истину, красоту, низвергают все установившиеся качества во имя правды и справедливости уравнения и уравненного блага людей. Русский революционный нигилизм отвергает божественный миропорядок, не принимает иерархического строя космоса. Эта эгалитарно-нигилистическая страсть глубоко антикосмична, она восстает против иерархических ступеней бытия и жаждет равного небытия, равенства в ничто, в пустоте, в нищете, в оголении от всех форм культурного бытия, в пустой свободе от всех иерархических ценностей. Достоевский гениально раскрыл диалектику русского эгалитарного нигилизма. Иван Карамазов и был адвокатом такого отвержения космического иерархизма во имя равенства и равного счастья людей. Легенда о Великом Инквизиторе очень много дает для метафизики русского нигилизма, демократизма и социализма, хотя действие ее и перенесено в атмосферу католического Запада. Очень характерно это русское отвержение Бога, мира, истории, культуры как неравенства. Да сгинет все, лишь бы было равенство!

II

Такое характерное русское явление, как толстовство, проникнуто истребляющей все богатства бытия эгалитарной страстью, в нем действует какой-то демонический морализм. И как характерно толстовство для русских людей, им отравлены и те, которые не сознают себя толстовцами и ничего общего не имеют с толстовским учением. Война и революция обнаружили, как близок русским дух толстовского непротивленства. Традиционное русское народничество всегда было вдохновлено той же эгалитарной страстью и всегда было враждебно иерархизму культуры. Социальный вопрос для русского народничества всегда был исключительно вопросом раздела и распределения, никогда не творчества и производства. Царство Божье на земле, к которому так стремились русские люди, жившие в угнетении, представлялось прежде всего как царство равенства, как всеобщее уравнение, как уничтожение всех исторических иерархий, всех качественных возвышений. Лучшие русские люди говорили о всечеловечности и всемирности русского духа. Но несчастье и болезнь русского духа нужно искать в смешении всеединства, которое заключает в себе полноту всех ступеней бытия, всех градаций, всей иерархии индивидуальностей от отдельных людей до наций, с упрощительным и уравнивающим смешением, в котором тонут и погибают все ступени, все индивидуальные градации и все иерархии. Поэтому русским и представляется единство человечества упразднением наций. С этим связана глубокая антиисторичность русской интеллигенции, ее моралистическое неприятие тех жертв человеческим благом и человеческим равенством, которыми покупается история с ее творчеством культур и государств. Русских людей соблазняет мгновенное погружение в абсолютное единство и абсолютное равенство, без трудного пути истории, без ступеней, без иерархических различий и отбора лучших. Традиционная русская мораль не придает значения личной ответственности, личной заслуге, подбору личных качеств. Русская мораль не любит силы, всякую силу считает дьявольской, а не божественной, и безнравственно для нее всякое возвышение и иерархически более высокое положение, основанное на заслуге, достоинстве и качестве. С горечью нужно признать, что это не арийская мораль. Многие видят в таком моральном сознании христианскую природу русского народа. Но я думаю, что это огромное недоразумение. Христианство – иерархично. Жертва – явление силы, а не слабости.

Все мироощущение и мирозерцание русской интеллигенции должно было привести именно к такой революции, какой и оказалась русская революция. В ней возобладали дух небытия, дух уравнения, погружающий в ничто, в пустоту, дух смешения и истребления всех различий и достижений. Инстинктам народной массы, еще темной, но

уже утерявшей веру, эта новая религия всеобщего уравнивания и смешения, всеобщего стирания всех иерархических различий и иерархических качеств показала очень соблазнительной и подходящей. Низы народные, несознательные, некультурные и изменившие вере отцов, поняли демократию как низвержение всякого иерархического соподчинения, всякого качественного подбора, как торжество восставшего механического количества. В нравственном облике нашей революционной демократии восторжествовал хаизм, низвергающий всякое благородное почитание того, что качественно выше, достойнее, ценнее, духовно сильнее. Каждый самый ничтожный, самый низкий по своей духовной культуре, по своей одаренности, по своему моральному облику, почувствовал себя царем и самодержцем, ощутил себя носителем суверенной власти. Непонимание благородства иерархического соподчинения, благородства признания и почитания высшего свойственно хамам. Рабы видят высшее состояние в бунте против всего, что выше. Солдат считает унижением для своего достоинства отдавать честь заслуженному генералу. Он видит достоинство в уравнительном смешении, в том, чтобы каждый был сам себе генералом. Такого рода пробуждение достоинства в солдатах привело к позорному бегству и измене, т. е. к полной потере чести.

III

На этой почве нация пришла к самоубийству. На этой почве развалилась не только армия, которая может быть лишь иерархическим организмом, но разваливается государство, разваливается культура, разваливается всякий общественный лад и строй, разваливается личность. Злобная зависть к соседу, в чем-либо возвышающемуся, материально или духовно, положена в основание русской революционной демократии. Жалкое и низкое основание, на котором нельзя ничего строить, ни государства, ни культуры, ни жизни хозяйственной, ни жизни духовной! Разрушение всякой иерархии есть уродливое и безобразное смешение, отрицание космических начал общественной жизни. Поистине строй и лад общественный есть лишь неотрывная часть строя и лада космического. Анархия есть разрушение космоса, восстание хаоса и его возобладание над всякой иерархией. Русская страсть к равенству во что бы то ни стало есть также отрицание личного начала, это – страсть к безличности, утопление личности в хаотической стихии, в хаотическом коллективизме, во всеобщем бескачественном смешении. Личное начало неразрывно связано с иерархизмом, с космическим строем вселенной, оно предполагает различия, возвышения, качественные несходства. Личность отцветает и погибает, когда ее держат в принудительном равенстве со всеми другими личностями, когда всякое нарастание ее силы, ее значительности, ее качественного своеобразия задерживается и умеряется уравниванием с соседями. Это – обида для лучших, потворство худшим. В царстве механического равенства, всех и вся смешивающего в количественной массе, возможны лишь безличные личности. Церковь – образец истинного иерархизма, – в ней личное начало, которому придается абсолютное значение, соединяется с иерархической соборностью, с мистической иерархией, но нет уравнительного смешения, нет принуждения личности к равенству со всякой другой личностью. Этот космический иерархизм проникает и всю культуру, которая есть подбор качеств и возвышение более ценного. Этот космический иерархизм проникает и всякую государственность, на нем покоится всякая власть, которая, по словам апостола Павла, от Бога, и это верно и по отношению к самым демократическим государствам. Разрушение всякого иерархизма в государстве, в обществе, в культуре, в жизни религиозной есть возвращение к первоначальному хаотическому состоянию, оно разрушает человека, который есть высший иерархический чин во вселенной, и отдает человека во власть низших хаотических стихий, которые претендуют на равенство с человеком. Да и сам человек есть иерархический организм, в котором все части должны быть соподчинены высшему центру. При нарушении же этого иерархического соподчинения человек разваливается, в нем гибнет образ и подобие Божье.

Демократический принцип понят у нас до ужаса извращенно. То, что есть истинного в демократии, и есть отыскание путей подбора лучших, устранение ложного иерархизма и установление благоприятных условий для истинного иерархизма. Аристократическое начало заключено в пожеланиях представительной демократии. И демократии ищут путей установления господства лучших. Демократия не непременно исключает высшую иерархию. Свободный, самоопределяющийся и самоуправляющийся народ может признать высшую правду иерархического строя, подбора лучших и соподчинения низшего высшему. Демократия нуждается в воспитании в истинно иерархическом духе, без этого она разлагается и духовно падает. «Буржуазность» в дурном смысле этого слова и есть нарушение истинного иерархизма, выдавание худшего за лучшее, занятие положений, не соответствующих качествам и достоинствам. Снобизм есть отрицание истинного иерархизма и рабство у ложного иерархизма. Демократия, которая признает себя верховным и единственным принципом жизни, уже ничему не подчиненным, есть, конечно, ложь и соблазн. И эта соблазнительная ложь демократии более всего выявляется в русской революции. Но в демократии есть и своя подчиненная правда, которая помогает торжеству истинного иерархизма над ложным иерархизмом. Окончательной же и высшей остается истина, провозглашенная Платоном: идеальной формой правления может быть лишь аристократия, господство лучших, благороднейших, даровитейших, духовно сильнейших. Это и есть истинный иерархизм, на котором только и могут быть основаны государства и культуры народов. Вырабатывается и преемственно передается более благородная и более одаренная раса, которая призвана определять судьбы мира и судьбы народов. Но отыскание представителей этой расы и призвание их к господству – очень сложный и мучительный процесс. Худшим слишком часто принадлежит господство. И вопрос об отношении подбора лучших к кровной, исторической благородной расе сложнее, чем это думают представители примитивной демократической метафизики.

Низвержение расы лучших есть разрушение космоса, посягательство на божественный миропорядок. Само возникновение космического бытия есть различение в славе солнца от луны, звезды от звезды. То же начало должно проникать всю жизнь общественную и должно открывать в ней пути к выявлению истинной иерархии, должно противиться духу уравнительного небытия. В русской революции обнаружился дух завистливого и мстительного низвержения всякой иерархии, не только земной, но и небесной, звездной иерархии. Этот неблагородный дух подрывает духовное здоровье русского народа, обессиливает его и готовит ему печальное будущее. На этом пути невозможно творчество, ибо творчество – иерархично, а не демократично, оно предполагает возвышение и преобладание качеств. Тот, кто не хочет признать высшего, тот попадает во власть к низшему. Таков закон мировой справедливости. Восставший против Бога и не почитающий святынь ползает на животе перед идолами и рабствует перед гадами. Человек не может освободиться от религиозного почитания, и когда он перестает религиозно почитать высшее, он начинает религиозно почитать низшее: антихрист заменяет в сердце человеческом Христа и создает свою безбожную иерархию.

«Русская свобода», № 24, с. 5-10, 1917 г.

Торжество и крушение народничества

I

Русскую революцию в ее развитии можно рассматривать как торжество народничества. Наша революция не богата оригинальными идеями, но если ее вдохновляет какая-нибудь идеология, то, конечно, исконная идеология русского народничества. Это не сразу видно, так как в заблуждение могут ввести разные вывезенные из Германии доктрины, очень у нас распространенные. Но более проницательный взор разглядит вполне русскую и восточную стихию за торжествующим у нас социализмом, косноязычным, не умеющим себя адекватно выразить. Весь западный мир должен быть поражен тем, что самое отсталое, самое реакционное русское царство, исконный оплот монархизма, вдруг с молниеносной быстротой превратилось в самое

крайнее демократическое царство, почти что в социалистическое царство. В революционной России происходит небывалый разлив социализма и нигде еще не бывшее торжество социалистических лозунгов. По внешности Россия в несколько недель обогнала самые передовые европейские страны. Русские гордятся тем, что они – самый передовой народ в мире, самый демократический народ, что пример буржуазных европейских народов им не указ, что они научат Запад и раньше Запада осуществят идеалы социализма. Радикальная и демократическая партия народной свободы оказалась у нас крайней правой, почти реакционной, до того «буржуазной», что под ее флагом небезопасно выступать в наши дни. Явление – вполне восточное, для Запада с трудом понятное. Социал-демократы – крайние западники, с Запада заимствовавшие свое учение, всегда отрицавшие всякую самобытность России, вдруг превратились в своеобразных славянофилов, исповедующих какой-то русский социалистический мессианизм, верующих в свет с Востока, который распространит лучи свои на буржуазную тьму Запада. Западные учения об эволюции, о ступенях развития, о значении развития промышленности и культуры для всяких социальных достижений были забыты. У русских социал-демократов ничего не осталось от марксизма, кроме веры в исключительную миссию всеильного пролетариата. Самые широкие круги оказались захваченными верой в исключительный демократический и социалистический мессианизм русского народа, в его призвание первым осуществить социальный рай. И это в стране промышленно и культурно очень отсталой, где народная масса в значительной своей части безграмотна, лишена элементарного просвещения, не имеет никакого гражданского воспитания и гражданской подготовки. Но русские верят в социальное чудо и не хотят знать законов, по которым живут другие народы. В русской революционной стихии загорается вера, что Небесный Иерусалим вдруг сойдет на русскую землю. В этом сказывается исконная русская вера в чудодейственный скачок, которым достигается социальная правда и социальное благо без исторического труда и длительных усилий. И это есть выражение старой русской пассивности, русской нелюбви к ответственному деланию истории, русской женственности, старой привычки русского человека, что все за него должен кто-то сделать.

Идеология русской революции, поскольку можно ее обнаружить за оргией интересов и темных инстинктов, основана на вере в народ, в его правду и мудрость, на идеализации народа как простонародья, как класса трудящихся, как рабочих и крестьян, а не как великого целого, не как мистического организма. И идеология нашей революции проникнута глубоким недоверием к культуре, к творческому созиданию, к личной инициативе и личной ответственности, к значению качеств в общественной жизни. Подозрительное и враждебное отношение масс к «образованным» санкционируется революционным сознанием. В восстании количеств против качеств видят демократическую правду. Это все свойства исконного русского народничества, народнической психологии и народнических идей, некогда мечтательных, ныне же действенных и примененных к жизни. Происходит народнический эксперимент огромного размера. Народничество не верит в культуру личности и не хочет с ней сообразоваться, оно верит лишь в народный коллектив. Это – какая-то лжесоборность, лжецерковность, подмена церкви как единственного истинного коллектива. Можно ли сказать, что этот русский народный коллективизм есть высшая ступень бытия, можно ли верить в то, что он опередил Европу, скованную нормами буржуазной культуры? В это, по-видимому, поверили не только наши социалисты-народники, но и наши социал-демократы, в это хотят верить и разные русские писатели и мыслители, склонные находиться в обладании стихией. И это есть самый большой русский соблазн, соблазн социальным чудом, русский самообман и иллюзия, сонная греза, от которой предстоит тяжкое пробуждение.

II

Русское революционное народничество связано с прошлым, а не будущим, народнические иллюзии – порождение старой, а не новой России. Ныне разлившийся и

разбушевавшийся русский социализм не есть творчество новой жизни – в нем чувствуется вековая неволя русского народа, русская безответственность, недостаточная раскрытость в России личного начала, личного творчества, исконная погруженность в первобытный коллективизм, коллективизм натурального состояния. В основе русского социализма лежит русское экстенсивное хозяйство и русский экстенсивный склад характера. Поэтому пафос русского социализма есть вечный пафос раздела и распределения, никогда не пафос творчества и созидания. Переход к социализму не мыслится у нас как переход к интенсивной культуре. Не только у социалистов-народников, но и у социал-демократов интенсификация культуры совершенно отодвинута на второй план и не вдохновляет. Источника социальных бедствий и зол русские слишком исключительно склонны искать в злой воле людей, буржуазных и имущих классов, и никогда не ищут его в низком уровне культуры, в слабой степени овладения стихийными силами природы. Русские социал-демократы всегда очень плохо усваивали себе ту сторону марксизма, которая кладет в основу социального процесса развитие производительных сил, и очень хорошо усваивали себе другую сторону, которая проповедовала классовую ненависть. Для русского социализма аграрный вопрос всегда был вопросом передела земли и не был вопросом подъема сельскохозяйственной культуры. Русские революционеры и социалисты считали себя не «буржуазными» потому, что у них слабы инстинкты производительные, что они исключительно поглощены социальной моралью распределения. Связывать рост народного благосостояния с ростом производительности труда и с интенсификацией культуры у нас всегда признавалось «буржуазным». Проблема социальная превратилась у нас в проблему розыска тех «подлецов» и «мерзавцев», тех «буржуев», от которых идет все зло. Исключительный морализм приводит к морально некрасивым результатам и парализует чувство личной ответственности. Объективная и созидательная сторона социальной проблемы совершенно исчезла. Социализм мыслится не как задача регуляции стихийных природных сил, не как гармонизация целого, а как классовая ненависть и раздор.

Экстенсивная и распределительная природа русского социализма наводит на мысль, что в русском социализме слишком многое должно быть отнесено на счет остатков первоначального состояния первобытной демократии, того сельского коммунизма, с которого началось развитие народов. Россия всегда была и осталась огромным мужицким царством, страной землепашцев, страной экстенсивного хозяйства и экстенсивной культуры, с неразвитыми классами и сословиями, с недостаточно дифференцированной личностью, с невыраженной активностью и самостоятельностью. Хотя Россия давно уже вступила на путь капиталистической промышленности, но она не сделалась «буржуазной» страной, не перешла еще к более интенсивному хозяйствованию и к более дифференцированному социальному строю. Уличные крики сегодняшнего дня о «буржуазии» и «буржуазности» есть смесь демагогии с невежеством. Роль «буржуазии» в России все еще совершенно ничтожна, ее у нас нет еще в настоящем, европейском смысле слова. Этим, быть может, объясняется, что так поздно у нас завоевана политическая свобода. Все тонет в этой огромной, серой массе крестьянства, связанной с землей и мечтающей о переделе земли. Русский царизм был по природе своей мужицко-демократическим. Его подпирало то самое крестьянство, которое сейчас внешне соблазняется социализмом, хотя и ненадолго. Ни дворянство, ни буржуазия не играли у нас надлежащей роли, и потому в России не развилась общественная и политическая самостоятельность. Верхний культурный слой всегда у нас был очень тонок, не шел вглубь, и его легко разорвать. Вражда к «образованным» черносотенников и большевиков имеет один и тот же источник и одну и ту же природу, это – вражда экстенсивного душевного уклада, жаждущего раздела, ко всякой творческой интенсивности. Мужичье царство раньше всего ждало от царя, а теперь всего готово ждать от фиктивного существа, именуемого социализмом, но психология остается такой же пассивной и антикультурной.

И все будущее России зависит от подъема культуры в крестьянстве, духовной и материальной.

III

Русская левая интеллигенция в своей массе всегда находилась в рабстве у мужицкого царства и идолопоклонствовала перед «народом». Теперь приходится за это расплачиваться. Те, которые составляют ныне в высшей степени порядочную и корректную партию народных социалистов, – типичные интеллигенты-народники. Но их уже бойкотируют, их отказываются признать социалистами. Революционное народничество в плодах своих само себя поедает. Народничество сейчас торжествует, оно сделалось господствующей религией. Но это торжество есть в то же время и крушение народничества, его конец, его идейная смерть. Жизненный опыт показал, что нет никаких оснований верить в эмпирический народ, в количественную массу, что поклонение ему есть идолопоклонство и ведет к угашению духа, к измене живому Богу. Народ должен верить в Бога и служить Ему, в народ же нельзя верить и нельзя служить ему. Поклоняться можно лишь качествам, никогда не количествам. Народ должен подняться до более высокой духовной и всяческой культуры, в народе должна раскрыться человеческая личность, ее качества, ее ответственное творчество. Опыт русской революции подтверждает правду «Вех». Эту правду на горьком опыте скоро познают и признают те интеллигенты, которые на «Вехи» яростно нападали. В огромной массе народа, крестьян и рабочих раскрылась не высшая правда, а темные еще инстинкты. Засилье темного мужицкого царства грозит русскому государству и русской культуре качественным понижением, разложением достигнутых ценностей, и ответственность за это падает не на самый народ, который стремится к свету и неповинен в том, что его так долго держали в тьме, а теперь, вдруг, поставили перед непосильными задачами. Ответственность прежде всего падает на революционную, идолопоклонствующую перед народом интеллигенцию, которая не может быть источником света. И более всего неправы те, которые хотят придать этому народничеству религиозную окраску.

Христианство призывает верить не в количественную массу, а в божественный образ в человеке, который может быть закрыт и погружен во тьму, и который нужно раскрыть трудным путем религиозного подвига и духовной культуры. Лишь преодоление первозданной тьмы и звериного образа в человеке раскрывает образ Божий. И это всегда есть качество, а не количество. Христианство не отменяет заповедей Ветхого Завета для грешного, темного еще, рабствующего внешней природе человечества. Выше правды закона, правды государства и культуры с их нормами – не произвол и анархия, не возврат к первобытному, естественному состоянию, а благодатная свобода, восхождение к состоянию сверхприродному. Пагубное заблуждение связывает русское народничество с русским христианством – оно скорее связано с исконным русским язычеством, с порабощением христианского откровения о личности русской стихии земли. Русский социализм и коллективизм, которые многим кажутся столь оригинальными и вызывают извращенное шовинистическое чувство, есть в сущности остаток первоначального натурализма, первобытного коммунизма, в нем чувствуется еще неполная освобожденность от состояния орды. Возникновение культурного и прогрессивного социализма у нас еще впереди. Пока же у нас торжествует реакционный социализм, связанный со столь же шовинистическим самомнением, как и наше черносотенство, как и старый наш национализм. Пока оригинальность русского социализма выражается прежде всего в том, что он понижает производительность труда, т. е. отбрасывает назад. Вся задача России в том, чтобы в ней раскрылась качественно более высокая и свободная жизнь личности и чтобы всякий новый коллективизм прошел через очистительный огонь личного перерождения и повышения. Оригинальность России не может заключаться в том, что она останется навеки в состоянии природного, первоначального коллективизма. И Россия должна пройти через личную культуру и обнаружить в ней оригинальность и своеобразие. Народничество отныне не может уже никого вдохновлять, оно превратилось

из прекрасной мечты в тяжелую действительность, оно переживает последние свои дни. После отрезвления должен начаться суровый закал личности, переход к ответственной творческой работе. Поклоняться будут Богу живому и единому, а не земным идолам. Поймут, что народу нужно просвещение, а не лежание перед ним на брюхе. И новая Россия впервые народится лишь после преодоления старого народничества, после внутренней победы над старой, рабьей психологией.

«Русская свобода», № 14-15, с. 3-8, 1917 г.

Об истинной и ложной народной воле

I

После того как пала старая русская монархия, революция вручила судьбу русского государства воле народа. Совершенным же выражением воли народа признано было Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права. Это и есть чистая демократия, чистое народовластие. Более полугода бушует революционная стихия, «развивается» и «углубляется» революция, много самочинных организаций претендует быть выразителями воли народа, но над всем возвышается идея Учредительного собрания как верховной инстанции, к которой все апеллируют. Все хотят услышать голос суверенного народа, так долго безмолвствовавшего. Одни лишь большевики имели смелость утверждать, что для них не обязательна воля Учредительного собрания и что они свергнут то Учредительное собрание, которое окажется враждебным их целям. Большевики – не демократы, не сторонники принципа большинства. Они не формалисты в отношении народной воли. Для них важно само содержание народной воли, само направление ее. И они стремятся не к народовластию, а к классовой диктатуре. Они готовы стать на путь насильственного господства меньшинства (революционного пролетариата столиц) над большинством русского народа. Французские синдикалисты, с которыми большевики имеют точки соприкосновения, тоже ведь являются противниками принципов демократии, для них идея демократии по существу буржуазна. Все же, кроме большевиков, стоят на точке зрения революционного легитимизма, неустойчивого и половинчатого. Все беспомощно хватаются за призрачную законность Временного правительства в настоящем и за несомненную законность Учредительного собрания в будущем. В сущности, только большевики и являются носителями революционной стихии в чистой и крайней форме. Правда, эта чистая форма революционной стихии оказалась очень мутной и грязной, но таков уж самый предмет. Все остальные половинчаты и компромиссны. Принципы демократии – это пореволюционный легитимизм, который держится на острие и ежесекундно может соскочить в одну или другую сторону. Революционный переворот раскрыл перед русским народом все пути для свободного самоопределения. Посмотрим, определял ли себя свободно народ за месяцы революции и определит ли он себя свободно в Учредительном собрании, которое должно быть создано в самое ближайшее время?

Народная воля – более таинственная вещь, чем это думают разного рода рационалисты. И не так-то легко найти способы ее совершенного выражения. Механически-количественное выражение народной воли не может быть совершенным. Народ не есть механическое сложение количеств. Народ – живое существо, живущее на протяжении всей своей истории. И определение воли народа не есть арифметическая задача, это – процесс органический. Народная воля, которая на долгое время определит судьбу России, должна быть качеством, а не количеством. В изъятии народной воли должна раскрыться какая-то объективная правда, а не средняя линия перекрещивающихся и борющихся интересов. Ошибочно было бы интересоваться исключительно формальными признаками выражения народной воли и совершенно не интересоваться содержанием и направлением народной воли. Для всякого, кто верит в существование истины и правды, не может быть безразлично духовное состояние народа, степень его внутренней свободы в момент изъятия его воли, проникновения этой воли правдой. Лишь убожество духа, внутренняя бессодержательность и опустошенность может

держаться исключительно за формальное народовластие и придавать безусловное значение народной воле, независимо от того, какова она. В отвлеченном демократизме и конституционализме есть какая-то неправда, оставляющая на поверхности жизни. Важно не только то, чтобы народная воля была выражена и чтобы в согласии с ней определилась судьба России, но и то, чтобы эта народная воля была направлена на добро, чтобы ею владела Божья правда, а не дьявольская ложь. Народная воля, как всякая эмпирическая человеческая воля, не может быть обоготворена, не может быть признана высшей инстанцией, выше ее – абсолютная правда, ценность, Бог. Самодержавие народа так же должно быть отвергнуто, как и царское самодержавие, как и всякое самодержавие. Самодержавие народа должно быть ограничено высшими принципами, верховными ценностями. Христианин не может воздавать божеских почестей кесарю, он не может воздавать божеских почестей и народу. Самодержавие народа есть такое же царство кесаря и оно также несоизмеримо с бесконечной природой человеческого духа. Если народная воля своим количественным большинством будет истреблять свободу и топтать духовные ценности, то нет никаких оснований склониться перед ней. Я могу быть вынужден физически подчиниться злой силе, но не подчиняюсь ей нравственно. Принцип формальной демократии потому уже не может быть самым высшим принципом общественной жизни, что демократия может быть разной, может быть высокой и низкой, может быть вдохновлена правдой и одержима ложью. А это значит, что демократия нуждается в воспитании и духовном облагораживании, в подчинении высшим ценностям. Выше воли народной стоит воля Божья, и лишь в воле Божьей нужно искать гарантии того, что права человека и свобода человека не будут раздавлены и растерзаны. Этой гарантии нет в человеческом произволе.

II

Как оценить с такой философской и религиозной точки зрения народную волю, выражавшуюся в России в течение этих революционных месяцев? Оценка может быть лишь самой пессимистической. Происходит самая бесстыдная фальсификация народной воли, самая наглая подмена и насилие. Русский народ и после революции не определяет себя свободно, изнутри, из глубины. Воля его насилуется, ему с верхов революционного бюрократизма предписывается, что он должен думать, чего должен хотеть. Революционный бюрократизм интеллигенции так же фальсифицирует народную волю, как фальсифицировал ее старый бюрократизм. Прежде лгали, когда говорили, что воля народа – черносотенная, теперь лгут, когда говорят, что воля народа – красносотенная. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов играют теперь роль, аналогичную той, какую раньше играл «Союз русского народа» и другие черносотенные организации, терроризировавшие власть. Воли крестьянства – большей части русского народа – мы не знаем, и во всяком случае она не выражается в Совете крестьянских депутатов, в которых нет настоящих крестьян, а есть преимущественно лишь наехавшие из-за границы интеллигенты, чуждые русскому народу. Демагогия всегда фальсифицирует волю народа, она пользуется темными инстинктами и страстями народных масс, чтобы совершить насилие над народом и подчинить его себе. Демагоги заинтересованы в том, чтобы в народе не загорался свет, чтобы орудия познания не делали народ более защищенным против всех соблазнов и насилий. Демагоги всегда ловят рыбу в мутной воде. Они боятся света. Крестьяне хотят иметь побольше земли, но это не значит, что крестьяне – социалисты-революционеры. Солдаты не хотят воевать, но это не значит, что солдаты – большевики. Рабочие хотят меньше работать и больше зарабатывать, но это не значит, что рабочие – социал-демократы. Народу нужен хлеб, но это не значит, что народ исповедует революционный социализм. Такая заграничная и интеллигентская выдумка, как социализм, народу русскому чужда и непонятна.

Народ наш в массе своей еще темен и сам еще не знает, чего хочет, сам не определил своей воли. Народ живет элементарными инстинктами и не знает, какое государственное и социальное устройство лучше. Народ наш тяжело болен, болен душой, он переживает

глубокий кризис, потерял свет старой веры и не обрел никакого нового света. Народ находится в рабстве у собственных греховных инстинктов и страстей, его легко соблазнить и обмануть, легко совершить над ним насилие. Тот самый простой и темный народ, который сейчас владеет Россией, совершает погромы и подвергает опасности величайшие ценности нашего национального, государственного и культурного бытия, душевно беспомощен и незащищен. Каждый может его сбить с толку и направить волю его в какую угодно сторону, к погрому буржуазии и культурного общества, как и к погрому евреев и самих революционеров. Свободен и защищен лишь тот, кто имеет духовный центр, в ком не расшатано и не ослаблено нравственное ядро. Но у крестьян и рабочих сейчас духовный центр уже утерян, нравственное ядро ослабело, они находятся в величайшем духовном рабстве и беспомощности. Когда я бывал на уличных митингах, мучительное впечатление производили на меня лица говоривших. Казалось, что лопнут мозги темных людей от бессилия разрешить поставленные перед народом задачи. Это – жестокость истории по отношению к народу, который держался в принудительной тьме. И вот народ этот, когда особенно сгустилась тьма в нем и вокруг него и когда он душевно болен, призывается решать судьбы русского государства, определять жизнь грядущих поколений. Выборы в Учредительное собрание будут проходить в физически и душевно ненормальных условиях, фальсифицирующих волю народа. Естественно желать, чтобы суверенный народ высказал свою волю в такой момент своего существования, когда в нем родится внутренний свет, когда он душевно излечится и прекратятся в нем судороги одержимого, когда он будет внутренне свободен, не так поработен греху корысти и злобы, когда он подчинит волю свою высшей правде. В состоянии аффекта, в припадке раздражения, в минуты зависти, ревности и озлобленной мстительности не может быть здорового изъявления воли человека. То же можно сказать и о народе. Воля народа должна решить судьбу всего народа, судьбу России, и она не может быть в этот ответственный момент раздробленной, в ней должна быть цельность, озаренность идеей единой России. Но идея народного единства сейчас померкла в русском народе, и потому трудно ему решать судьбу целого.

III

Свобода народной воли не есть формальное понятие, она предполагает победу в этой воле добра над злом, Бога над дьяволом. Дьявол – лжец, он фальсифицирует народную волю, совершает подмену, дает призрачную безграничную свободу, свободу формальную, по существу же поработщает волю людскую. Формальная безграничная свобода всегда пожирает себя, она сгорает в пустоте, в бессодержательности, в бездельности. Греховная воля всегда несвободна, она в плену у темных сил. Самая свободная воля – святая воля. Воля же греховная может стать свободной лишь через искупление. Искупление греха делает человека свободным. Вот почему истинная свобода есть лишь в христианстве. Нужно остерегаться превращать народовластие в народопоклонство. Народная воля не может и не должна быть обоготворена. Недопустимо воздавание божеских почестей человеческой воле. Поклоняться можно великому в человеке, ценному в нем, его святости и гениальности, его высоте, а не просто человеку, не всякому человеку и не механическому сложению людей. И потому вся задача в том, чтобы выявить высокую народную волю, вдохновенную высокими ценностями, склоняющуюся перед святынями.

Мне представляется второстепенным вопрос о том, нужно ли отложить Учредительное собрание. И это не может нравственно импонировать, когда борьба за отсрочку Учредительного собрания связывается с какими-либо интересами. Пора уже смотреть на все это с более глубокой, внутренней точки зрения. Мы должны прежде всего и больше всего желать, чтобы была создана здоровая духовная атмосфера для выражения воли народа, были найдены условия, благоприятные повышению этой воли в ее качественности, в ее ценности. А для этого необходимо пробудить свет в народной душе и освободиться от рабствования греховным инстинктам и соблазнам. Во всех слоях, во всех классах русского народа должна явиться жажда искупления, чувство вины должно

победить чувство притязаний. И это чувство вины должно быть особенно сильно у классов, господствовавших в прошлом. Но с христианской точки зрения из него никак не могут быть изъяты и те, которые ныне притязают на господство. Мало надежды на то, что духовное оздоровление народа совершится мирным эволюционным путем. По всему видно, что лишь катастрофы оздоровят душу народа. Лишь тяжелые испытания и трагические опытные проверки ложных идей пробудят лучшее сознание. Рациональными доводами нельзя убедить в высшей жизненной правде. И прежде всего следовало бы перестать придавать абсолютное значение такой условной и относительной вещи, как Учредительное собрание. Для многих теперь Учредительное собрание есть тот барин, который приедет и всех рассудит. Но нельзя так уж возлагаться на барина, который может быть и добрым, и злым. Учредительное собрание само по себе есть лишь пустая форма, которую можно наполнить любым содержанием, как добрым, так и злым. И все силы должны быть направлены на добытие этого доброго содержания... Не формальная воля народа дорога нам, а воля к добру. Мы ищем могущественного выражения доброй, ценной, высокой воли народа.

Когда человек психически расстроенный делает духовное завещание, то это акт нравственно и юридически ничтожный. Духовное завещание требует вменяемости того, кто его совершает. В Учредительном собрании русский народ будет делать духовное завещание поколениям грядущим. Для этого в высшей степени ответственного акта он должен быть душевно здоров и вменяем. И есть основания опасаться, что душевной болезнью народа и его невменяемостью хотят воспользоваться для подделки и фальсификации духовного завещания. Наше поколение в настроении данного часа не может решать судьбы России, узурпируя волю поколений прошедших и поколений грядущих. Народ в состоянии здоровья и вменяемости должен решать судьбу России не по произволу своей воли, отдавшей ее во власть мгновенных настроений, а по согласию своей воли с историческим существованием в великом прошлом и великом будущем. Народ не есть механическая масса нынешнего дня истории, он есть соборная личность, живущая тысячелетие. И лишь такая соборная воля, сознающая преемственную связь времен, не будет фальсифицирована, не будет подменой великого целого ничтожной частью. В России происходит духовная борьба тех, которые верят в объективное, абсолютное добро и правду и хотят их торжества, с теми, которые верят лишь в благо личности и в интересы человеческой массы и хотят их торжества. И по сравнению с этим основным религиозным противоположением все остальные противоположения, связанные с борьбой интересов, неважны и несущественны.

«Народоправство», № 14, с. 4-6, 30 октября 1917 г.

Власть и психология интеллигенции ¹³¹

I

Вот уже несколько месяцев, как Россия поставлена перед неразрешимой задачей – создать сильную государственную власть из человеческого материала, совершенно непригодного для властвования и определения судеб государства, по всему своему прошлому, по душевному своему укладу не призванного к власти и господству в государстве. По мере «развития» революции власть постепенно перешла к русской революционной интеллигенции, к русским социалистам-революционерам и социал-демократам, т. е. к людям, которым и во сне никогда не снилось, что они могут быть у власти, все мирозерцание и вся психология которых отрицает самый принцип власти. Попасть прямо из подполья в министры – дело нелегкое, можно с ума сойти. У русской социалистической интеллигенции не было ни одного чувства, ни одной мысли, которые подготовляли бы ее к власти. Русская революционно-социалистическая интеллигенция кристаллизовалась в особую расу, в особую породу людей, которую можно узнать даже по физическому облику, и раса эта не может господствовать. Ее господствование и властвование есть антропологическая, психологическая и моральная нелепость. Эта порода людей не может создать такого эстетического стиля власти, который не был бы

отталкивающим. Кричащее бессилие не только эстетически отталкивает, – эта эстетическая неприемлемость является также мерилем духовной негодности и неправды. Всей кровью своей, всеми мыслями своими наша революционная интеллигенция всегда отрицала власть, и борьба с самодержавной властью перешла у нее в отрицание государства, нации, истории. Революционная интеллигенция жила утопиями и мечтами о совершенном социальном строе. В то блаженное время, когда наступит этот строй, предполагалось отсутствие всякой власти, ибо всякая власть от лукавого. До этого же вождя мгноновения должна быть непримиримая оппозиция всякой власти, нужна перманентная революция. Абсолютизация революционной психологии делает невозможным участие во власти. Русский революционер не представляет себе возможным участие во власти до осуществления социализма, осуществление же социализма он представлял себе как окончательное блаженное преодоление всякой власти, всякой государственности. Власть для него была или слишком преждевременной, или слишком запоздалой. Он привык переносить религиозную абсолютность на жизнь общественную, где все относительно. И это извращение религиозного чувства не только не укрепляло нравственно, но вело к нравственному извращению и вырождению. Душа русской интеллигенции попала во власть ложных богов и идолов.

Никакие положительные навыки общественного и государственного строительства не предшествовали у русской интеллигенции ее внезапному и катастрофическому появлению у власти. Интеллигенция привыкла чувствовать себя оторванной от родины, от ее истории, от заветов предков, от государственного и народного целого. Никогда не раскрывалась перед ее взором историческая ширь и никогда не была направлена ее воля на творческие задачи. Психология ее была узко кружковая, душная и затхлая. Этот интеллигентский мир был совершенно замкнутый мир, живущий своими глубоко провинциальными интересами, своими партийными счетами, говоривший на своем уродливом жаргоне, противопоставляющий себя вселенской, исторической шире. Это был сектантский мирок со всеми особенностями сектантской психологии. Ему чужд был язык национальный и язык общечеловеческий. Сектант не способен мыслить великое целое и направлять свою волю на это целое, этим он отличается от человека церковного, чувствующего себя во вселенском целом. Сектантская психология революционной интеллигенции привела к крайней упрощенности мышления. Вся сложность жизни ускользала от ее взора, видна была лишь одна прямая линия, весь многообразный Божий мир делился на «правый» и «левый». Психология этого интеллигентского сектантства никогда не была творческой и производительной, она была целиком охвачена жадной разделом и распределением. Интеллигенты-сектанты никогда не хотели признавать никаких объективных начал общественной жизни, это им представлялось «буржуазным». Судьба государства и общества отдавалась ими во власть человеческой субъективности, все объяснялось злой или доброй волей людей и классов. Космические, природные основы человеческого общества всегда оставались непонятными и неприемлемыми для интеллигентского сектантства. Ничем не ограниченный субъективный морализм на практике приводил к безнравственному насилию над объективной природой общества и государства, к безнравственному отрицанию принципов, стоящих выше субъективного произвола людей и субъективного их блага. Это был морализм подполья и отщепенства, для которого не существует великой тайны целого национального и мирового, не существует круговой поруки и ответственности. И вот стихийная историческая волна возносит на вершину власти сектантов, привыкших жить в подполье, в отщеплении от национального целого и отрицать государство, отечество, историческую преемственность.

II

Вся революционная история русской интеллигенции приучила ее к безответственности. Она никогда не призывалась к ответственным делам в русской истории. Ответственность за несчастную судьбу России, за все зло русской жизни привыкла интеллигенция возлагать на «них», на власть, противопоставляемую народу, но

никогда на себя. Ссылки, тюрьмы и казни нравственно укрепляли чувство безответственности. Несчастливая русская интеллигенция привыкла к гонимому положению и во всем считает виновными своих гонителей. Тот, кто не призван к строительству жизни, кто выброшен за борт, тот лишен возможности развить и укрепить в себе чувство ответственности. Интеллигенция привыкла исповедовать самые безответственные теории и утопии, которые никогда не проверялись на жизненном опыте. В своем замкнутом мире интеллигенция изживала самые крайние учения, но никогда серьезно не готовила себя к жизненной проверке этих учений. За несколько дней до переворота представители революционной интеллигенции и не помышляли, что им выпадет на долю взять на себя ответственность за судьбу великого государства. И после того как произошел переворот, когда пали все преграды на путях демократии, революционная демократия отнеслась к Временному правительству первого состава почти так же, как относилась к старому правительству, она перенесла свои старые навыки в новую Россию. От подпольной и отщепенской революционной психологии она отказаться не могла. Профессиональные революционеры продолжали делать революцию и тогда, когда уже не против кого и незачем ее было делать. Безответственная революционная оппозиция была целиком перенесена и в освобожденную Россию. И нужно прямо сказать, что русская революционная интеллигенция есть, быть может, самое инертное и самое реакционное наследие, полученное новой Россией от России старой – она живет в старом, дышит старыми, отрицательными чувствами, она неспособна проникнуться творческой психологией. Это – порода людей, органически неспособная к строительству новой жизни.

Люди эти начали с того, что совершили величайшее преступление – бросили в темные народные массы семена классовой злобы и ненависти и довели дело восстания класса на класс до чудовищных размеров, угрожающих смертью государству и нации и превращающих русскую жизнь в ад. Потом люди эти сами испугались дела своих рук, они вкусили горькие плоды своей разрушительной работы и спешно начали проходить элементарную школу государственного и национального воспитания, и некоторые из них по складам стали произносить слово отечество. Получив власть, они начали безуспешно исправлять некоторые свои ошибки, например, пытались возродить армию, но наряду с этим делали все новые и новые ошибки. Русская социалистическая интеллигенция подверглась опасности быть сметенной ею же самой разнузданной народной стихией. Революционная интеллигенция сама же начала разрушать освобожденную, новую Россию и, став у власти, бессильно пытается исправить последствия своего разрушения. Не творческие, а разрушительные дела привели русских социалистов к власти, и путь этот породил трагическое бессилие власти. Ткань души этих людей такова, что они не могут властвовать. Власть – не интеллигентское дело. Когда интеллигенты-революционеры перестали быть гонимыми и превратились в гонителей, у них обнаружилась черта ужасного нравственного неблагообразия. Они не способны достойно нести бремя власти, ибо прежде всего понимают власть, как право, а не как обязанность. Для того чтобы достойно властвовать, нужно отказаться от революционной психологии, нужно приобщиться к тайне целого и тайне преемственности. «Революционная власть», как и «революционный порядок», – нелепое словосочетание. Попытки создать «революционную власть», опираясь на революционную психологию, в течение нескольких месяцев уподобили атмосферу, в которой действует правительственная власть, бедлам и породили явления нравственного безобразия. После того как произошел революционный переворот, нужно было организовать в России новый порядок жизни, приступить к строительству и творчеству. Вместо этого здорового пути – пути национального возрождения – у нас продолжили революцию до бесконечности, стали на путь разрушения и не в силах были отказаться от старой революционной психологии, порожденной гнетом и братством. Революционная демократия не может властвовать, это – старая, а не новая демократия. Строителем жизни, строителем новой России может быть лишь демократия

нового душевного типа, с развитым чувством ответственности, с развитым инстинктом производительности, с крепким сознанием национального и государственного целого и связи с историческим прошлым, т. е. творческая национальная демократия. Демократия должна создать аристократию, т. е. подбор лучших. Революционная же демократия, которая есть революционная интеллигенция, с русской революцией кончает свою историю.

III

Наши социалисты разом и борются за власть, всеми способами дискредитируют власть «буржуазную», и боятся власти, не хотят взять на себя полноту ответственности. Не потерявшие стыдливости и совестливости русские социалисты чувствуют себя неловко оттого, что в революции, которую сами же они называют «буржуазной», главенствуют социалисты, а буржуазия утеснена и в загоне. Это – парадокс русской революции, который беспокоит русских социалистов, еще не окончательно лишенных чувства ответственности. Социалистический строй не может быть сейчас введен в России, стране промышленно отсталой, бедной и некультурной, с рабочим классом непросвещенным и неорганизованным, при несомненном социальном антагонизме крестьян и рабочих. Да и социалистический строй есть абстракция, конкретны лишь многообразные социальные реформы. Радикальные социалистические эксперименты отбрасывают сейчас Россию назад, разлагают ее. И вот социалисты требуют участия буржуазных элементов в организации власти, не могут без них делать «буржуазной» революции, но они нужны им только как ширмы, чтобы переложить со своих плеч непомерное чувство ответственности. Как только коалиция устраивается, социалистические элементы требуют, чтобы буржуазные элементы целиком исполняли их программу. Таково же было отношение старой власти к либеральным элементам русского общества: в опасные минуты их готовы были призвать, но с тем, чтобы сохранить в неприкосновенности старый режим. Социалистическое засилье натворило много бед и ведет Россию к великому позору, но социалисты не хотят принять целиком на себя ответственность за эти беды и этот позор. Революционная демократия боится полноты власти, полноты ответственности, и не хочет поступиться той властью, которая неожиданно выпала на ее долю.

Со страхом вскарабкались представители социалистической интеллигенции на вершину власти. Их собственные крики против буржуазии поставили их в трагическое положение. Они нравственно пали на высоте. Эти люди нравственно могли переживать гонения, но не могут нравственно переживать господство. Не царственная течет в них кровь, не к расе властителей принадлежат они. Русская социалистическая интеллигенция у власти есть явление трагикомического бессилия. Она не может создать эстетического стиля власти и обречена на нравственное неблагообразие и падение. Человек, попавший в слишком несвойственное и неподходящее ему положение, бывает бессилён, не эстетичен и с трудом остается на нравственной высоте. История подстроила ловушку русской социалистической интеллигенции, и за экстатические мгновения силы и славы ей предстоит тяжелая расплата. Для меня совершенно ясно, что пребывание у власти русской революционной интеллигенции и те эксперименты, которые она делает над несчастной Россией, есть ее конец, ее могила, есть демонстрация лжи ее основных идей и принципов. У нас слишком берут всерьез ныне господствующий русский социализм, слишком им напуганы и подавлены. Это – ложная перспектива. Все это засилье «революционной демократии» и есть лишь выражение русского хаоса и русской тьмы. Это призраки и миражи русской жизни. В русской революции слишком много нереального, много декораций, которые могут быть сняты в несколько минут, и театральных представлений, в которых действуют совсем не реальные персонажи. Подлинные реальности прикрыты, и реальное соотношение сил совсем не таково, как это кажется на поверхности. У нас был создан миф о большевиках, и миф этот принял видимость реальности, но и большевики трясутся от страха контрреволюции и возвращения старых господ, и они принадлежат к расе, не призванной долго господствовать. Мгновение их господства будет призрачным,

одним из кошмаров больной души русского народа, не более. Раньше или позже в России должна быть реальная, крепкая, национальная государственная власть. Эта власть может быть разной по своей окраске, но она не может быть властью революционной интеллигенции – породы, обреченной на вымирание. Будет власть новой, более сильной и цельной породы, не изъеденной старыми болезнями, не обессиленной нравственной рефлексией, способной к выполнению сурового долга. Не могут быть у власти те, которые еще накануне не знали, допустима ли война и оправдана ли защита отечества, сомневались, можно ли мерами принуждения поддерживать в стране порядок и предотвращать анархию, по-гамлетовски рефлексировали над отталкивающей суровостью всякого государственного бытия. Грядущая русская демократия, если она и будет, ничего общего не будет иметь с тем, что сейчас называют «революционной демократией». И если у нас будет здоровое социалистическое движение, то оно ничего общего не будет иметь с русским революционным социализмом, ныне справляющим свои оргии. Россия должна найти в себе расу людей, способных к власти, новую аристократию.

«Русская мысль», январь-февраль 1918 г.

Глава V. Революция и духовная жизнь

Свободная церковь и собор

I

Русский народ всегда чувствовал себя народом христианским. Многие русские мыслители и художники склонны были даже считать его народом христианским по преимуществу. Славянофилы думали, что русский народ живет православной верой, которая есть единственная истинная вера, заключающая в себе полноту истины. Тютчев пел про Россию:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Достоевский проповедовал, что русский народ – народ богоносец. Лучшие русские люди верили, что в скрытой глубине русской народной жизни таятся возможности высших религиозных откровений. Но вот грянула революция и привела в бурное движение необъятное море народной жизни. Народ, безмолвствовавший тысячу лет, захотел, наконец, выговориться.

И вот, прислушиваясь к многоголосью народному в разбушевавшейся стихии революции, приходится признать, что имени Христова не слышно в этом гуле. Не во имя Христа совершилась революция, и не христианская любовь направляет ее течение. Все попытки превратить нашу национальную революцию в социальную были движимы дошедшей до озлобления жадной равенства, понятого механически и материалистически, но в них менее всего чувствовался дух христианского братства. Революция обнаружила духовную опустошенность в русском народе. И опустошенность эта есть результат слишком застарелого рабства, слишком далеко зашедшего процесса разложения в старом строе, слишком долгого паралича русской церкви и нравственного падения церковной власти. Долгое время вытраивалась святыня из народной души и справа, и слева, и это подготовило то циническое отношение к святыням, которое ныне обнаруживается во всем своем безобразии. Революции хороши тем, что они выявляют истинное положение, свергают всякую условную и лицемерную ложь. Для уничтожения старой лжи и гнили значение революции будет велико.

Революция ударила по церкви и разрушила старую связь церкви и государства. Внешне в строе церковном все пришло в движение. Русская церковь должна перестроиться снизу доверху. Но в стихийном нарастании революции церковное движение оказалось совершенно затерянным. Церковного голоса не слышно в гуле революции. В дни великой опасности для России православная церковь не играет той роли, какую играла в прежнее время, когда св. Сергий Радонежский спасал родину и

направлял ее духовно. Есть основание опасаться, что подобно тому, как до переворота церковь была принижена перед старым самодержавным государством, она будет принижена и перед новым демократическим государством. Но в дни, когда Россия и весь мир переживает небывалые катастрофы, когда все в мире стало зыбким и колеблющимся, христиане не могут не желать, чтобы был услышан голос Свободной Церкви Христовой. Свободная церковь есть прежде всего церковь, независимая от власти государства и от всякой стихии этого мира. Она в себе самой черпает источник своих откровений, она получает свою свободу от главы своего Христа. Не может церковь получить свободу от революций и изменений, происходящих в государстве, не может свобода церкви родиться от демократического строя. И если в старой связи церкви и государства нарушено было заповеданное Христом отношение между «божьим» и «кесаревым», то это было внутренним падением церковного народа, церковного человечества, его соблазном и порабощением «миру сему». Церковь в своей внутренней святине, которую не одолеют врата адовы, не может быть порабощена. Она сама есть источник благодатной свободы, она ограничивает то всевластье государства, перед которым склонился мир языческий, и охраняет бесконечную природу и бесконечные права человеческой души. Только христианство признает бесконечность человеческого духа и его несоизмеримость ни с какими царствами этого мира. Но церковь есть богочеловеческий организм, и человеческая воля церковного народа может соблазняться всеми искушениями, может отпадать и рабствовать. Русский церковный народ, находившийся под духовным воздействием Византии, прошел через большие искушения, он воздал «божьему» – «кесарю». Автокефальность русской церкви означала возглавление ее царем. На этом пути церковный народ в России утерятил всякое самостоятельное значение в жизни своей церкви. Соборное начало осталось в голове таких идеологов православия, как славянофилы, но оно отсутствовало в самой церковной действительности. И церковный народ, и церковная иерархия привыкли к приниженной пассивности, вся активность была возложена на органы государства. И задачу наших дней для жизни церкви нужно видеть прежде всего в том, что самый церковный народ и церковная иерархия ныне призываются к активности и самодеятельности во всем (между прочим и в деле религиозного воспитания). Нельзя уже рассчитывать, что дело христианства на земле сделает за православных христиан кто-то другой, какая-то опекающая и покровительствующая власть.

II

Внешний строй русской церкви, которая была самой большой и самой сильной частью Восточной православной церкви, держался своей связью с царской властью. Падение «священного русского царства» означает новый период в истории Восточной церкви. Кончилась византийская идея. Церковный народ освободился от одного из соблазнов, от рабства у «кесаря», и ему дана свобода выбора дальнейшего пути. Внешнее единство Восточной церкви ничем уже не держится. И это есть огромное испытание духовных сил церковного народа. Отныне Восточная церковь может держаться лишь внутренним единством, лишь возрожденной церковной силой и крепостью. И именно потому должна пробудиться церковная воля к восстановлению вселенского единства церкви. Падение русского самодержавия облегчит движение к соединению церквей. Но движение это нужно прежде всего мыслить не как внешнюю унию, а как внутреннее обращение двух половин христианского человечества друг к другу с любовью, не отказываясь от своеобразного опыта каждой из половин. Вполне свободной может быть лишь Единая Вселенская Церковь, не прикованная к государствам и нациям, не зависящая от власти национальных государств. Всякое разделение в церкви есть уже частичная утрата свободы. Автокефальность русской церкви и была источником ее несвободы. Соблазн папоцезаризма в Западной католической церкви был таким же разделением и таким же рабством, как и соблазн цезарепапизма на Востоке. Но ошибочно было бы думать, что протестантизм был движением к свободе церкви. Лютеранская реформация по последствиям своим подчинила церковь принципу территориальности и отдала ее во

власть князей. Всякий уклон к протестантизму есть разделение в церкви, распадение ее и утрата ее свободы. Русский синодальный строй был внесением в православную церковь протестантских начал, заимствованных из Германии, он представлял собой обмирщение церкви. Лучшие православные люди относились с презрением к синодальному строю, считали его неканоническим и искали духовного авторитета православной церкви в старчестве. Церковное управление было навязано старой государственной властью и разделяет ее судьбу. Св. Синод в последний период своего существования подвергся тому же разложению, что и бюрократия, в нем была та же гниль, что и в государственной власти. Князья церкви находились в рабстве у Григория Распутина. Он определял в значительной степени тот состав Св. Синода, с которым встретилось временное революционное правительство. Перед первым революционным обер-прокурором встала задача развязать старые отношения церкви и государства, снять с церкви оковы, освободить церковный строй от того, что ему было навязано старой властью. С этой точки зрения несколько насильственные действия обер-прокурора по отношению к старому составу Св. Синода и высшей церковной иерархии могут быть оправданы, хотя в будущем обер-прокурор не должен играть никакой церковной роли и превратится в министра исповеданий. В первые революционные моменты защита свободы и достоинства церкви и церковной власти не могла быть защитой старого состава Св. Синода, который не был избран церковно, который целиком навязан церкви разлагающейся государственной властью. Первый пореволюционный период церковной жизни оказался окрашенным в бюрократический цвет нового стиля, и это было неотвратимым последствием старых грехов. Тело церкви давно уже больно, давно уже находится в нестроении, и революция лишь выявила истинное положение, сбросила лицемерную ложь. Клерикально-классовая точка зрения не может быть защитой свободы церкви, она сама находится в плену у царства кесаря и добивается земных выгод. Не следует забывать, что русская церковь пережила длительный период упадка и угашения духа. Церковный народ безмолвствовал и бездействовал. Много религиозной энергии рассеялось по сектам и было направлено на борьбу против церкви и заключенной в ней полноты. Душа народная была в смятении и соблазнилась о нравственном падении церковной иерархии, о духовном вырождении «официальной» церкви. Такое религиозное состояние народа ставит большие духовные затруднения на пути церковного возрождения. И нужно ждать, что великие жизненные испытания и потрясения приведут народ русский к религиозному самоуглублению.

III

Давно уже надежды на обновление нашей церкви связывают с созывом Поместного церковного собора. В православной церкви должно быть восстановлено соборное начало. Старая власть боялась собора, и созыв его сделался возможен лишь после переворота. Церковь должна себя перестроить на выборных, демократических началах. Отныне в церкви не может быть терпимо ничто, навязанное ей извне. Но ошибочно было бы принять восстановление соборного начала и демократизацию церковного строя за церковное творчество и церковное возрождение. Один из соблазнов, подстерегающих нашу церковную жизнь, – это смешение религии с политикой. Правое и левое политиканство в церкви одинаково пагубны. Переход к политической или социальной демократии не есть религиозное движение, и для церковного возрождения он сам по себе ничего не может дать. Настоящее церковное возрождение может идти лишь изнутри, из глубины, от дыхания нового духа. Творческое религиозное движение начнется лишь тогда, когда народ углубится внутрь себя, перестанет жить внешним. Тогда самобытное религиозное и церковное движение внесет в политику и общественность высшую правду, которой в них нет. Пока же в революционном движении Бог забыт, и от такого движения безумно ждать религиозного возрождения. Человек выброшен на поверхность. Не следует слишком многого ждать и от Поместного собора. Вряд ли возможно в церковном соборе большее количество религиозной энергии, чем та, которая существует в церковном народе. Как это ни печально, но нужно признать, что церковному собору не

предшествовало никакого церковного движения снизу, никакого накопления творческой духовной энергии в народе. Спешное созвание собора вызвано внешней необходимостью перестроить русскую церковь и предотвратить возможность ее развала. Собор должен будет определить отношение церкви к государству, решить целый ряд вопросов церковного быта. Собор прежде всего должен укрепить положение церкви в разбушевавшейся стихии, все сметающей в своем бурном движении, он должен поставить церковь в положение независимое от изменчивых стихий революции и реакций, т. е. выявить Свободную Церковь, подчиненную лишь главе своему Христу, которую и не поработят уже никакие изменения в судьбах государства.

Но опасности и соблазны подстерегают с разных сторон. С одной стороны, возможен уклон к протестантизму, к реформации лютеровского типа. С другой стороны, возможно возникновение клерикального политического течения, которое будет вести классовую борьбу в церкви и через церковь. И та и другая опасность отклоняют от путей Свободной Церкви, Единой и Вселенской. И в том, и в другом течении церковь будет в ложном сцеплении с политикой и государством. Через все опасности должен быть проведен и сохранен внутренний иерархизм церкви, который и есть истинная свобода и независимость от мира. Только свободная и сохраняющая свою иерархическую преемственность церковь будет духовной крепостью, в которой можно защититься от внутренних и внешних соблазнов. Сектантские уклоны всегда бывают бесплодной растратой религиозной энергии. И нельзя не желать всей душой, чтобы религиозная энергия сектантства была возвращена церкви. Истинный путь Свободной Церкви пролегает одинаково далеко и от инертного и фарисейского консерватизма, препятствующего всякому творческому религиозному движению, и от разрушительного революционизма, направленного против внутреннего иерархического лада церкви.

Свободная церковь в новом русском государстве должна действовать как внутренняя духовная сила и делать государство изнутри, а не извне христианским. Принудительное христианское государство есть лицемерная ложь. Но признание этой отрицательной истины не означает отказа от права и обязанности христианского народа налагать христианскую печать на свое государство. Поскольку русский народ останется христианским народом, он не может не желать, чтобы церковь занимала в его государстве особенное место, он не может приравнять ее к частным обществам. Церковная свобода в христианстве соединяется с религиозной свободой. Но религиозная свобода, свобода совести для христианина не есть формальная и бессодержательная свобода, она есть истина самой христианской религии как религии свободы. Только безрелигиозные и враждебные христианству люди могут утверждать, что религия есть частное дело отдельного человека. Нет, религия есть дело вселенское, есть полнота всего. Полное отделение церкви от государства, как того требуют либеральные и социалистические доктринеры, нежелательно и невозможно. Во Франции оно приняло форму гонения против церкви. В принципе должно быть разделение «божьего» и «кесарева», и «божье» должно быть совершенно свободно от всяких посягательств «кесарева». Но «божье» действует в «кесаревом», изнутри, через церковный народ, в котором должна быть цельность духа. Истинная церковь есть соединение свободы с единством. Русский Поместный собор есть лишь момент во вселенском церковном движении, которое должно начаться в мире и соединить все силы христианства для борьбы с силами антихристианскими, которые нарастают в мире.

«Народоправство», № 7, с. 4-6, 21 августа 1917 г.

О свободе и достоинстве слова

I

Когда с пафосом говорят о завоеваниях свобод революцией, то прежде всего должны были бы иметь в виду те права человека, которые не могут быть от него отняты ни во имя каких благ земных. Но об этих священных и неотъемлемых правах человека менее всего у нас думают и менее всего заботятся. Пафоса свободы человека нет в стихии русской

революции. Есть большие основания думать, что русские не любят свободы и не дорожат свободой. Наша так называемая «революционная демократия» одержима страстью к равенству, какой еще не видел мир, под свободой же она понимает право насилия над соседями во имя своих интересов, произвол во всеобщем уравнении. Во имя равенства она готова у нас истребить какую угодно свободу. И нравственный источник отрицания прав, гарантирующих свободу, нужно искать в слабости сознания обязанности и в неразвитости личного достоинства. Права человека предполагают прежде всего обязанности человека. Без сознания обязанности хранить священное право ближнего ни о каких правах нельзя серьезно говорить, все права будут раздавлены. Но русское революционное сознание исконно отрицает обязанности человека, оно стоит исключительно на притязаниях человека. И тот, в ком притязания и требования сильнее обязанности и долга, тот нравственно теряет свои права, тот нравственно хоронит свою свободу. В русском революционно-демократическом душевном облике совершенно померкло чувство вины, свойственное детям Божиим, и заменилось чувством бесконечных притязаний, свойственным детям мира сего. Всякое сознание обязанностей померкло в той стихии, которая ныне господствует в России, и потому над правами человека совершаются непрерывные надругательства. В гарантии прав человека самое важное – не претензии того, кто имеет право, а обязанности того, кто должен уважать эти права и не посягать на них.

Русская революционная демократия видит самые ценные завоевания революции во всеобщем избирательном праве, в Учредительном собрании, в развитии классовой борьбы, в демократизации и социализации общества, но не видит их в правах человека, в свободных правах человека. Да это и не удивительно. Революционной демократии совершенно чуждо духовное понимание свободы, и она готова продать свободу, связанную с первородством человека, за чечевичную похлебку интересов. И никаких реальных и существенных прав и свобод человека русская революция нам не дала. У нас нет своего *habeas corpus*. Наоборот, по мере того как «развивалась» и «углублялась» революция, все более торжествовало насилие над всяким человеческим правом и всякой человеческой свободой. И прежде всего оказалось раздавленным самое священное из прав человека, самая священная из свобод – свобода слова. Мы переживаем период самого страшного рабства слова и рабства мысли. В наши кошмарные дни мало кто решается свободно и независимо мыслить, свободно и независимо выражать свои мысли в слове. Наша печать в тисках; она находится в состоянии подавленности, ей приходится держаться условной лжи, навязанной господствующими силами. Прежде приходилось много условной лжи говорить об «Его Величестве Государе Императоре», теперь не меньшее количество условной лжи приходится говорить об ее величестве революционной демократии. И никто не решается сказать, что король гол (как в сказке Андерсена). На улицах и площадях мало кто решается громко высказывать свои мысли и чувства, все боязливо оглядываются на товарищей по соседству. Русские люди так же начинают говорить шепотом, как в самые худшие времена старого режима. И нужно прямо и громко сказать, что свобода мысли и свобода слова сейчас находится в большей опасности, чем при старом режиме. Тогда за свободное слово сажали в тюрьмы и ссылали в Сибирь, теперь могут разорвать на части и убить. Тогда, при старом гнете, свободная мысль работала и радикально критиковала господствовавшие силы, нравственно протестовала против гнета и целое столетие подрывала нравственный престиж той силы, которая лишала людей прав и свобод. Общественное мнение было против самых первооснов старой тирании и всегда выражало это, хотя и эзоповым языком. Теперь общественная мысль сделалась менее свободной. Мало кто решается восстать против первооснов современного гнета и изобличить нравственное безобразие нынешней тирании. Тирания толпы страшнее, чем тирания одного или нескольких. Русская мысль находится в тяжелом плену. Общественное мнение парализовано, оно лишилось нравственного центра. Не звучит свободный, независимый, возвышающийся над борьбой интересов, над

разъярением стихий голос национальной совести, национального разума, мысли-слова (логоса).

II

Много критикуют у нас тактику революционной демократии, призывают к единению и коалиции, но нравственно капитулируют перед той стихией, которая порождает тиранию, которая насилует мысль и слово. Слишком уж все взваливают на большевиков, которые стали условной мишенью, в то время как зло не только в них и не только они губят свободу в России. Зло распространено шире и источники его глубже. Интеллигенция наша исповедовала рабское мирозерцание, она отрицала самые истоки свободы – духовную природу человека, богосыновство человека. Народ же слишком долго жил в рабстве и тьме. И самые священные права человека, оправданные его бесконечной духовной природой, оказались отданными во власть количественной человеческой массы, на растерзание толпы. Если судьбу свободы слова вручить утилитарным интересам и расчетам, то в нынешний день признают лишь права того слова, которое служит революционной демократии, но отвергнут и изнасилуют права слова, которое будет служить иным целям, более высоким и глубоким целям. На этой зыбкой почве лишь слова, льстящие интересам и инстинктам масс, получают безграничную свободу. Все же иные слова, звучащие из бóльшей глубины, заподозриваются и насилуются. Отвратительный шантаж с обвинениями в контрреволюции ведет к тиранической расправе со свободой мысли и слова, с неприкосновенностью личности. Нужно наконец властно заявить, что истинная свобода слова в России предполагает возможность высказываться всем, даже тем, которые являются сторонниками монархии. Если свобода слова будет дана исключительно сторонникам демократической республики, то она будет не бóльшей, а меньшей, чем при старом режиме, – тогда была безграничная свобода для слов, произносимых в направлении противоположном. А в свободной России хотят ограничить свободу слова лишь одним направлением! Да и предполагалось, что Учредительное собрание, т. е. суверенный народ, решит, быть ли в России республиканскому или монархическому строю, и что, следовательно, самые разномыслящие слои могут к нему свободно готовиться. Но монархических убеждений никто у нас не смеет свободно высказывать, это было бы небезопасно, свобода и права таких людей не были бы гарантированы. И это есть нравственная ложь, порождающая тиранию. Республиканцы, достойные этого имени, должны были бы давать всем большую свободу, чем монархисты. Нужно лишить нравственного права говорить о свободе тех, которые признают свободу лишь для себя и для своих.

Самочинные рабочие и солдатские организации совершают уже полгода надругательство над правами человека, они живут отрицанием свободы. Нельзя отрицать не только права, но и обязанности рабочих организовываться для отстаивания своих насущных интересов и для увеличения своего социального значения. Но у нас Советы с самого начала революции вступили на путь классовой диктатуры, своеобразной монархической диктатуры, и это превратилось в истребление свободы в России. Надругательство над свободой и достоинством слова достигло своего крайнего выражения, когда разыгралась корниловская трагедия. Сразу же тьма объяла русское общество, и никто не смел пикнуть. Печать была терроризована и вела себя без достаточного достоинства, она не решалась потребовать прежде всего выяснения правды и приняла условную правительственную ложь о «мятеже» генерала Корнилова. Начался сыск, и над Россией навис страшный призрак красного террора, самочинной расправы над подозреваемыми в сочувствии ген. Корнилову. Испуг охватил несчастное русское общество, испуг еще больший, чем в самые страшные времена царизма. Испуг всегда бывает преувеличен, но он характерен для духовной атмосферы русской революции. В русском обществе началось нравственное угнетение. Со страхом шептались о провокации, породившей корниловскую трагедию. Права свободно защищать генерала Корнилова, военного героя, страстного патриота и несомненного демократа, не было дано. И лишь

постепенно проникли в печать разоблачения, пролившие свет на эту темную и роковую историю. Но эти кошмарные дни окончательно обнаружили у нас отсутствие свободы слова, приниженность мысли, подавленность духа. Ход революции развил у нас трусость.

III

Нужно громко кричать о том, что в революционной России свободы слова, свободы печати, свободы мысли не существует, ее еще меньше, чем в старой, самодержавной России. Революционная демократическая общественность лучше читает в сердцах и требует большего единообразия в мыслях, чем дореволюционная, реакционная власть, слишком равнодушная ко всякой общественной мысли и неспособная в ней разобраться. Цензура революционной демократической общественности более всеобщая и всепроникающая, чем наша старая цензура. И нужно сказать, что цензура разбушевавшейся массы народной всегда страшнее, чем цензура правительственной власти, от которой многое ускользает. Когда сам народ посягает на свободу мысли и слова, посягательство это более страшное и гнетущее, чем посягательство правительственной власти, – от него некуда спастись. После революционного переворота пали цензурные оковы и уничтожена была даже необходимая во время войны военная цензура, но не было декларации прав свободы мысли и свободы слова, посягательства на которые есть преступление против человека и Бога. Разнузданность и распущенность слова не есть свобода. Эта разнузданность и распущенность загубила у нас свободу слова. Свобода и достоинство слова предполагает дисциплину слова, внутреннюю аскетику. Право свободы слова предполагает обязанности по отношению к слову. Всякая свобода предполагает дисциплину и аскетику и от разнуздания всегда погибает. Те разнузданные оргии слова, которые за эти месяцы практиковались в революционно-социалистической печати, уготовляли истребление всякой свободы слова. Разнузданность, распущенность и произвол истребляют свободу, свобода требует сохранения достоинства в человеке, блюдения чистоты, самоограничения. Развратное обращение со словом губит достоинство слова и порабощает. В революционной печати происходят оргии словесного разврата. Революционная фразеология выродилась в самый настоящий разврат. Не разврат ли все эти лживые крики о «контрреволюции», не разврат ли все эти лживые обещания быстрого наступления социального рая, не разврат ли все слова о святости революции, о святости интернационала и т. п.? Для завоевания свободы слова необходимо бороться против этого словесного разврата.

Русские писатели, сознающие свое призвание, свое достоинство и свою ответственность перед родиной, должны были бы требовать провозглашения гарантии свободы мысли и слова. Но это требование может нравственно импонировать лишь в устах тех писателей, которые блюдут высшее достоинство слова и мысли, которые истину и правду ставят выше каких-либо интересов. В эти революционные месяцы как бы померкли достоинство и значение русской литературы и русской свободной мысли. Слишком многие русские писатели оказались придавленными уличными криками о их «буржуазности», о «буржуазности» всех образованных, всех творцов культуры. У них не оказалось достаточной силы сопротивления перед разбушевавшейся стихией, они растерялись и сами начали произносить слова, не истекающие из глубины их существа. У слишком многих русских писателей не оказалось собственной идеи, которую они призваны вносить в жизнь народную, они ищут идеи у того самого народа, который находится во тьме и нуждается в свете. В России должно раздаться истинно свободное слово о том нравственном одичании и безобразии, до которого мы дошли, и слово это должно возвышаться над борьбой классов, групп и партий, борьбой за интересы и за власть, оно должно быть отражением Божественного Слова, на котором только и может быть обоснована святость свободного слова и свободной мысли, ныне поруганная и раздавленная. Это не есть вопрос политики, это – вопрос народной этики, вопрос религиозной совести народа. Народная совесть и народный разум должны иметь центр. И таким центром могут быть лишь носители высшей духовной культуры, свободные от

рабских оргий. Мы приходим к неизбежности возродить духовные основы нашей жизни и искать внутренних источников свободы. Чисто внешний путь влечет нас к гибели и рабству. Мы не хотим больше никакого рабства, ни старого, ни нового. Революционное насилие над свободой мысли и слова по существу несет в себе семя контрреволюции, оно есть наследие старого мракобесия и не может быть терпимо в свободной стране.

«Народоправство», № 11, с. 5-6, 7 октября 1917 г.

Духовные основы русского народа

I. Народ и культура

I

Русскому интеллигентному обществу, выброшенному за борт жизни в дни торжества его заветных идей и упований, предстоит многое переоценить после пережитых за последнее время катастроф. Слишком многие традиционные идеи и оценки не выдержали испытания жизни. И прежде всего должно быть пересмотрено и переоценено традиционное интеллигентское отношение к народу и культуре. Для русских радикально настроенных интеллигентных и полуинтеллигентных людей всегда была характерна с одной стороны вера в народ и поклонение народу, с другой стороны скептическое отношение к культуре и нелюбовь к культуре. В России никогда не было ничего от духа Возрождения, у русских не было творческой избыточности. Самые творческие русские люди творили не от избытка, не по свободному порыву, а от страдания и муки, с надрывом, с болезненной рефлексией, с недоверием к своему праву творить. Русские люди разных направлений верили, что народу естественно присуща мудрость, которой недостает им самим, и ждали дня освобождения народа, когда мудрость эта раскроется. Они мало верили в то, что есть мудрость в культуре и что только народ культурный, народ, поднявшийся на более высокий уровень развития, может раскрыть все заключенные в нем возможности. На этой почве происходила идеализация естественной народной тьмы, и это вело к преклонению перед количественной массой. Идеализация народной тьмы и поклонение трудящимся массам одинаково характерны и для русских народников, и для русских социал-демократов, и те и другие считают культурный слой «буржуазным» и потому находящимся во лжи и неправде. Морально такого рода оценки очень приближаются к толстовству – правду знают лишь трудящиеся физически. Уже для представителей умственного и духовного труда правда закрыта, они – привилегированные. Моральное осуждение разделения труда есть осуждение культуры, непринятие тех жертв, которыми она покупается. Нужно сказать, что марксизм впервые выступил в России как учение более культурное, чем старое народничество, он требовал более высокого интеллектуального уровня, восстал против идеализации русской отсталости. Но в дальнейшем марксизм подвергся у нас народническому перерождению, и русские марксисты также начали идеализировать тьму, если она связана с миром трудовым, и поносить культуру, как порождение мира цензового. Социал-демократическая идеология бескачественного труда во всем дает перевес количеству, отрицает значение способностей, образования, опыта, призвания и потому неизбежно становится во враждебное отношение к культуре. Устанавливается совершенно механическое равенство, независимо от качеств личности, от культурного уровня. Механический, материалистический социализм рассматривает человека как арифметическую единицу, как носителя известного количества труда, – для него не имеют значения качественные различия между людьми, для него не существует индивидуальностей с разным весом и разным значением в общественном организме. Физический труд дает преимущество уже фактической, количественной своей силой. И социализм устанавливает новую аристократию количества, аристократию физического труда. В условиях физического труда, по этому учению, лучше открывается истина и правда, чем в условиях духовного труда и творчества. Для социалистов-материалистов преимущество «народа» имеет материальную основу. Для религиозного народничества, например для толстовства, эта основа представляется религиозной. Но «народ», который

мыслится естественно близким к истине и правде, не есть великое целое, объемлющее все классы и все поколения, возвышающееся над всеми социальными категориями и перегородами, – «народ» этот есть простонародье, для одних преимущественно крестьяне, для других преимущественно рабочие, трудящиеся классы, противопоставляемые и классам имущим, и культурному слою. Русские люди все ждали, что «народ» этот в час своего освобождения от гнета скажет новое слово о новой жизни, обнаружит какую-то особенную правду. Культурный слой наш никогда не сознавал своего достоинства и своего истинного призвания, он почти стыдился своей культурности, не видел в ней истинного света, критериев истины и правды, он всегда искал этих критериев вовне, в темном, не зараженном грехом культуры «народе». Такова психология большей части русских писателей. Среди них трудно найти сознание высшего достоинства и призвания писателя, почти все они немного толстовцы. Болезненная рефлексия всегда разъедала русскую интеллигенцию, в ней никогда не чувствовалось мужественной силы, излучающей свет из внутреннего источника. В России в сущности никогда не было духовной аристократии, ощущающей призвание быть руководящей силой в народной жизни. В русском интеллигентном слое всегда было рефлектирующе-болезненное отношение к культуре, которая считалась зачатой в неправде и насилии. Толстовство – характерное явление русского духа. Почти все русские где-то в глубине души склоняются перед толстовскими моральными оценками как недостижимо высокими. Из того же морального источника истекает и то, что русский интеллигентный человек догматически уверен в правде и справедливости социализма, социализм для него не проблематичен в своей моральной основе.

II

Европейский человек поклоняется творческим культурным ценностям, вдохновлен ими, русский же человек поклоняется народу, вдохновлен служением народу. Это традиционное русское народопоклонство совсем не связано с культурой народа, с повышением качественного уровня народа, оно скорее противопоставляет народ культуре, как правду неправде. Русские интеллигентные люди в сущности всегда склонны думать, что культура «буржуазна» и что русским следует стать выше ее. Так думали и консерваторы-славянофилы, и революционеры-западники. То течение, которое идет от Герцена, всегда брало под подозрение культуру как порождение «буржуазности» и идеализировало мужицкое царство, поклонялось «народу». Крайний правый лагерь и крайний левый лагерь сходились в подозрительном и враждебном отношении к культуре, одинаково идеализировали непросветленную народную стихию. Большевизм вполне сошелся с черносотенством. В жизни политической это родство выражается в одинаково враждебном отношении к праву. Русский интеллигентный и культурный слой, очень тонкий и теряющийся в окружающей его тьме, в сущности капитулировал перед необъятным мужицким царством и бессильно склонился перед его притягивающей темной бездной. Идолопоклонство перед «народом» было недостатком мужества и изменой своей культурной миссии. Такая бессильная и рефлектирующая психология очень мешала культурному подъему народа, делу его просвещения. Не может нести свет во тьму тот, кто не уверен в собственном источнике света, кто не имеет в себе твердой духовной опоры и веры, независимой от окружающего его человеческого количества. Интеллигенция бессильна была дать народу просвещение, но она отравила народ полупросвещением, разрушившим народные святыни и льстившим самым темным народным инстинктам.

Наша революционная и радикальная интеллигенция в массе своей всегда была полупросвещенной и малокультурной. Она усомнилась в высшей культуре, не достигнув ее, не пережив ее. Русский способ преодоления культуры и утверждения русского народа как стоящего выше культуры не может особенно импонировать. В России со слишком большой легкостью преодолевают культуру те, которые ее не вкусили, которые не познали ее ценности и ее трудности. Русский гимназист сплошь и рядом считает себя

стоящим выше культуры, хотя он прочел всего несколько брошюр, ничего не знает и ничего не пережил. Совсем иной духовный вес имеет, когда преодолеть культуру, освободиться от ее тяжести и перейти к высшей жизни жаждет европейский человек, у которого каждая клетка проникнута священным преданием культуры. Это – трагический процесс. И это – очень серьезно. Русское же возвышение над культурой слишком часто бывает лишь варварством и нигилизмом. Русское отношение к культуре и есть исконный русский нигилизм, которому все слишком легко преодолеть, от всего слишком легко отказаться. Этот нигилизм глубоко заложен в русском народе и обнаруживается в ужасных формах, когда в народе падает вера и меркнут древние святыни под напором нахлынувшего на него полупросвещения. Тогда «народ» жестоко мстит «интеллигенции» за разрушение древних святынь отрицательным полупросвещением. Революционная интеллигенция не имела настоящей культуры и не несла ее в народ. Но она не имела и религиозной веры, она утратила жемчужину христианства и фанатически поверила в свое неверие, в целый ряд отрицательных догматов, которые представлялись непреложными полупросвещенному сознанию. Что же она могла дать народу? На историческом перевале, в самый ответственный час русской истории она разбудила в народе корыстные и злобные инстинкты, освятила эти инстинкты и потом сама испугалась своего нигилистического дела. Вот горький плод народопоклонства и вражды к культуре. Широкие круги радикальной и социалистической интеллигенции в эти дни ужасает то, что торжествующий большевизм отдает русскую культуру на погром и разграбление, что он отрицает литературу, отрицает духовный труд и выбрасывает за борт всю интеллигенцию, весь культурный слой. Но это не есть случайное злодеяние большевиков. Это – расплата за долгий путь. Все происходящее в эти темные дни имеет свое оправдание в народопоклонстве и нигилистическом отношении к культурным ценностям, которым грешили и те, кого ныне громят. Измена духовным основам жизни не может не караться, ее последствия необходимо изжить, чтобы возродиться к новой жизни.

III

Трагично для судьбы России и русского народа, что православное религиозное воспитание, полученное народом, недостаточно предохраняет от нигилизма и от буйства темных хаотических стихий. Русское православие создало образы ослепительной святости, оно воспитало в народе поклонение святости и святым, оно дало возможность многострадальному русскому народу смиренно нести свою тяжелую долю, оно открывало каждой душе человеческой путь спасения. Но русское православие не давало того закала личному и народному характеру для жизни исторической и для создания культуры, который на Западе давало католичество, а по-своему и протестантство. Наше народное религиозное воспитание не было благоприятно культуре. Наше духовенство не давало народу необходимого просвещения. В народе религиозно воспитывался дух смирения по отношению к власти, но совершенно не воспитывался дух активности и самодисциплины. К самоуправлению народ не был подготовлен всем своим прошлым. В русском православном сознании заложено своеобразное народничество, недоверие к культуре и культурному слою. Это недоверие распространяется не только на атеистическую интеллигенцию, которая и не заслуживает иного к себе отношения, но и на иерархию высшей культуры. На Западе католичество боролось с безбожной культурой, с антихристианским просветительством, но оно само создало великую культуру, латинскую культуру Запада, и поддерживало не только священное предание церкви, но и священное предание культуры, оно воспитывало личность для жизни в истории и для работы в цивилизации. Результаты этого воспитания в секуляризованном виде остались и в народе, потерявшем католическую веру. Католичеству совершенно чуждо враждебное культуре народопоклонство. На католической почве никогда не рождалось идолопоклонство перед народом и естественной народной мудростью. Мудрость видели во Вселенской Церкви, в Церковном Разуме, а не в народной стихии. У нас же почти не было священного предания культуры, созданного и освященного нашей церковью.

Сейчас мы вкушаем горькие и ядовитые плоды русского ложного отношения к народу и к культуре. Горьким опытом узнаем мы, что значит восстание народа, не принявшего еще культуры и громящего культуру, что несет с собой восстание количественной массы, не подчиненной никаким качествам, сбросившей всякую норму и закон. Это есть расковывание первозданной хаотической тьмы. Закон государства, закон цивилизации сдерживает до времени темный и звериный хаос, грозящий уничтожением всякого космического лада, подобно тому как природная закономерность сдерживает его для всего мирового целого. Поклонение народу как факту, как непросветленному количеству есть безбожное идолопоклонство. Народ как факт, как эмпирическая данность не может быть святыней, он сам прежде всего нуждается в святыне, которую он поставил бы выше себя, в свете, который просветил бы его естественную тьму, связанную с первородным грехом человеческим и с падением человека в состояние звероподобное. Религиозного отношения к себе заслуживает не народ, а человек, как образ и подобие Божье. Культура сама по себе также не может быть обоготворяема, но в культуре есть ценности, которые несут на себе отблеск божественного света и которые заслуживают почитания и бережного к себе отношения. Народ как эмпирический факт не заслуживает никакого почитания и поклонения, в нем нельзя искать критериев правды. Но в глубине души народной скрыты возможности высшей жизни, и возможности эти должны перейти в активное состояние через культуру. Народ, раскрывший в себе высшие качества, народ просветленный и в благородном смысле слова культурный есть задание, не данность. Высшая творческая духовная жизнь есть достояние немногих, она не поддается демократизации. Но и многие могут и должны быть качественно повышены настолько, чтобы преодолеть власть тьмы. Лишь в меру преодоления этой тьмы народ призывается к активной исторической жизни, к определению судеб государства. Это просветление тьмы предполагает иерархические ступени. Вот почему задачам культурным принадлежит духовное главенство над задачами политическими и принцип эволюционный должен быть нравственно поставлен выше принципа революционного. Одоление хлынувшей на нас народной тьмы не может быть достигнуто одной политикой, революционной или контрреволюционной, оно предполагает пробуждение религиозного света в душе народа. И прежде всего должен произойти радикальный переворот во всех оценках на духовных вершинах русского общества, поворот от идолопоклонства и идеализации народной стихийности к преклонению перед ценностями и к творчеству духовной и материальной культуры. Народ наш без смирения перед культурой и без творческого отношения к культуре обречен на разложение и гибель.

II. Народ и церковь

I

В эти темные и страшные для России дни нередко приходится слышать нарекания на церковь. Почему молчит церковь, почему собор не скажет своего властного слова об ужасах, переживаемых Россией, о духовном падении русского народа? Пусть церковь не должна заниматься политикой, пусть должна она стоять бесконечно выше политической борьбы. Но ведь не о политике ныне идет речь. Погибает Россия. Душа народа растлилась и пала так низко, как никогда не падала, корысть и злоба, зависть и месть безраздельно правят русской жизнью. Казалось бы, нарекания на церковь и, в частности, на собор, имеют основание. Так, до революции многие недоумевали, почему церковь не возвышает своего голоса против зла самовластья, против растления власти, против царства распутинства. Плохо то, что говорящие так и предъявляющие разные требования церкви слишком часто говорят это со стороны, издали, сами они не в церкви и от церкви давно отпали, но в трудные минуты готовы прибегнуть к церкви по соображениям утилитарно-политическим. Та самая интеллигенция, которая все делала для разрушения церкви, которая в течение полустолетия подрывала веру в народе, теперь испугана плодами своей деятельности и готова внешне цепляться за церковь, как за якорь спасения. Жалуются, что церковь как бы покинула народ, недостаточно заботится о нем, недостаточно руководит

им в трудные минуты его исторической жизни. Пусть это верно. Но ведь есть и другая сторона, о которой забывают люди, для которых вопрос о церкви – внешний вопрос. Народ сам покинул церковь, сам отпал от церкви, сам лишил себя ее помощи, ее благодатных даров. Человеку и народу предоставлена свобода быть в церкви или отпасть от нее. Спасение может быть лишь свободным. Церковь никого не держит насильственно в своем доме. Насилие может быть лишь делом государства. Революция много выявила, и в этом, быть может, единственное ее значение, она разделила сферы церковной свободы и государственного насилия. Русская революция обнаружила ту старую истину, которая для многих была недостаточно ясна, – церковь изменила и от нее отпала не только русская интеллигенция, как принято было думать и говорить, но и русский народ изменил церкви и отпал от нее. И это ослабление религиозной энергии русского народа произошло уже давно. Отсюда – слабость и немощь видимой русской церкви, которая так смущала и мучила лучших, наиболее религиозных русских людей. Отсюда и возможность страшных слов о параличе русской церкви. Необходимо задуматься над странным русским противоречием: русский народ объявили самым религиозным, единственным религиозным народом в мире, а церковь русская была в унижении, в немощи, в параличе.

Если в старой России, до революции, церковь была долгое время в рабстве у самодержавного государства и управлялась деспотически то Победоносцевым, то Григорием Распутиным, если после революционного переворота церковь бессильна справиться с безбожной народной стихией и не может иметь определяющего влияния на судьбу России, то это означает не немощь той Церкви Христовой, которой не одолеют и врата адовы, а немощь церковного народа, духовное падение народа, слабость веры, утерю религиозной верности. Церковный народ, церковное человечество составляет неотъемлемую часть исторической жизни церкви на земле. И невозможно могущественное проявление и процветание церкви в жизни исторической, когда народ в значительной своей части изменил вере и отпал от церкви. Церковь пребудет, если останется всего три праведника. Церковь основана на качестве, а не на количестве. Но когда отпадает от церкви и изменяет ей человеческое количество, человеческая масса, церковь уходит в глубину, делается более катакомбной и нельзя ждать от нее могущества в исторических проявлениях. Изменивший церкви человек и изменивший церкви народ не может предъявлять церкви никаких требований. Если в Русской православной церкви совсем почти не было жизни прихода, не было соборности, то вина лежит не на Церкви Христовой с ее непреходящими святынями, а на церковном народе, на человеческих грехах иерархии, на человеческой религиозной немощи. В нашей церкви слишком слабо была выражена человеческая активность. И те, которые своим религиозным сознанием закрепили и освятили эту слабость человеческой активности, виновны в ослаблении и падении церковной жизни. Немощь церкви есть лишь наша собственная религиозная немощь, лишь проекция вовне нашего религиозного бессилия и неверия, отсутствие в нас дерзновения перед Господом. Активность церкви в исторической жизни предполагает положительную религиозную силу человеческой стороны церковного организма. Церковь Христова есть богочеловеческий организм. Слабость и падение церкви, мерзость и запустение на месте святом есть слабость и падение церковного народа, неверие человека.

II

Ход русской революции выяснил уже одну горькую для нас, русских, истину, которую необходимо мужественно признать. В свете богочеловеческого церковного сознания должно быть переоценено старое положение об исключительной религиозности русского народа, которое поддерживали и славянофилы, и самые большие русские писатели. Продолжать это утверждать было бы страшной фальшью и ложью. Длительная слабость, зависимость, параличность русской церкви не может не вызывать подозрительного отношения к русскому церковному народу, к русской религиозности. Народ богоносный, в котором сильна была религиозная вера и религиозная верность, не допустил бы, чтобы церковь его впала в столь зависимое положение, он сделал бы

церковь определяющей силой своей истории. Некогда, во времена св. Сергия Радонежского, церковь и была определяющей силой русской истории. Но это было очень давно. Тогда народ был другим. Тогда дух всей мировой эпохи был иным. Со времени раскола в русской церкви церковный народ ослабел. Особенная религиозность русского народа давно уже должна быть поставлена под знак сомнения. В массе народной эта религиозность всегда была полухристианской-полуязыческой. Но и это исконное полуязычество русского народа все-таки религиозно бесконечно выше и благороднее того неверия и нигилизма, которые все более и более охватывают народ. Лучше поклоняться фетишу, чем самому себе, своей корысти, своему произволу. Интеллигентское полупросвещение быстро убило остатки веры в массе русского народа. И как это ни горько, но нужно признать, что ныне русский народ менее религиозен, чем многие народы Запада, что религиозная культура души в нем слабее. Полный нигилизм легче всего овладевает русским человеком. И пора перестать видеть в этом нигилизме обратную сторону исключительной русской религиозности, которой всегда нужно все или ничего. Нигилизм есть страшная болезнь русского духа, которую нужно перестать идеализировать.

Мы жалуемся, что Бог покинул нас и что Церковь Его не дает нам благодатной помощи, которая явилась бы источником нашей силы, помогла бы нам справиться с ужасами нашего времени и спасти Россию от гибели. Но мы слишком забываем, что мы сами оставили Бога, ничего не делали для Него и для Его Церкви, и что вина наша перед Христом не может не иметь внутренней кары. Есть движение от Бога к человеку; оно всегда происходит в церкви и в нем свыше ниспосылаются благодатные дары. Но есть и движение обратное, встречное, от человека к Богу. Высшая религиозная жизнь есть всегда встреча любви Божьей и любви человеческой. И вот нужно признать, что это встречное движение любви человеческой слишком слабо и неможно в каждом из нас и во всем русском народе. Оттого так мрачна и страшна наша жизнь. В слишком трудные минуты жизни мы готовы возложиться на Бога, вспоминаем о Нем и выражаем претензии к церкви, но сами сделать для Бога ничего не хотим и в церкви не проявляем никакой жертвенной человеческой активности. В светлые наши минуты мы верим, что Христос – наш Искупитель и Спаситель, и мы готовы искать помощи в Христовой любви к нам. Но наша собственная любовь ко Христу, наше ответное движение слабы и ничтожны. Христос пострадал за нас, кровь Его вечно проливается для искупления наших грехов, и вечно совершается голгофская Его жертва для спасения нашего в жизни вечной. Но мы не хотим облегчить бремя жертвы Христовой нашей собственной жертвой, нашей собственной любовью. Мы почти негодуем, что церковь молчит и бездействует, когда мы погибаем, когда погибает народ, мы выражаем нетерпение и требуем насильственного вмешательства Божьего Промысла, который еще совсем недавно не казался нам столь нужным. Но народ погибает от своей измены, от своего духовного падения, от своей низости. Бог не может и не хочет насильствовать злую свободу людскую. Христос ждет свободной любви человека. Ныне у многих из нас, русских христиан, силен ужас перед надвигающейся тьмой, сильна ненависть к сеятелям тьмы, но слаба свободная любовь ко Христу, и нет между нами братства во Христе. Такая духовная атмосфера не может быть благоприятна для восприятия благодатной помощи Христовой. Со стороны, издали, ничего нельзя воспринять в церкви и нельзя предъявлять к церкви никаких требований. Каждый должен быть в церкви и являть собой возрождение силы церкви над нашей грешной землей.

III

Много ожиданий связывалось с собором. Но собор может быть лишь таким, каков церковный народ. Если в церковном народе слаба религиозная энергия, то она не может быть сильна и в соборе, собор соединяет и укрепляет религиозную энергию, но он не может ее создать из пустоты, из человеческого ничтожества. Та особенная благодать, которая почит на соборе, предполагает и особенную обращенность человека к Богу.

Собор собирается в трудное время религиозного падения и религиозной измены русского народа, после слишком долгого рабства и паралича русской церкви. Ему не предшествовало никакого церковного движения снизу, в народной жизни, в первичных ячейках церкви. Русская духовная иерархия была не на высоте своего призвания, в ней веками воспиталась пассивность, послушность всякой власти и не выработалось сознания церковного достоинства. Иерархи русской церкви не привыкли говорить властные слова, они не были духовными водителями народа. И эта слабость русского духовенства имеет какие-то основания в слабости самого церковного народа. Народ имеет соответствующую ему власть светскую и власть духовную. И нечего удивляться и негодовать, что собор не говорит достаточно властного слова о судьбе России. Властное слово церкви предполагает религиозно размягченные сердца в народе воспринимающем. Сердца окаменевшие ничего не услышат и не узнают. Вот почему в посланиях и литературных памятниках собора много условности и риторичности, в них слишком чувствуется подделка под старый церковный стиль. Нового церковного стиля нет, потому что нет религиозной энергии, по силе равной религиозной энергии былых времен. Не чувствуется достаточно глубокой связи между собором и народом. И собор остается изолированным в бушующем океане народной жизни. Нет дыхания творческого духа в соборе, потому что нет этого живительного дыхания в церковном человечестве, в церковном народе. Церковь пришла в состояние полного нестроения, и собор должен был заняться бытовым устройством церкви, определением ее отношения к государству, установлением патриархата и т. п. Но собор оказался не на высоте тех религиозных тем, которыми мучилось меньшинство русских религиозно алчущих людей. Собор может быть органом церковного возрождения, но не может создать церковного возрождения.

Всякий народ может жить сильной и здоровой исторической жизнью лишь в том случае, если он имеет сильные и здоровые духовные основы жизни. Без этих основ разваливается и вся материальная жизнь народа. Духовными основами жизни народа могут быть лишь религиозные основы, лишь они дают дисциплину души. Эти дисциплинирующие основы народной жизни не могут быть даны отвлеченной философией или отвлеченной моралью. Эти духовные основы должны иметь свою символику. Символические знаки имеют магическую власть над душой народной, и их уничтожение влечет за собой душевный распад. Так армия разлагается, когда уничтожается символический знак отдания чести. Религиозная жизнь народной массы вся связана с культовой символикой, и она возможна лишь в церкви, в конкретной исторической церкви, она может быть лишь церковной жизнью. Когда масса народная отпадает от церкви, она отпадает и от всякой религиозной жизни, теряет духовные основы своей жизни. Народное сектантское движение, которое многим представляется переходом к более высокому типу религиозности, кончает полным рационализмом и неверием. Роковой процесс отпадения народной массы от церкви происходит и на Западе. Но там религиозное воспитание человеческой души было таково, что и после утраты веры и отпадения от христианства остался крепкий осадок в форме норм цивилизации и культуры, которые были секуляризованными религиозными добродетелями. Христианское сознание различия между добром и злом осталось у народов Запады и удерживает их от полного распада. В русском народе, не имеющем цивилизации, отвращающемся от срединного царства культуры, отпадение от христианства влечет за собой падение всяких духовных основ жизни, т. е. чистейший нигилизм. Русский человек считает все дозволенным, если нет Бога, нет бессмертия. Это раскрыл Достоевский. Это подтверждается и русской революцией. Так называемыми культурными ценностями живут лишь очень немногие. Нам нужно покаяться и признать, что западные народы и до сих пор остаются религиозно более крепкими, чем русский народ. Русские – религиозно хрупки и неустойчивы. Перед избранными русскими людьми раскрывается безмерность и бесконечность, неведомые западным людям, но в массе своей русские люди впадают в нигилизм. Духовное возрождение, подъем духовной энергии может начаться лишь после

покаяния. В «народ», как носителя истинной веры, более верить нельзя. Мы должны обратиться внутрь себя и из собственной глубины начать церковное объединение и творчество. Церковное народничество есть ложь и соблазн. Избранная интеллигенция должна возрождать в народе Христову веру. Но отныне церковный народ будет составлять меньшинство. К старой бытовой религиозности нет возврата. Начинается период сознательной религиозности. Мир вступает в новый возраст.

«Народоправство», № 23-24, с. 3-7, 1 февраля 1918 г.

Оздоровление России

I

Россия тяжело больна. Болезнь эта имеет материальные симптомы разложения нашего государственного и социального организма. Но в основе своей – это духовная, а не физическая болезнь. Корни материально-видимой общественной жизни народа скрыты в невидимой глубине. Глубина же эта всегда есть жизнь духовная. Россия не может быть излечена одними материальными средствами. Не только тело, но и душа больна. Выздоровление России предполагает прежде всего оздоровление духовных основ жизни русского народа и руководящих кругов русской интеллигенции. Ложные идеи интеллигенции дали свои ядовитые плоды. Теперь интеллигенция обязана сознать свои грехи и ошибки и нести народу более здоровые идеи, в которых будет возрождаться энергия. Мы знаем, какие идеи погубили Россию, и знаем, что возродить Россию могут лишь идеи противоположные. Духу тлетворному нужно противопоставить дух животворящий. Что в основах материальной жизни народов лежат духовные начала их жизни, это истина более глубокая, чем та поверхностная истина, которую проповедует экономический материализм. Теперь и в газетах, которые всегда с отвращением относились к религии, заговорили о том, что без религиозных основ не может существовать государство. Эта истина проникает и в самые позитивно-настроенные партии. Экономическая жизнь народа, его экономическая производительность зависит от дисциплины личности, от духовного склада народа, от его религиозного типа. Рядом научных исследований обнаружена связь между экономическим развитием Англии и религиозным воспитанием английского народа. Эта связь прослежена и в других странах. Католичество по-одному, протестантство по-другому воспитывали народы Запада для исторической жизни, вырабатывали закал характера, необходимый для созидания культуры. Католичество проникнуто духом универсализма. Но оно же развивает и дисциплинирует личность. В католичестве всегда была динамическая энергия, которая играла руководящую роль во всемирной истории. Православное религиозное воспитание неблагоприятно для исторической жизни народов; оно мало научает общественному и культурному строительству, мало дисциплинирует личность. Православие все колеблется между максимализмом святости и минимализмом довольно низменной бытовой жизни. Русское православие мало дает для той огромной середины жизни, в которой совершается история и творится культура. К. Леонтьев не без основания говорил, что «русский человек может быть святым, но не может быть честным». Русское православие создало ослепительные образы святости и воспитало в народе культ святости и святых. Но очень мало сделало для развития в русском человеке честности и ответственности, для религиозного укрепления в нем энергии, необходимой для творчества истории и культуры. В русской религиозности всегда преобладали черты восточной пассивности. В этом типе религиозности всегда было слабо выражено начало личности. Личность расплывалась и тонула в природном коллективизме, который принимали за духовную соборность.

Многие психологические черты русской православной религиозности в секуляризованном виде перешли в атеистическую русскую интеллигенцию. Православное воспитание не оставило в душе русского человека твердого осадка в форме культурных добродетелей норм цивилизации, как оставило религиозное воспитание на Западе. Русский человек легко переходит из религиозного состояния в состояние совершенно

нигилистическое. Если нет Бога и бессмертия души, то русскому человеку все представляется дозволенным. Он появляется совершенно нагишом. Русская революция обнаружила недостаточность религиозного воспитания русского народа. Духовная основа русского государства, русского хозяйства, русской культуры расшатана с необычайной легкостью. Личность русского человека подверглась распадению, в ней утерян духовный центр. Вера ослабела в русском народе, а цивилизации в нем не оказалось. Интеллигенция давно уже отпала от веры христианской и воодушевлялась иной верой, социалистической, верой в грядущий земной рай. Эта вера не давала никакой дисциплины личности. Нездоровая социальная мечтательность разнуздывала личность. Социалистическая вера парализовала чувство ответственности и породила непомерную притязательность. Русский человек перескакивает от первоначального коллективизма к коллективизму социалистическому. Школы личной дисциплины и личной ответственности он не прошел. Если православная вера русского человека не вполне была благоприятна личному творчеству и историческому действию, то социалистическая вера по-новому неблагоприятна этому. Восточный склад религиозности принижал человека, а когда религиозная вера ослабела, человек освободился в совершенно хаотическом, недисциплинированном и болезненном состоянии. Когда я критикую православное религиозное воспитание, я менее всего хочу судить церковь, которой не одолеют и врата ада, я имею в виду русский тип религиозности с его человеческой стороны. Этот тип слабо защищен от перехода в состояние совершенно хаотическое и нигилистическое. Но только церковь учила русский народ правде, и без церкви не может он быть спасен от духовной смерти.

II

Оздоровление России прежде всего предполагает переход руководящих кругов ее интеллигенции от сознания материалистического и атеистического, приведшего к нравственному вырождению и духовному упадку, к сознанию религиозному, т. е. возрождение духовных основ жизни. В самой же религиозности русской должно открыться более активное и ответственное человеческое начало. Менее всего, конечно, это значит, что я хотел бы для России лютеровской реформации. Лютеровская реформация исчерпала себя на Западе, и она не соответствует ни характеру русского народа, ни исторической задаче России. Но в России происходит огромный и болезненный переворот, и он не может не сопровождаться религиозной реформой, религиозным обновлением. С большим основанием можно сказать, что для русской религиозной жизни необходимо соединение церковей и пробуждение человеческой активности в церкви. То, что на соборе не был поднят вопрос ни о соединении церковей, ни о возможности творческого развития в церкви, обнаруживает лишь, что он собрался скорее в период религиозного упадка церковного народа, чем религиозного подъема его. Но потрясения революции не могут не привести к религиозному углублению и пробуждению религиозной энергии в народе, страдавшемся и разочарованном в социальных обетованиях. Религиозное оздоровление и возрождение русской интеллигенции и русского народа должно повести за собой и совершенно иное, более творческое и более ответственное отношение к жизни.

В основу общественности должны быть положены иные начала и иные оценки, чем те, которые до сих пор у нас господствовали. Народническая идея распределения и раздела, целиком владеющая русской интеллигенцией и легко воспринятая русским народом как движение в направлении наименьшего сопротивления, погубила Россию. Во имя этой идеи Россия растерзана и разорвана на части. На практике идея эта, казавшаяся столь возвышенной ряду поколений, привела к всероссийскому грабежу, к расхищению государства и к голоду. Эгалитарная страсть влечет нас к небытию. От одержимости идеей раздела и уравнивания Россия и русский народ во что бы то ни стало должны быть вылечены. Этой злой и в основе своей антирелигиозной идее, ибо с христианской любовью она ничего общего не имеет, должна быть противопоставлена идея творчества и

инстинкт производительности. На этом пути скорее будут накормлены голодные, чем на путях раздела и принудительного уравнивания. Через иступленные оргии разделов и уравниваний в России возникнет новая дифференциация, и творящая личность вновь подыметя. И после страшных испытаний будет признано благо и ценность неравенства, его необходимость для духовного и материального подъема самих народных масс. Россию погубила ложная идея класса и «народа», понятого в социально-классовом смысле слова. Эта идея, вызывающая эмоции, близкие к одержимости, убивает в России человека, она напоила Россию ненавистью и злобой. Во имя служения страдающему «народу» были порваны нравственные основы отношения человека к человеку, сделали невозможным почитание в человеке образа и подобия Божьего. Идолопоклонство перед «народом» мешало раскрывать и развивать в себе человеческую личность. Выздоровление России должно прийти от идей совершенно противоположных: от идеи личности, сознавшей себя свободной, ответственной и творческой силой, от идеи нации как реальности, превосходящей все социальные классы, от идеи государства и идеи церкви как высочайшей реальности. России необходима серьезная нравственная реформа, которая создаст новый нравственный закал характера русской личности. Россия погибает от долгой идеализации слабости. Она выздоровеет и возродится от идеализации силы, от признания за силой нравственного и духовного значения. Россия погибает от безответственной социальной мечтательности. Она выздоровеет от социального реализма. Россия погибает от анархических инстинктов и анархических идеологий. Она окрепнет от государственных инстинктов и государственных идей. Россия погибает от русской склонности к коллективизму, в котором тонет личность, коллективизму то религиозному и мистическому, то материалистическому и экономическому. Для выздоровления и возрождения России русскому человеку необходима некоторая доза здорового нравственного индивидуализма. России нужен подбор качественно возвышающихся личностей. В России необходимо повысить до высочайшего напряжения личную инициативу и личную ответственность. Россия погибает от безответственного русского человека, который все возлагает то на социальную среду, то на судьбу, то на всеильное самодержавное правительство, то на всеильный пролетариат. Россия будет выздоравливать от повышения до высочайшей степени ответственности каждого лица. Каждый должен принять на себя как можно большую ответственность и уменьшить притязательность. Россия погибает от безответственных притязаний всех и каждого и от слабого чувства обязанности. Она будет выздоравливать, когда в русских людях сознание обязанности победит притязательность. У русских почти атрофировано чувство долга, а потому и право у них шатко. Для оздоровления России необходимо укрепление у русских людей чувства долга.

III

Необходимо освободиться от старой русской чувствительности, от ложной сострадательности и сентиментальности, от исключительной власти чувств и эмоций, в которых тонет воля и разум. Необходимо развить в себе более суровые добродетели: с ними только и можно делать историю. Россия погибает от экстенсивности русской души и русской культуры, от слабой интенсивности труда. Россия выздоровеет и возродится от большей интенсивности русской души и русской культуры, от повышения интенсивности труда. Духовная дисциплина личности должна повести за собой и дисциплину труда, от отрицания которой разваливается хозяйственная жизнь России. Россия погибает от преклонения перед количествами и от отрицания самостоятельного значения качеств и качественного подбора. Она должна выздороветь и возродиться от почитания качеств и качественного подбора и ограничения власти количеств качественными началами. С этим связана переоценка нашего традиционного отношения к демократии, которая заключает в себе большие опасности, если она не подчинена никаким высшим качественным началам. Революция обнаружила, что сам народ не хочет у нас чистого народовластия и не способен к нему на данном уровне развития. Народ в глубине души ждет таких

качественных избранников, которые властно выведут его к более человеческой жизни. Для оздоровления России необходимо преодолеть те толстовские моральные оценки, которые широко распространены в русском обществе. Эти моральные оценки парализовали творческую энергию русской личности, они обессилили русских людей в час мировой борьбы и вынули у них оружие из рук, когда враг вступил на нашу землю. Русское непротивленчество, русская пассивность, русский пацифизм – нездоровое явление. Это добродетели не столько христианские, сколько буддийские.

Для оздоровления России необходимо преодолеть все формы русского народничества и народопоклонства, в каком бы виде они ни проявлялись, – религиозном или материалистическом, славянофильском или революционном. Русская революция есть завершение нашего народничества, его торжество и его гибель, его горький плод и его конец. Это народническое сознание всегда было великим препятствием для перехода России к более высокой культуре, для роста русского могущества. Народническое сознание несовместимо с постановкой творческих исторических задач. И в нем есть возмущающая безответственность. Народнические сентиментальные декламации кончились очень плохо, они кончились жестокостью и принесли бедствия русскому народу. Те, которые из блага народного сделали себе идеал, разрушили государственные и хозяйственные основы бытия русского народа, которые только и могут быть источниками всяких благ. Те, которые создали себе нравственный ореол из печалования о страданиях народных, разрушили нравственные основы бытия русского народа, без которых человек человеку делается волком. Так всегда бывает с ложной безответственной чувствительностью, с морализмом, оторванным от более глубоких духовных, религиозных истин. Мы стоим перед задачей глубокого перевоспитания русского, народного характера и русской личности. В жизни отдельного человека бывают тяжелые кризисы, когда он близок к гибели. После такого кризиса человек собирает свои духовные силы, подтягивается и дисциплинируется. Такое состояние может переживать и целый народ. Если русский народ и после таких страшных испытаний и кризиса не соберет своих духовных сил и не дисциплинирует себя, то он может погибнуть, сойти с исторической сцены. Для политического, государственного возрождения России необходимо духовное возрождение русской личности, перерождение русской души. Это и будет началом национального ренессанса. Русский человек погибает от безволия. Он живет по преимуществу чувством. Все его мышление слишком эмоционально и заинтересованно, оно не любит объективного, лишено пафоса объективности. И оздоровлением для русского человека будет укрепление в нем воли; оздоровлением будет для него укрепление разума, ищущего объективную истину. Мы по горькому и страдальческому опыту знаем, какие духовные начала привели Россию к гибели. И мы должны сознать, что спасти ее могут лишь начала противоположные, лишь иной дух. Этот иной дух и эти иные духовные начала должны быть проповеданы широким кругам русской интеллигенции, которые пусть понесут народу противоядие от тех ядов, которыми они долгое время его отравляли. Россия может возродиться и должна возродиться, она будет еще великой и сильной. Но для этого должна воодушевлять нас идея величия и силы России.

«Накануне», № 6, с. 1-2, 1918 г.

^[1] Под «пролетарским» я понимаю особый тип мысли, а не мышление рабочих, которые могут мыслить и иначе.

^[2] См. мою статью «Народническое и национальное сознание» в «Русской Мысли» за июль-август 1917 г.

^[3] Статья эта была написана до большевистского переворота.